

Машар Айдамирова
*СПОЙ КОЛЫБЕЛЬНУЮ,
НАНА!*
(рассказы)

Нальчик 2008

АЙДАМИРОВА МАШАР АБУЗАРОВНА

/ Краткая биография/

Член Союза писателей России, Заслуженный учитель Чеченской Республики Машар Айдамирова родилась 8 марта 1963 года в селе Мескеты Ножай-Юртовского района Чечено-Ингушской АССР.

В 1991 году окончила Чечено-Ингушский государственный университет, по специальности филолог.

Много лет проработала в сфере образования.

Машар Айдамирова автор двух книг. В сборнике рассказов «Долгая дорога в ночи» (2004г.) показана трагическая судьба чеченского народа в военные 1994-2002 годы, исследовательский труд «Айдамиров Абузаран дахар а, кхолларалла а» («Жизнь и творчество Абузара Айдамирова») (2007г.) знакомит читателей с непростой жизнью и творческими исканиями Народного писателя Чечено-Ингушетии Абузара Айдамирова - отца и наставника М.Айдамировой. Ее рассказы переведены на французский и немецкий языки. К ее произведениям созданы иллюстрации художником Régis Bezannier в жанре комиксов. Машар увлекается живописью и музыкой; она иллюстрировала книги отца и сборник своих рассказов.

В настоящее время - депутат Народного Собрания Парламента Чеченской Республики.

* * *

Перед вами сборник рассказов Айдамировой Машар Абузаровны.

В тяжелейший момент в истории чеченского народа, когда обезглавленную Чечню грызут хищники всех мастей и религий, когда калечат и убивают безвинных детей седых Кавказских гор, когда алимы и представители интеллигенции, еще вчера претендовавшие на роль отцов народа, в страхе разбежались во все стороны, заговорила чеченка- мать, чеченка - сестра, чеченка - дочь. Это не плач и не стон, это гордый голос духовно свободной женщины, готовой взять на свои плечи весь груз обрушившейся на ее народ ужасной беды, вобрать в свое сердце всю боль этого безысходного горя.

Я несколько раз перечитывал эти рассказы, каждый раз восхищаясь мужеством, стойкостью, оптимизмом героев М.Айдамировой.

Эти произведения трудно читать. Потому что ужасы войны и страдания людей показаны в них с такой достоверностью, что читателю волей-неволей приходится пропускать эту боль через свое сердце, страдать вместе с героями. Писательница этого и добивается. Ей, как и любому автору, не нужны равнодушные читатели. Она призывает каждого сделать все, чтобы спасти ее народ.

Вместе с тем рассказы Айдамировой легко читать, потому что написаны простым, понятным языком. Писательница говорит только то, что хочет

сказать, не позволяя тексту затягивать себя в пучину словарного океана. Многим молодым и даже маститым авторам не удастся избежать этого. Они конструируют такие сложные предложения, что часто за этой словесной свалкой теряется мысль автора, идея произведения. Создается ощущение, что это не писатель пишет текст, а текст «пишет» писателя. Айдамирова же из огромного лексического запаса русского языка берет именно те слова, которые необходимы ей для создания намеченных образов и сцен. Все остальное излишне. Ее язык лаконичен, но не беден. Показанная ею правда сегодняшнего дня страшна, как оголенный электропровод, но достоверна, как артиллерийский залп.

Символично, что автором настоящего сборника является женщина. Женщина, которая знает, что значит растить ребенка и потерять его, остаться одной, похоронив погибшего мужа, и впитать в себя страдания осиротевших детей. Может быть это упрек нам, мужчинам, не сумевшим оградить свою землю, свой народ от войны. Ведь это мы виноваты в горькой доле наших матерей, сестер, жен и детей, потому что у нас не хватило мудрости распознать и пресечь в самом начале гигантскую провокацию, в которую втянули наш народ тоже, наряду с другими малыми и большими народами и странами.

Еще недавно казалось, что трагедии чеченского народа никогда не будет конца. Казалось, что машина смерти, запущенная чьей-то дьявольской рукой, не остановится до тех пор, пока хоть один чеченец останется в живых. Планомерно истреблялась целая нация. Истреблялась материально, морально и физически.

Но... «Все течет, все меняется» - говорили великие.

«Ничто не вечно под луной» - любит повторять и автор настоящего сборника. Да, именно так. Утихомирилась и эта буря, принеся на чеченскую землю столько горя и разрушений. Ушли в прошлое и злополучные зачистки, и артобстрелы, и ежедневные бомбежки. Республика потихоньку выбирается из завалин, а народ залечивает раны.

Но никогда не следует забывать о том, что было. Забывчивых, тех, кто не умеет извлекать уроки из прошлого, кто не способен учиться на собственных ошибках, история жестоко наказывает. Поэтому писательница еще и еще раз напоминает всем о трагедии чеченского народа через судьбы людей. Она приглашает нас задуматься над причинами произошедшего, сделать все, чтобы подобных ошибок в нашей жизни больше не было. Ведь любое событие - это только следствие какой-то причины. А причина всегда была, есть и будет только в самом человеке. Если случилась трагедия, значит кто-то сделал далеко не все, чтобы этой трагедии не было... значит мы, рядовые жители, допустили эту трагедию. В этом и заключается наша вина.

Машар хочет, чтобы мы не переставали думать об этом, хочет, чтобы каждый из нас признал свою долю вины и понял свою ответственность.

Я умышленно не останавливаюсь на художественных качествах произведений М.Айдамировой. Читателю не очень интересны секреты и тонкости писательского ремесла, его обычно занимают эмоциональные и идейные качества произведения. А это самые сильные стороны представленного сборника. Скажу лишь, что

М.Айдамировой удалось не выходя за рамки выбранного жанра показать трагедию Чечни начала XXI века, Чечни - блокпостов, артобстрелов и бомбежек, расстрелов и похищений граждан, минных полей и бесконечных колонн бронетехники и беженцев.

Но это не вся правда М.Айдамировой. Машар оптимистка. Она верит в то, что на ее земле перестанет литься кровь, и ее народ заживет счастливой жизнью, без войн и слез.

Это и есть главная, непреклонная правда Машар Айдамировой, писательницы с большим творческим потенциалом.

Усман Юсупов
писатель

НАЧАЛО БЕДЫ

Кругом темно и ничего не видно. Эта ночь до того спокойна и темна, что напоминает затаившуюся черную пантеру, и ты с замиранием сердца чувствуешь за спиной во мгле ее невидимый алчный взгляд, и за каждым кустиком, в каждом шорохе тебе мерещится приготовившийся к прыжку хищник.

- Ты сегодня впервые на дежурстве? - нарушает тишину чей-то тихий голос.

- Да. А мне еще говорили, что эта работа полна опасности и риска. Видно, пугали - здесь так спокойно.

- Рано еще делать выводы, - короткий смешок.

- Наша работа начинается с первым гудком приближающегося поезда.

- Как это?

- Потерпи чуть-чуть - это надо видеть, словами не передашь.

- Про эту станцию ходит много историй, - встречается в диалог третий голос. - Например, вот одна: двое из одного села, шури и зять, следуя примеру многих, решили податься сюда, на эту самую станцию, в целях наживы. В то время вся денежная знать бежала от революционной проказы, но тут их останавливала сорвавшаяся с цепи чернь и обдирала до последней копейки. У шурина была телега, у зятя - двое быков. Договорились разделить награбленное поровну. Кинулись на поезд и тут же наткнулись на сундук, обитый алым бархатом и надежно забитый гвоздями. Обрадованные своей удачей, вернулись домой и

приступили к дележке. И, как обычно случается в таких ситуациях, ими овладела алчность и началась перебранка - каждый претендовал на большую долю. «Я, - говорил зять, - имею больше прав на добычу, потому что этот тяжелый груз тащили два моих быка». Разгоряченные ссорой, ругаясь, они открыли ящик и остолбенели: в ящике, смиренно сложив руки на груди, во всем великолепии лежал тучный покойник с роскошными усами. Обманувший их надежды сундук с «сокровищами» оказался всего лишь... гробом состоятельного казака. Шурин посмотрел на обомлевшего зятя и великодушно проговорил: «Знаешь, зятек, оставь-ка себе и мою долю, я не жадный».

- А вот другой случай. Во все времена эта станция наводила ужас на предприимчивых бизнесменов, они никак не могли доставить или получить свой груз железнодорожным путем по этому маршруту: здесь их опустошали за считанные минуты. Власть не в силах была приостановить грабеж поездов, получивший тогда особенно широкий размах. И вот однажды пошли на крайнюю меру: пустили слух, что на днях планируется перевозка ценного груза. В назначенный день и час поезд осадили с неслыханной бесцеремонностью, сорвали пломбы с вагонов, но тут же испуганно отхлынули назад: каждый вагон поезда был битком набит вооруженными до зубов солдатами, с наведенными на них винтовками. Раздалась команда, и огненный шквал скошил взбудораженный люд...

- Значит, эти грабежи у местного населения в крови - их пыл ничуть не охладил за полвека.

- Почему, у местных? Знаешь, сколько народу сюда понаехало!

- Слушайте, что вчера было! Говорят, сюда приехали репортеры, снимают весь этот кавардак, люди разбежались, прячут лица, никто не хочет разоблачения, не хочет, чтобы потом на него, как на вора, показывали пальцем. По дороге предупреждают своих знакомых: мол, не ходите туда, а то вас сфотографируют. А одного распирает любопытство, и он живо спрашивает: «А фото они сразу выдают?»

- Вот олухи! - послышался кругом сдержанный смех.

- А ты помнишь, Султан, как во время нашего дежурства мы поймали одного бедолагу? Видим, в кромешной тьме во весь опор удирает человек, еле догнали, схватили, а у него в руках сверток. Бедняга с перепугу бормочет что-то несвязное и умоляет отпустить его. «Я, - говорит, - первый раз решился на такой позорный поступок, так как мне не в чем ходить, а денег на сапоги нет. Возьмите, вот они, уж лучше я буду топтать босиком»... Но вот невезуха-то, сапоги оказались на одну ногу...

- А ты вспомни еще, как грабители в спешке забыли своего дружка и заперли на замок в опустошенном вагоне, и его обнаружила милиция Дагестана на своей станции. Вот была умора...

- А ну, тихо, - припал охранник одним ухом к холодным рельсам и прислушался. Все затаили дыхание.

- Ребята, поезд скоро будет здесь, готовьтесь к бою...

- Но ведь тут никого нет, - Илес ничего не понимал и решил, что его просто разыгрывают в его первое дежурство.

Могу поклясться на священном Коране, что точно так же, как я сейчас, тысячи, если не больше, ушей, для которых стук колес подобен сладостной

райской музыке, приложены к этим рельсам в ожидании долгожданного поезда. Так сказать, невидимый фронт, но скоро они вылезут, как паршивые тараканы, которых сколько ни дави, меньше не становится.

- Стрелять в них мы не можем: если ненароком убьем кого-нибудь, тут же вся его родня объявит тебе кровную месть. Видел индийский кинофильм «Месть и закон»? По сравнению с нашими расправами, это занимательная сказка.

- Я не верю, - Илес был обескуражен услышанным. - Как такое возможно? Мы, воспитанные на священных сурах Аллаха, не можем позволить себе подобное...

- Ничего, поверишь, недолго осталось ждать.

И вскоре все началось...

Вдали замигали зеленые лампочки, затем раздался длинный, надрывный гудок. Он прозвучал как сигнал к боевой атаке. Всю станцию вдруг запрудили тысячи людских теней. При свете фонарей их лица приняли нечеловеческий облик. Злоба, алчность, жажда к наживе, нетерпеливость, агрессия - все эти животные инстинкты полностью вытеснили те черты, что делают человека Человеком. Толпа была неуправляемой.

- Стойте! Назад, стрелять будем...

- Ваха, смотри, они обходят нас сзади...

- Защищайте вагоны, не подпускайте их близко...

- Остопираллах! Они лезут прямо сюда...
Отпусти мою ногу, придурок - эти сапоги казенные...

- И ты туда же, дед! Постыдился бы своих седин...

- Женщины! Опомнитесь, вспомните, кто вы! Вы же честь и совесть нашей нации...

- Султан! Они уже сорвали пломбы с вагонов...
Нам их не остановить...

- Вызывай подмогу...

- Не могу - у меня рацию сперли...

- Стреляй из ракетницы... Илес, ты что стоишь, разинув рот?

- А что делать? - растерянно озирался тот. - Не стрелять же в них...

- Пали вверх...

- А что толку? Теперь их ничем не испугаешь...

Не удивляйтесь. Это не взятие бастиона и даже не гражданская война.

Хуже... Это Чечня 1992 года.

В то время, когда мировая цивилизация обрела твердую поступь, здесь потрянули стариной, вернувшись во времена дикого Запада: грабежи, разбои средь бела дня, все вооружены, сильный топчет слабого, все рвутся к власти над другими...

...Илес совсем растерян и не знает, что делать дальше. Парень сегодня впервые заступил к своим должностным обязанностям, и представшая перед глазами дикая картина грабежа совсем сбила его с толку.

Как же так? Неужели эти люди чеченцы? Народ, которым он так гордился. Гордился, что он - представитель такой мужественной, благородной и трудолюбивой нации!.. Неужели весь народ превратился в разбойников?

Конечно, нет. Но именно недостойные дела вот таких вот отщепенцев бросают тень на весь народ.

А он еще обижался, когда его, недавно переехавшего с плоскогорья на равнину, обзывали горным индейцем. Да индейцы самого грозного племени ирокезов и в подметки не годятся нашим сорвиголовам!

На тропу войны вышли всей дружной семейкой, вплоть до самого маленького, способного утащить хоть что-нибудь.

- Смотрите, братцы, подмога пришла, - вдруг радостно указал рукой вперед один из охранников, уподобляясь ликующему матросу на мачте при внезапном появлении на горизонте долгожданной земли. - Мы спасены!

Но, странное дело, вместо того, чтобы разбежаться и в страхе рассыпаться в темноте, грабители с удвоенной силой ринулись на вагоны, топча друг друга, сбрасывая с вагонов зазевавшихся конкурентов.

- Что-то они не особенно испугались нашего славного ОМОНа, — Илес обернулся к Вахе.

- Тут и дураку ясно, что они прибыли сюда в полной боеготовности совсем с другим заданием. Смотри, сколько грузовых машин они подогнали. Вот теперь начнется настоящий грабеж, - Ваха разразился саркастическим смехом и, схватив несколько коробок с обувью, бросил их в осатаневшую толпу. - Ну что, братья и сестры, грабить так грабить... Натейте вам, подавитесь!

Илес разочарованно наблюдал за разыгравшейся бурей. Люди лихорадочно разбирали содержимое вагонов. Тут было все, как на восточном базаре: ткани, одежда, обувь, товары домашнего обихода, холодильники, мотоциклы, пищевые продукты, стройматериалы. Подоспевший ОМОН на правах хозяина уверенно и спокойно разгружал более ценные вагоны. А простой люд смиренно уступал их силе и воле, довольствуясь тем, что они не препятствуют их очередной ночной вылазке.

- Люди! Вы же мусульмане! Не гневите Аллаха!
- услышал Илес надрывный старческий голос. - Во имя

всех святых, не трогайте этот шифер...

Молодой человек, расталкивая обезумевший народ, протолкнулся к вызывающему о помощи старику и встал рядом с ним.

- Сынок! - кинулся к нему старец с последним проблеском надежды в глазах. - Сынок, - взмолился он, - прошу тебя, сделай что-нибудь! Этот шифер куплен на деньги моих бедных односельчан для постройки мечети. Что я им скажу? Сейчас его растащат....

Он не успел договорить. Вокруг все оглохли и ослепли от обуявшей их жажды наживы, и бедняга рухнул на землю под напором людского потока. Старик попытался встать на четвереньки, но тут же вскрикнул от боли. Черная каракулевая папаха, обтянутая белой лентой - признак паломничества в святую Мекку, - при падении слетела с головы, и он тщетно пытался достать ее дрожащими руками. Сотни ног равнодушно топтали головной убор, гордость и достоинство вайнахов¹, затем самый ловкий подхватил папаху с земли, бросил в сторону ненужную ленту и исчез в толпе.

Илес кинулся спасать немощного старика.

- Поднимайся, дада², а то тебя затопчут до смерти... Да тебе ногу сломали... - воскликнул он. - Осторожно, держись за меня крепче. - Парень с трудом вынырнул из людской пучины со своей ношей, еле выбрался на обочину дороги и бережно положил старика на землю. - Потерпи чуть-чуть, я скоро доставлю тебя в больницу.

- Баркалла³, сынок, пусть Аллах продлит твои годы, но не стоит так обо мне беспокоиться, - старый

¹ Вайнахи - общее самоназвание чеченцев и ингушей.

² Дада - отец; почтительное обращение к старшему.

³ Баркалла - спасибо.

человек еще не оправился от шока. - Объясни мне, что творится вокруг? Это же святотатство: своровать шифер, который предназначался для богоугодного дела, на кровлю мечети!

Рядом загудел огромный КамАЗ, который накренился от тяжести груза. Он застрял в луже и никак не мог выбраться на ровную дорогу. Водитель нервно дергал рычаги, прибежал ко всевозможным маневрам, но машина села крепко. Хозяева награбленного озабоченно забегали вокруг грузовика и вскоре нашли выход из положения: под массивные колеса в грязную лужу полетели мешки с мукой и сахаром. КамАЗ протяжно завыл и, подскакивая на только что проложенной продуктовой дорожке, ворочая колесами в мучной жиже, с трудом выбрался из ямы. По мутной воде вязким ручейком расплзлась белоснежная мука, подслащенная сахаром.

- Какое кошунство! — забыв о физической боли в сломанной ноге, горестно шептал старик, вконец измученный увиденным. - Это начало большой беды... Аллах не простит подобное...

Ночь юркнула в свою обитель, как нашкодившее дитя, оставляя дневному свету созерцать то, что она успела натворить за отпущенное ей время: под прикрытием ее тьмы человек сумел произвести полный погром.

И утреннее небо под первыми лучами солнца все покраснело, будто покрывшись краской стыда от содеянного зла на неприкаянной земле.

1993 год

ДОМ ПРЕСТАРЕЛЫХ

Это здание стояло почти на самой окраине города и было бы совсем неприметным, если бы не его покраска в вызывающий красный цвет. Он напоминает след пощечины на лице. Вообще-то, этот дом для престарелых и есть хлесткая пощечина равнодушному обществу. Как бы ни украшали его, какие бы цветущие сады ни сажали вокруг, все равно от него веет холодом и одиночеством. И как бы ни кормили, ни одевали, ни обхаживали живущих здесь стариков, ты не найдешь среди них счастливых, довольных лиц.

Вон в саду, на скамейке, удобно расселись пожилые люди. Они не проводят свое время, а убивают его. Никто из них не думает о будущем. Каждый ворошит свое прошлое, с трудом отыскивая среди прожитых лет хоть какое-то светлое воспоминание.

Некоторые из них впали в детство: старческий маразм. Может, это и к лучшему. Прошлое никак не отпускало и так давило, что хоть волком вой. И вот теперь они затерялись в лабиринте времени и собственных чувств.

Зарина стояла у раскрытого окна и смотрела на эту грустную картину, которая невольно заставляла задаться классическим вопросом: для чего дается жизнь человеку, в чем ее смысл. Ей всего лишь двадцать лет. Черноокая, стройная, уверенная в себе, в своей красоте. Когда после медучилища их распределяли и все выпускники наотрез отказались от этого места, она сама вызвалась сюда на работу медсестрой. Всем хотелось

романтики, а здесь сплошь и рядом горькие реалии жизни, которые не располагают к радужным мечтам -здесь вся жизнь вывернута наизнанку. Особенно трудно сейчас, когда республика кишит алимами⁴ разных мастей, на всех площадях столицы Чечни бурлят жгучие страсти митингов. Бог мой, все забыли свое историческое прошлое, когда вот такой бездумный шаг приводил к неисправимым последствиям! Целый народ страдал оттого, что вожди его всегда ходили по лезвию ножа. В конце концов, оступались, и полуживой народ, истекая кровью, долго залечивал смертельные раны. И так периодически, через каждые полвека, повторяя одни и те же ошибки. Так сказать, хроническая болезнь: политическая шизофрения и близорукость.

Зарина сегодня задумчива. Она встретила интересного молодого человека, и сегодня вечером у них свидание. Познакомились они случайно. Он, преуспевающий бизнесмен, совсем недавно вернулся на родину. А Зарине так хочется ему понравиться, быть любимой, обрести семейное счастье. Родителей она не помнит, ей известно только, что они оба погибли в автокатастрофе. Близких родственников не оказалось, а дальняя родня не желала взять к себе сироту, и ее отдали в детский дом-интернат. И теперь, глядя на этих несчастных стариков, девушка вспоминала свое детство, серое и однообразное. Все всегда строго по расписанию - завтрак, обед, тихий час, прогулка, полдник, ужин и затем длинная, бесконечная ночь. И так день за днем. Была у них одна добрейшая няня, которая ежедневно уделяла каждому из них поочередно особое внимание, как бы временно удочеряя.

⁴ Алим - ученый-богослов.

Бедные старики! У этих несчастных такой же удел. Только им тяжелее: в интернате их, детей, не связывали ошибки прошлого, обиды и сожаления. Они еще не успели познать сладость священных уз родственных привязанностей и горечь разлук и разочарований. В их возрасте они еще не вполне сознавали свою полную невостребованность в обществе - это приходило с годами. Ей-то еще повезло - недавно в ее жизни вдруг объявилась тетка по матери. Оказывается, она с мужем долго жила где-то в сибирских краях и после смерти супруга вернулась домой. Детей у них не было, и по настоянию единственной родственницы Зарина вскоре из общежития переехала к ней. Только она начала понимать прелесть семейного уюта, как тетя внезапно умерла, а квартиру оставила ей. Теперь она снова одна.

- Зарина, тебя шеф спрашивает! - пробежала мимо повариха Люба.

Самогулов Иван Петрович, заведующий этим домом отверженных, стоял к ней спиной и нервно постукивал пальцами по окну, выходящему в зеленый сад.

- Звали, Иван Петрович? - Зарина вопросительно замерла у дверей. Тот медленно повернулся к ней и молча кивнул головой. Только теперь она заметила, как он осунулся за последнюю неделю: глаза ввалились, вокруг них темные круги, весь какой-то взъерошенный. Ничего не осталось от того энергичного, всегда собранного, аккуратного человека, с лица которого никогда не сходила добродушная улыбка.

- Что я люблю в молодежи, так это исполнительность, - попытался пошутить он, впрочем, неудачно. - Ну, как работа? Никто не обижает?

- Кто меня тут может обидеть, Иван Петрович?!
Здесь все обижены судьбой и сами нуждаются в поддержке.

- Это верно. А есть какие-нибудь затруднения, проблемы?

- Да, есть немного - бабушка из пятой комнаты отказывается от еды. Я мерила температуру, давление. Все вроде бы нормально. И вообще, к ней очень трудно подступиться. Я уже почти со всеми подружилась, а она все время избегает окружающих, особенно ей неприятно мое присутствие.

- Чем это выражается? — слегка оживился заведующий.

- Да вроде ничем, но я-то чувствую. Она вся как-то замыкается, становится безучастной и отворачивается от меня, старательно избегая моего взгляда.

- Ничего, Зарина, бывает. Старые люди так капризны и непредсказуемы! А эта Мария Александровна со своими причудами. В прошлом она была учительницей и не простой, а заслуженной. Была и моей первой наставницей. Учила, воспитывала чужих детей, а своего так ничему и не научила... Единственный сын бросил ее. Поехал за длинным рублем, а ее тут оставил... Подлец!

- Зарина видела, как он побледнел от неприятного воспоминания. — Ты не особенно ей докучай, дочка, и не лезь ей в душу. Хорошо? - он посмотрел на нее отяжелевшими от бессонной ночи веками.

- Да, конечно, - замялась медсестра. — А зачем вызывали?

- Коровкина Евдокия из четвертой палаты очень плоха. Останься здесь на ночевку, подежурь рядом с ней.

У Зарины екнуло сердце: встреча с Магомедом сорвалась.

- Что, не можешь? - почувствовал ее смятение Иван Петрович.

- Ну что вы, конечно могу!

Зарина понуро вышла из кабинета и снова встала у окна. Все та же панорама. Но тут девушка заметила до боли знакомый силуэт мужчины, подозрительно затаившегося за толстым стволом старенького дуба и кого-то старательно высматривающего. Так и есть, Магомед. Зарина отпрянула от окна и с досадой ушла в глубь коридора. Она не хотела, чтобы он знал, где она работает. Злилась на себя за эту маленькую тайну, но, надо признаться, служба здесь молодым не делала чести, ее и так уже осмеяли друзья-ровесники. Поломав себе голову догадками, кто же мог ему проболтаться, она снова подошла к окну: Магомед исчез.

Бабка Евдокия угасала медленно. Заострившиеся нос и подбородок, предсмертная бледность и тяжелое, сиплое дыхание удручающе действовали на Зарину. Она впервые оказалась так близко от смерти. Глядя на умирающую, девушка пыталась представить себе, какой она была в юности. Ей всегда нравилось общаться со стариками. Одно она заметила: никто из здешних постояльцев не имел при себе семейного фотоальбома. На вопрос: «Почему?» они неумело уходили от ответа, тем самым показывая, что эта тема закрыта навсегда.

Вдруг чуткий слух Зарины уловил еле слышное всхлипывание. Она насторожилась - звуки шли из соседней, пятой комнаты, где обитала загадочная Мария Александровна. Девушка неслышными шагами подошла к дверям и прислушалась. Саму старуху она не видела, но ясно услышала причитания бедной женщины на ... чеченском языке!

- ...Аллах, ниспошли мне смерть, не дай мне мыкаться по свету... — опять тихий сдержанный плач. И через короткую паузу снова: -... и прости моего сына, он ведь совсем еще дитя... Я уверена, он одумался... Так уж получилось... Но я не жалею. На все Твоя воля, и я покорна Тебе...

Потрясенная Зарина отошла от двери. О Аллах! Впервые чеченская мать оказалась в этих стенах, брошенная сыном! Что это? Как это могло случиться? Сколько же несправедливости в этом суматошном мире! Мама! Что может быть прекраснее и дороже для человека?! Она так мечтала о матери, каждую ночь молила у Всевышнего хотя бы во сне дать увидеться с ней, образ которой она даже не успела сохранить в памяти.

Должна быть очень большая причина, чтобы однажды отвернуться от нее, отказаться, что равносильно отречению от Всевышнего, бросить вызов своей судьбе, мнению общества.

Зарина не могла прийти в себя. Невольное разоблачение тайны несчастной женщины из пятой комнаты не давало ей покоя. Баба Евдокия все так же находилась между жизнью и смертью в ожидании своего последнего часа.

Вдруг ее охватило непреодолимое желание побежать к этой сломленной горем женщине, прильнуть к ней и выплакаться в ее объятиях. Почувствовать тепло ее материнского сердца так, чтобы оно растопило льдинку ее необласканной души. Выплеснуть всю горечь, столько лет накопленную одиночеством, и хотя бы на миг ощутить себя чьей-то любящей и любимой дочерью...

Зарина больше не вытерпела. Поднявшись, она решительно подошла к ее дверям.

... Утомленная бессонной ночью бедная женщина уснула лишь к утру и теперь лежала в глубоком сне. Спокойное, умиротворенное лицо. Даже морщинок не видать. Оно было величественно прекрасно. На нем еще сохранился след былой красоты: белая, нежная кожа, пухлые губы, абсолютно седые волосы. Зарина долго изучала эти черты лица задумчивым взглядом. Вот почему она сторонилась ее: в этом учреждении она была единственной сотрудницей чеченского происхождения. Как она ее хорошо понимает!

Чем дольше смотрела девушка на спящую, тем больше она напоминала кого-то. «Где же я ее видела? Когда?» - силилась она вспомнить, но безуспешно.

В это время бабушка зашевелилась и, машинально поправив на голове платок, перевернулась на другой бок. Из-под белоснежной подушки выкатились прозрачные, как слезинки, камушки - молитвенные четки. «И не лезь ей в душу», - тут же вспомнились слова Ивана Петровича, которые охладили охвативший ее дочерний порыв.

Зарина тихо закрыла за собой дверь и вернулась к своей больной подопечной.

...Вскоре события в республике развернулись подобно kloкочущему низвержению огненного вулкана. Все живое устремилось в безопасное место. А где найти убежище? Вся крохотная Чечня охвачена огнем, всюду достает костлявая рука ненасытной смерти.

Рано утром Зарина прибежала на работу. Здесь царил полный хаос: все куда-то торопились, раздавались команды заведующего, причитания и оханья растерянных стариков.

- Что случилось? - обратилась Зарина к одной из работниц.

- Ты что, не знаешь?—та в панике округлила свои и без того большие глаза. - Этой ночью больницу обстреляли, весь роддом разнесло — столько новорожденных погибло... Боже мой! Что творится, что творится?! Иван Петрович решил немедленно эвакуировать наших стариков Это война... Боже мой, какой абсурд!..

- Куда выезжают? - Зарина перебила испуганную женщину.

- Точно не знаю, но Иван Петрович сказал куда-то за пределы республики, в Россию...

Зарина бесцельно побежала по длинному коридору. Она не могла собраться с мыслями, сердце тревожно заныло. Что делать? Ну почему все так плохо в этом мире? Жизнь так прекрасна, а человечество не умеет воспользоваться чудесными дарами Создателя. Живи себе и дай жить другим. Но нет, все ему мало. На целой планете места не хватает. Воистину, Всевышний терпелив!

Вдруг ее остановили голоса, раздающиеся из пятой комнаты.

- Я не могу, Ваня, прошу тебя, не настаивай, — услышала девушка жалобный женский голос. - Я хочу умереть здесь, на родной земле. Мне не вынести этой разлуки. Я однажды потеряла сына, а теперь не могу лишиться еще и Родины...

- Нет, Марьям Адвановна, я даже слушать не хочу никаких доводов. Подождем, пока все утрясется, и приедем обратно. Да и недалеко едем - в Краснодар.

Зарина резко открыла дверь и отрывисто, почти что прокричала:

- Оставьте ее! Она никуда не поедет! - затем обратилась к Марьям на родном языке: - Мы никуда не поедем, Марьям!

- Ты все знала? - Иван Петрович пристально взглянул на медсестру. Та лишь молча кивнула. - Тем лучше, может тебе удастся ее уговорить, и поедем вместе. А пока вы тут разберетесь, я пойду посмотрю, как идет подготовка к отъезду.

Женщины остались одни. Зарина подошла к Марьям, встала перед ней на колени и бережно взяла ее за руку.

- Ты почему таилась от меня? - тихо спросила она.

Марьям ответила не сразу. Она сидела в коляске, склонив седую голову, и застыла в этой позе. Наконец, она взглянула на девушку повлажневшими глазами и ласково провела рукой по ее густым волосам.

- Я не хотела быть первой брошенной чеченской матерью... первой позорной страницей нравственного падения нации, - дрогнувшим голосом ответила женщина. - Ну а ты, почему скрывала от всех, что детдомовская?

- А я не хотела быть последней в обществе - без роду и племени, - слабо улыбнулась Зарина. - Ну, хватит об этом, пойдем домой.

.. И они пошли домой. Две одинокие половинки, которые сегодня нашли друг друга и соединились в одно целое.

В ожидании Зарины, ненадолго отлучившейся в поисках такси, Марьям удобно расположилась в инвалидной коляске и, удивительно, обрела полное спокойствие и уверенность в завтрашнем дне рядом с мой хрупкой и ласковой девушкой. Она всегда мечтала

о дочери. Особенно остро почувствовала ее необходимость в последние пять лет одинокого заточения в этих серых стенах. Мужа потеряла очень рано, и ей пришлось самой воспитывать единственного ребенка - сына, в которого она вложила всю душу и материнскую любовь.

А он сдал ее .. в приют для престарелых.

Лучше бы он убил ее тогда. Она долгими бессонными ночами пыталась понять поступок сына, мучилась сомнениями, догадками, где она допустила оплошность, как могла оборваться ниточка привязанности, любви двух родных душ. Наверное, с того самого момента, когда он связался с этой странной женщиной, которая была на несколько лет старше его и тогда еще имела двоих детей от первого брака.

И Марьям не выдержала - ее свалил инсульт от известия, что сын женился на ней. Ее бросало в дрожь от одних воспоминаний того времени. И вот однажды сын пришел домой с какими-то людьми в белых халатах, которые осторожно подняли ее и усадили в скорую помощь. Думала, в больницу везут, но как только по прибытии над ним склонился Ваня, ее бывший ученик Иван Самогулов, сразу же поняла: она ...в доме для престарелых.

Марьям тяжело вздохнула от мимолетно нахлынувших воспоминаний. Смерть ей не страшна, она давно ее ждала и была готова встретить ее достойно. Но умереть, так больше и не увидев сына!.. Мать давно его простила и всегда находила оправдание дикому поступку сына: отказался от нее, от материнской любви ради другой, страстной любви к женщине... Слабое утешение для материнских чувств, потерпевших полное поражение и унижение.

Зарина лихорадочно искала такси и вдруг увидела Магомеда, только что вышедшего из ворот дома для престарелых и растерянно озирающегося вокруг. Их взгляды встретились.

- Зарина! - он быстро перебежал дорогу и вскоре очутился рядом с ней.

- Ты что тут делаешь? - Зарина недовольно насупила брови. - Хочешь в дом для престарелых устроиться?.

- Мой друг попросил позаботиться о своей матери, вот я и... А ты случайно не знаешь, куда все подевались?

- Я слышала, час назад всем домом выехали... Сюда, сюда! - Зарина энергично помахала рукой и остановила машину. - Магомед, будь добр, помоги мне усадить в машину мою мать.

«Но ведь у тебя нет матери», - мелькнула мысль в голове у молодого человека, но вслух с готовностью воскликнул: - Ну, конечно, помогу.

Девушка исчезла за ближайшим углом и тут же вернулась, ловко подталкивая вперед инвалидную коляску. Зарина захлопотала вокруг беспомощной женщины и между делом через плечо спросила кавалера:

- А как звали старушку твоего русского друга?

Но в ответ она услышала лишь удивленный возглас Магомеда и тихий вскрик Марьям.

Зарина выпрямилась, и ей достаточно было одного взгляда на них, чтобы все понять. В глазах Марьям все смешалось: и любовь, и тоска, и обида. Взгляд Магомеда выражал полное замешательство, раскаяние и молчаливая мольба о прощении. Только теперь девушка обнаружила их удивительное внешнее сходство. Вот как судьба обернулась!

Но в жизни бывают такие моменты, когда необходимо прикинуться глухой или слепой во избежание нежелательных потрясений. Зарина так и поступила.

- Так как ты сказал ее зовут? - переспросила она. Но Магомед будто потерял дар речи. Он переводил растерянный взгляд с Марьям на Зарину и побелевшими губами пытался что-то произнести. Но тут мать пришла на выручку сына.

- Я знаю, ее звали Евдокией, - она не сводила глаз с сына. - Мать твоего друга умерла, сынок...

- Когда? - наконец выдал из себя Магомед непослушным языком.

- Давно, сынок, как только переступила порог этого злополучного дома.

Они оба прекрасно поняли друг друга. В тот момент подъехала машина, и водитель открыл дверце. Магомед, наконец, вышел из оцепенения и рванулся помогать Зарине, но та категорически воспротивилась.

- Спасибо, Магомед, но я сама справлюсь. Ну, давай, мама, подсоби своей дочке...

- Стойте! - опомнился тот. - Куда вы? Вам же некуда идти... Кругом война...

Девушка усадила Марьям в машину, затем подняла усталый взгляд на взволнованного молодого человека.

- К людям... К хорошим, достойным людям! - коротко бросила она, усаживаясь в машину.

- Где мне вас найти? - уже с отчаянием в голосе закричал Магомед вдогонку удаляющейся машине.

Зарина высунулась в окошко и слегка махнула рукой:

- В мечтах... В далеких мечтах!

1994 год

ПРОЩАЛЬНОЕ ПИСЬМО

- Вы не видели моих сыновей?.. Валид, ты не знаешь, где мои мальчики?.. Люди, вы не встречали двух очень похожих парней, близнецов? Нет?.. Где же они? Где?..

Женщина бегала от одной машины к другой, искала в автобусах, в толпе молодых людей. Глаза ее лихорадочно блеснули, побелевшие от волнения тонкие губы дрожали. Она то и дело машинально поправляла на голове платок и волосы. Ноги были обуты в галоши разного размера, чего она совсем не замечала. Не до этого было матери пропавших сыновей.

Кто-то громко окликнул ее:

- Марха!

Бедная женщина резко оглянулась и увидела одного из товарищей своих сыновей. Тот махал ей рукой, высунувшись в окошко автобуса. Она подбежала к нему и засыпала парня вопросами.

- Я видел их. Они час назад вместе с другими добровольцами поехали в Грозный, на автобусе.

Марха похолодела. Опоздала! Случилось то, чего она так страшилась. Земля пошла кругом, и она прислонилась к автобусу, из груди ее вырвался глухой стон.

- Не волнуйся, Марха, вернутся они. Мы все вернемся - прогоним врага и с победой вернемся.

- Какая победа? О чем вы говорите? - завывала она. - Голыми руками на врага? Это же не война, а бойня!

Парень поспешил ее успокоить:

- Были бы настоящие конахи, а оружие найдется!

Говорят, там же на месте выдают...

- Вы сейчас куда? - перебили она его.

- Как куда? В Грозный.

- Я спрашиваю, в какой район города направляют вашу группу?

- Еще не знаем. Общий сбор на Минутке.

- Значит, и Магомед с Ахмедом там будут?

- Должны быть, - утвердительно кивнул головой в ответ парень.

Марха подобрала полы своего пальто и, не задумываясь, поднялась на автобус, растолкав молодых людей.

- Ты куда, мать? Тебе нельзя...

- Можно, - отрезала отчаявшаяся женщина. - Я еду с вами в качестве вашего повара.

Они поехали, Марха чуть-чуть успокоились от мысли, что сможет застать сыновей вместе с другими на Минутке, а уж она-то их вернет. Они пойдут в бой, только переступив через ее труп. Сыновья оставили на столе письмо и ранним утром сбежали из дома. Марха дрожащими руками достала письмо из кармана пальто и развернула его. Оно было написано красивым, ровным почерком. Она уже знала наизусть текст, но снова и снова вчитывалась в строчки на бумаге, утирая непокорные слезы:

«Мама! Мы понимаем, какую боль мы наносим твоему любящему сердцу своим решением. Но мы не можем иначе. Ты растила нас и воспитывала не для того, чтобы однажды бросить в пекло смерти. Мы мечтали о другом — стать врачами. Но война ворвалась

в нашу жизнь и помешала сбыться нашим мечтам.

Ты не думай, мама, что твои сыновья слепо последовали за теми политическими лозунгами, что выкрикивались на каждом митинге, с высоких минаретов наших мечетей, призывая на священный газават за свободу и независимость. Свободу у нас никто не отнимал и не отнимет. Мы рождены свободными, и никогда не забываем, чья кровь течет в наших жилах, за что веками боролись наши отцы и деды: за честь и достоинство, за землю, за народ и будущее потомков. Мы знаем, что ты скажешь, мама. Скажешь, что это другое время, и это война - всего лишь политическая игра, что своим участием мы ничего не изменим, и в этой войне не будет ни победителя, ни побежденного. Мы все это прекрасно понимаем. Но во все времена война имела одно лицо, один облик: она никогда не дарила жизнь, а лишь отнимала, не строила, а разрушала. Горе пришло на нашу землю. Льется невинная кровь, стонут матери, плачут сироты. Мы не можем равнодушно взирать на это и сидеть сложа руки. С этим жить невозможно. Никто не хочет умирать. У всех семьи, родные и у всех всего лишь одна жизнь.

Мы идем сражаться за Родину, хотя у нас нет военных навыков и мы не приучены воевать. Но у нас в груди бьются горячие сердца верных сынов родной земли. Если мы даже и погибнем, не успев взять оружие в руки, мы уйдем в мир иной с чувством исполненного долга. Ведь мы, не колеблясь, откликнулись на горе родной земли и готовы отдать свои молодые жизни за честь и достоинство своего народа.

Одно нас угнетает и мучает: мы не получили материнское благословение. Прости нас, мама!

*Прости, что ушли оба сразу и оставили тебя без опоры.
И будь спокойна, мы не посрамим чести своего народа.
Твои сыновья, Магомед и Ахмед!»*

Марха давно уже прочла письмо, но все еще сидела, уставившись на него невидящим взором. Уход сыновей на войну не явился для нее полной неожиданностью. Это должно было случиться, рано или поздно.

Видела, как они страдали от своего бессилия и с каждым днем угасали на глазах. Она окинула взглядом сидевших и стоявших вокруг нее ребят. Молодые, красивые, мужественные, полные сил. Чьи-то сыновья, братья. Что станет с ними через час, день, месяц, год? Они полны решимости идти на смертный бой. И все безоружны, кроме одного. Все остальные с завистью смотрят на него, а он рассказывает, как приобрел новенький автомат, продав свою машину.

- А нам бесплатно дадут и спасибо скажут...
- Ага, догонят и еще сдачу в придачу...
- Много вас таких, может не достать.
- Ничего страшного, в бою у врага отберем.
- Но сначала ты должен подойти к врагу, вооруженному до зубов. Ты же не на базар едешь...
- Слушайте, друзья, мы забыли! - шутливо ахнул один из добровольцев. - Надо было у наших стариков крупнокалиберные посохи выпросить! Ну те, которыми можно самолеты сбивать и танки подрывать.

Все дружно захохотали.

- Эй, храбрецы, подъезжаем! - заглушая их смех, прокричал водитель.

Все притихли и напряженно подались вперед. Бои шли где-то на другом конце города, и грохот этих

боев был слышен даже в отдаленных селах. А о самом городе нечего и говорить.

- Что-то я не пойму, - озабоченно рассуждал вслух водитель. - Сегодня утром, когда я выезжал отсюда, этих руин вроде бы не было.

- Стойте!

Наперерез им на дорогу выскочил парень в военной форме, весь в пыли, копоти и крови. Водитель затормозил.

- Что случилось?

- Дальше ехать нельзя. Минутку почти час бомбили и обстреливали. На дорогах сплошные воронки и... трупы. Поворачивай назад.

- А нам куда? - сгрудились вокруг него сошедшие с автобуса ребята. - Мы приехали помочь вам биться с врагом, а не прокатиться на автобусе.

- Не знаю. На этот счет я никаких указаний не получал.

Марха жадно ловила каждое слово.

- А где те ребята, что прибыли в штаб первым рейсом?

- А зачем вам?

- Среди них мои сыновья.

Военный замаялся:

- Не знаю...

- Нет, ты знаешь, ты должен знать! Говори, умоляю тебя! - вцепилась в его руку женщина.

- Хорошо, мать, скажу. Они... там. Только я не знаю, живы ли... Самолеты налетели неожиданно...

Марха не стала его дальше слушать. Слома голову побежала в ту сторону, куда указал парень в форме. Она

не нуждалась в проводнике. Свежие руины, воронки, кровавые следы были ее путеводителями. И они привели ее к месту, где совсем недавно площадь кипела жизнью, а теперь стала братской могилой для молодых ребят. Огромные, глубокие воронки от бомб, пробоины от ракет и мин на сохранившихся стенах домов и... тела. Тела убитых, изуродованные до неузнаваемости, разбросанные по земле отдельные части тела. Как она отыщет своих мальчиков в этой гряде мяса? С какой стороны начать поиски?

Внезапно наступила тишина. Видимо, короткая передышка между боем. Она услышала звук, похожий на чавканье. Совсем рядом. Оглянулась и оцепенела: огромная собака стояла над трупом и грызла его. Женщину чуть не вырвало, она с силой запустила в нее булыжником. Собака, поджав хвост, отбежала быстро в сторону и выжидательно замерла.

Воспользовавшись временным затишьем, Марха позвала:

- Магомед! Ахмед!

Нет, не позвала, а простонала родные имена.

Пустые, разбитые дома отозвались эхом. Женщина поочередно подходила к каждому убитому, вглядывалась в них и каждый раз вздрагивала от боли при виде этих чужих, обезображенных лиц. Она плакала, причитала и говорила с ними. Ей показалось, что кто-то шевельнулся. Она осмотрелась: это был совсем еще мальчишка, лет тринадцати. Она осторожно перевернула его. На лице предсмертная бледность, посиневшие губы. Его взгляд вдруг вздрогнул, и он посмотрел на нее помутневшими глазами. Она заметила в них слабый проблеск радости.

- Мама, это ты? - чуть слышно прошептал он.

- Я, сынок, - сквозь слезы отвечала Марха.

- Ты пришла...
- Ну конечно, пришла, разве я могу оставить тебя?!

Мальчика начало знобить.

- Мама! Мне больно и... холодно! И... так страшно.

Марха, сдерживая рыдания, крепко обняла его и грудным голосом тихо запела колыбельную. Как когда-то пела своим сыновьям, укладывая их на ночь спать. Голова мальчика поникла, и он затих. Еще одна жизнь угасла. Марха долго вглядывалась в его юные черты: черные, волнистые кудри, чистый, высокий лоб, красивые брови, полные губы. Он как будто заснул на ее груди. Маленький, худощавый, куртка залита кровью, тоненькая талия опоясана старым дедовским ремнем с кинжалом. Вооружился, как мог. Чей-то сын, долг матери которого она только что исполнила.

.. Она нашла их не сразу и когда наткнулась на них, не заплакала, не завывала и не стала рвать на себе волосы. Перед этим испытанием она увидела столько загубленных молодых жизней, что сердце ее переболело и проплакало по каждому из них за всех чеченских матерей.

Сыновья лежали мертвыми. Один хотел прикрыть телом другого, и их обоих сразил один осколок: прошел сквозь одного и застрял в другом. Им было всего лишь по двадцать пять. Они как будто знали, что погибнут и заранее прощались с матерью.

«Прости нас, мама! Прости, что ушли оба сразу и оставили тебя без опоры».

Мать стояла над ними, как каменное изваяние, и лишь губы беззвучно шептали:

- Я прощаю вас...
«И будь спокойна, мы не посрамим чести своего
народа».
- Прощаю и... горжусь вами!

1994 год

В ОКРУЖЕНИИ

- Магомед! Командира ранило!
- Отходим назад!
- Куда? Мы окружены!
- Пробьемся к нашему подвалу, там временно притаимся...
- Укрыться-то укроемся, но вот вопрос - как туда добраться?
- Сколько нас осталось?
- Десять человек...

Магомед заскрежетал зубами. Их отряд состоял из ста молодых, сильных ребят - одних из самых лучших сынов чеченской земли. За считанные дни девяносто пали смертью храбрых в неравном бою с врагами, вчерашними друзьями - солдатами российской армией.

Грозный пылал, как факел в ночи. Непрерывные бои, оглушающие взрывы, пронзительный свист ракет и снарядов. Запах гари и крови. Земли не видать - она устлана человеческими телами. Мертвые и раненые лежат, будто свежие грядки, орошаемые собственной же кровью.

Совсем недавно прекрасный, мирный город, сегодня он вполне оправдывал свое историческое название.

Грозный ныне мрачнее тучи!

Отстреливаясь, шаг за шагом, ведя упорные бои за каждый полуразрушенный дом, маленький отряд, наконец, добрался до спасительного бомбоубежища. Только успели ворваться во внутрь, как их внезапно

подбросило от нового взрыва: вход в подвал завалило.

- Ну вот, приехали! - зло выругался Супьян.

- Ничего, как-нибудь выберемся. — Магомед подошел к раненому командиру и уселся рядом с ним. Тот тяжело дышал и молча переносил нестерпимую боль в животе. По дороге, пока его несли товарищи, он несколько раз терял сознание и теперь лежал, обессиленный от боли и потери крови.

- Воды, - тихо попросил он.

- Тебе нельзя пить, - категорически ответил Магомед, осматривая рану друга.

- А что ты сделаешь, - подобие жалкой улыбки промелькнуло на бледном лице командира, - отвезешь в больницу? Не забывай, что я врач по профессии. Давай воду, мне все равно конец, - скрепя сердце, Магомед исполнил его просьбу и тот жадными глотками опустошил фляжку. - Слушай меня, Магомед, — чуть отдышавшись, снова заговорил командир. - Там у меня дневник с записями... В нем имена ребят, отдавших жизнь за родную землю... Я вкратце написал о них... хотя каждый из них заслуживает целую эпопею... Потомки должны помнить имена своих героев.... И еще... обещай, если останешься жив, похоронить меня на нашем кладбище...

- Обещаю, Абу, - твердо ответил Магомед.

- Береги ребят. Не лезьте в огонь сломя голову... мы и так слишком дорого заплатили... за дурость отцов народа. Отсидитесь здесь... пусть вы оказались в окружении, но вы... у себя дома... - Абу осекся на полуслове и затих. Его односельчанин и закадычный друг Магомед своей широкой ладонью закрыл безжизненно застывшие глаза командира и
приготовился исполнить последний долг перед

погибшим. Сквозь глухой грохот канонады наверху он тихим голосом начал читать Ясин.

И вдруг эту скорбную паузу нарушил внезапно разлившийся по всему подвальному помещению надрывный детский плач. Боевики даже вздрогнули от неожиданности. Магомед тоже от удивления на мгновение прервал свое молитвенное чтение - было такое ощущение, будто только что погибший друг возродился в новой жизни.

Самый молодой из боевиков, восемнадцатилетний Аслан, вскочил с места и в полутьме направился в сторону, откуда доносился плач ребенка. Все замерли в томительном ожидании. Парень не долго заставил себя ждать и вскоре вынырнул из подвальных лабиринтов с маленьким свертком на руках.

- Он был там совсем один! - растерянно ответил он на молчаливый вопрос товарищей по оружию. Все обступили Аслана, каждый норовил взглянуть на неожиданного в этот неурочный час гостя.

- Ну вот, и пополнение к нам прибыло...

- Мальчик или девочка?

- Сейчас посмотрим,... Я уверен, что мальчик...

- Какой он крохотный... недели две, не больше...

- Девочка? - ахнули все разом.

- Ну вот, счастье привалило, — захохотал над растерянным видом боевиков неунывающий Зиявди. - Остается лишь бросить жребий, кому быть нянькой.

Кругом все взволнованно загудели. Удивительно, этот несмышленный человечек заставил суровых, изнуренных войной людей на мгновение забыть и оторваться от ужасной реальности происходящего. Все трудности войны как-то незаметно отступили перед вновь создавшейся проблемой. И проблемой такой

глобальной величины, что она озадачила выдавшуюся лихую военную бригаду: забота о новорожденном беззащитном ребенке. Тут же посыпались вопросы, полные озабоченности и безысходности.

- А чем мы ее кормить-то будем?
- Вроде бы и пеленки нужны...
- А если она заболит?
- Куда ее спать уложим?
- Что с ней делать, когда будем выбираться

отсюда?

- Хватит! - властный голос Магомеда положил конец бесконечным вопросам. - Ну что вы загалдели, как базарные бабы? Хотим мы этого или нет, но мы уже в ответе за эту малышку. Не бросать же ее на произвол судьбы...

- Мать же бросила, - недовольно пробурчал ворчливый Супьян.

- Молчать! - прикрикнул на него Магомед. - Мы не знаем, что тут произошло: на войне всякое бывает. Пока жив хоть один из нас, главной его задачей будет сохранение жизни этому ребенку. Не забывайте, во имя чего мы взяли за оружие: за родную землю, Даймохк, будущее наших детей. А вот это невинное дитя и будет нашим знаменем - оно символизирует и то, и другое... Всем понятно? Вопросы есть? - новый командир обвел цепким взглядом свой маленький отряд, состоявший из девяти человек вместе с ним.

- А чего тут непонятно?! - ответил за всех Зиявди. - Ведь выходила же стая диких волков «лягушонка» Маугли! А мы чем хуже? Ау-у-у, малышка! - он неуклюже попытался приласкать ребенка и слегка пощекотал круглые, розовые щечки младенца. - Смотрите, смотрите! - вдруг оживленно воскликнул он.

- Она хочет есть и пытается поймать мой палец!

- А ну убери свои грязные руки! — Аслан недовольно отстранил развеселившегося боевика.

- Вот вам и нянька, сам вызвался! - Зиявди удовлетворенно хмыкнул.

Аслан молча отошел в сторону и заново запеленал хныкающего ребенка. Все так и разинули рты.

- Это вам не из «мухи» стрелять, - с нотками уважения в голосе протянул бородач Салавди. - Ты где этому научился, парень? Набираться опыта на своих собственных вроде бы рановато тебе ...

- Я сам сестру вынянчил, когда мать умерла, - сухо ответил тот, - И эту выхожу, если надо.

- А чем мы ее кормить-то будем? - повторил свой наболевший вопрос Анзор. - Насколько я знаю, ребенку необходимо все молочное, а у нас одни тушенки, сухарики и консервы.

- Будем сладким чаем поить, - со знанием дела отвечал Аслан. - Поэтому из нашего рациона выпадает сахар. Мы не знаем, сколько тут проторчим, тем более нас завалило. Воды в подвале полно.... И еще: попрошу всех снять с себя майки или, если есть, рубашки из мягкой ткани.... Для пеленок, - пояснил он оторопевшим боевикам.

- Ишь, как раскомандовался! - шутливо заворчал Зиявди и обернулся к Магомеду. - Командир, ты слышал? У нас что, маршал объявился? Кому нам подчиняться?

Проходили дни, и боевики терпеливо сидели в заточении в подвале, потеряв всякую связь с внешним миром. Что происходит наверху? Где свои? Где враги? На какой стадии оборона столицы? Ничего неизвестно! Ясно одно: война не прекращалась ни на одну минуту.

Они давно сошли бы с ума от своего вынужденного бездействия, если бы их существование не скрашивала эта малютка, которую они нежно прозвали Маликой. Боевики всей душой привязались к этому маленькому созданию и с удовольствием возились с ней. Не обращая внимание на громкое негодование Аслана, игрались с ней, подбрасывая вверх и вместе с ней заливаясь веселым смехом. Каждый находил в ребенке утешение, и стоило ей чуть захворать свойственной в ее возрасте болезнью, как все разом впадали в панику и растерянно расхаживали по опостылевшему подвалу.

- Как странно! - задумчиво заметил однажды Зиявди. - Наверху идет война и черт знает что творится, а мы тут, как ни в чем не бывало, занимаемся мирскими делами: готовим, занимаемся для разминки спортом, нянчим ребенка... Война и мир.

Вдруг Аслан предостерегающе поднял руку и прервал философские размышления товарища.

- Что? - все уставились на парня, ибо они полностью доверяли его острому слуху, который не раз выручал их в ночном дозоре.

- В подвале кто-то чужой, - уверенно прошептал он.

- Откуда? Мы же все здесь обшарили, сюда невозможно ни влезть, ни вылезти, - Магомед на всякий случай потянулся к автомату.

- Он в том крыле, - Аслан указал рукой в сторону, где лежала огромная грудa бетона и битого кирпича.

- Крысы, наверное, - махнул рукой Магомед, но Аслан оскорбленно взглянул на командира и опять весь превратился в слух.

- Нет, - уже без всяких сомнений проговорил парень через минуту, - это человек. Крысы не шмыгают носом... Магомед, разреши мне посмотреть, что там! - Тот лишь молча кивнул.

Безо всякой на то команды, боевики приготовились к бою: неслышными шагами они заняли позиции и теперь напряженно, до боли в глазах, всматривались в сырую темноту дальних углов подвала. Но их напряжение вскоре снял сердитый мальчишеский голос, раздавшийся во мраке подземелья.

- Отпусти меня! - все отчетливее слышалось фырканье упирающегося мальчика.

- Мы что тут, детский садик открыли?! - воскликнул Зиявди при виде Аслана, тащившего мальчика лет семи.

- Вот, «языка» поймал, - Аслан шутя приподнял своего «пленника», и тот бессильно повис в воздухе, неуклюже дрыгая короткими ножками. Вокруг посыпались веселые прибаутки в адрес незадачливого пленника.

- Мало нам нашего Маугли, так еще и Буратино притащился!

- Ты с какой баррикады, Гаврош?

- Отпусти его, Аслан! - Магомед подошел к мальчугану, взял его за маленький, худощавый подбородок и задумчиво посмотрел в его испуганные глаза. - Ты кто такой и что тут делаешь?

- Я свой, - выдохнул тот, услышав вокруг себя чеченский говор.

- Свои дома сидят и подле матери сопят.

- У меня никого не осталось, - в синих глазах ребенка заблестели слезы. - Мамку ракетой убило, когда я за водой бегал...

- А отец где?
- Его тоже убили, вместе с другими чеченцами... поставили к стенке и расстреляли... Я сам видел...

- Ну а как звать тебя?
- Славка.

Из сбивчивого разговора Славика боевики поняли, что они неизвестно сколько еще времени будут вынуждены здесь сидеть. Эта сторона города кишит русской войсками, и даже малейшая попытка выбраться отсюда- верная смерть.

- Ну не сидеть же здесь, - наперебой загудели боевики.

- Может, сделаем попытку выбраться отсюда? — все вопросительно взглянули на своего задумавшегося командира.

- А что толку? Умереть всегда успеем. К тому же, что сказал Абу перед смертью? Нет, надо выждать удобный момент, - Магомед окинул взглядом свой маленький отряд. - И еще, мы в ответе за этих детей... Да, кстати, как ты сюда забрался, ведь вход завален?

- Я жил в этом доме и знаю все лазейки в подвале. Я худенький и легко пролез через брешь в стене, что образовался от взрыва снаряда.

Слава стал незаменимым связующим звеном с внешним миром и вскоре обрадовал новых друзей: солдаты сняли свои позиции с этого района и двинулись куда-то в сторону окраины города.

Надо было срочно выбираться, пока здесь не осела другая часть. К тому же, продукты почти кончились, и так или иначе им пришлось бы предпринять попытку покинуть опостылевший подвал любым способом - смерть от голода никого не прельщала.

Под общий грохот канонады взорвали уже расшатанную прежним взрывом стену и глубокой ночью неслышными тенями проскользнули в темень. Направились, ориентируясь по рассказу мальчугана, к предполагаемым чеченским позициям. Необходимо было до рассвета добраться до безопасного места и примкнуть к своим товарищам.

Аслан крепко прижимал к груди мирно спящего ребенка, но при этом не забывал об осторожности и чутко прислушивался к ночным звукам. Славик не отставал от него ни на шаг. Все молчали и при необходимости объяснялись лишь знаками.

И все-таки их маленький отряд не успел обогнать рассвет. До места прибытия осталось всего ничего, но они попали в самую гущу скопления изнуренных боями солдат. Пришлось временно затаиться. Но что сделать с ребенком? Он проснется и тут же невольно выдаст их с головой

Так и случилось. С первыми лучами солнца открылись и ясные глазки Малики. Аслан обречено вздохнул. Ну что с нее возьмешь? Разве она понимает, в каком они сложном положении? Хорошо еще, что они оказались в удобной позиции на случай открытого боя. Но что это может решить?! Погибнут все зря и детей загубят.

Магомед лихорадочно думал о дальнейших действиях, но не мог найти выхода из создавшегося положения. Кругом, куда ни глянь, маячат солдаты. Между тем ребенок захныкал и через минуту залился плачем, заставив боевиков покрыться холодным потом.

- Вы слышали? Ребенок где-то плачет, - тут же отреагировали на звук с вражеской стороны.

- Вроде бы. Петров, погляди, что там!

Боевики молча приготовились к бою. Через минуту прямо на них наткнулся, судя по всему, тот самый Петров. Их взгляды встретились. Безусый юнец, по воле случая брошенный сюда, в общую мясорубку, оторопело уставился на кучку затаившихся боевиков. Солдат прекрасно понимал положение этих отчаявшихся людей, готовых умереть в неравном бою. Тот факт, что они не бросили ребенка на произвол судьбы и, рискуя собственными жизнями, решились прорваться из окружения вместе с ним, видимо, заставил сделать его какой-то вывод.

- Ну что там? - донесся нетерпеливый вопрос. Петров стоял в растерянности и неотрывно смотрел на ребенка, готового снова разреваться. Вдруг Славик вскочил с места и решительно взял девочку у замершего в тягостном напряжении Аслана.

- Не тревожьтесь, дядя Аслан, я ее не брошу, - тихо проговорил мальчуган и умоляюще взглянул на застывшего солдата. Тот молча пропустил парня вперед и, не оглядываясь назад, зашагал следом.

Боевики издалека внимательно следили за происходящим. Славик с ребенком подошел к старшему по званию и после коротких переговоров зашагал прочь в сопровождении Петрова.

Магомед облегченно вздохнул.

- Мир не без добрых людей, - прошептал он. - Не подвел солдат. Я был уверен, что он выдаст нас.

- Солдат не дурак. Думаешь, он не понимает, куда попал и что это за война? Просто не хотел глупой смерти, - не замедлил высказать свое мнение расчетливый Супьян.

- Все мы люди и ходим под одним Богом. На войне тоже бывают люди и нелюди, — Магомед

недовольно посмотрел на Супьяна. - Тебе все видится в черном свете.

- Куда он пойдет с ребенком? - Аслан озабоченно прервал их перепалку. - Ведь Славка сам еще дитя.

- Мы и то здесь как за нее переживаем, каково же ее матери?!

- Если она жива, конечно...

- Я на всякий случай оставил сообщение на стене подвала: мол, девочка жива и найдут ее по такому-то адресу.

- Какой еще адрес?

- Тетя живет в Чечен-Ауле, и мы передали бы ребенка ей, не прими события такой поворот.

- Не все еще потеряно. Мальчуган сообразителен не по годам, будем надеяться на его смекалку.

И действительно, Славик оказался смышленным малым. Всеми правдами и неправдами он остался вблизи затаившейся группы боевиков, уже ставшей для него новой семьей и, как только стемнело, вновь пристал к маленькому отряду.

...Смуглая женщина, слегка прихрамывая на правую ногу, осторожно вошла в полуразрушенный подвал девятиэтажного дома и засеменила в дальний угол помещения.

- Найти хотя бы трупик! - беззвучно молила она.

Перед ее глазами опять явственно промелькнули страшные события того злополучного дня. Она всего лишь на минуту оставила здесь месячную дочку и выскочила на улицу с двумя сыновьями-близнецами трех лет, чтобы усадить их на уже отъезжающий автобус с беженцами и вернуться обратно за младшей.

Но разорвавшийся рядом снаряд помешал ее планам. Дальше она ничего не помнила и очнулась лишь в больнице Гудермеса. Мальчиков убило на месте. Но полное неведение о судьбе оставшегося без присмотра беспомощного грудного ребенка, ее дочери, еще больше, чем смерть обоих сыновей, отравляло ей жизнь и заставляло с диким воплем вскакивать ночью после страшных сновидений. Что с ней? Вряд ли она жива. Незнание и страх иссушали материнское сердце с каждым днем и чуть не сводили женщину с ума.

И вот, при первой же возможности, Петимат вернулась сюда со слабой надеждой, что хотя бы найдет здесь трупик дочери.

- Неужели досталась на съедение собакам?! - бессильно заголосила она, увидев пустующий уголок, куда она в последний раз положила ребенка.

Но тут ее блуждающий взгляд, уже привыкший к темноте, различил на стене аккуратно выведенную надпись, от которой она чуть не упала в обморок: «Мы здесь нашли месячную девочку и назвали ее Маликой. Если даст Аллах и мы останемся живы, найдете ее по такому адресу: Чечен-Аул, Тайсумовы».

...Женщина дрожащими руками прижала к иссохшей груди ребенка, которого она даже не надеялась увидеть живой.

- Спасибо вам, спасибо, - сквозь слезы шептала мать, не находя больше слов, чтобы выразить благодарность за эту невероятную встречу. Ей уже рассказали во всех подробностях необыкновенную историю спасения ее дочери, и теперь она стояла как потерянная, словно страшась пробудиться от чудесного сна. Неужели это все происходит наяву?!

Утром женщина тепло прощалась с гостеприимными хозяевами и, заботливо прижимая дочурку, ласково обратилась к Славику.

- Пойдем домой, Слава!

- Домой? - мальчик стал пунцовым от охватившего его волнения.

- Конечно. А кто будет заботиться о нас с Маликой, кроме тебя? У нас единственный мужчина в доме - это ты, - Петимат нежно провела рукой по светлым кудрям мальчугана. - Ты согласен со мной, Слава?

- Знаете что, тетя Петимат, зовите меня Асланом, - серьезно заявил он.

- А чем тебе не нравится собственное имя?

- Дядя Аслан погиб, заслоняя нас с Маликой от пуль при переправе через Сунжу. Я хочу носить его имя и быть достойным его.

- Тогда пора в путь, Аслан. Едем домой!

1994 год

ДОЛГАЯ ДОРОГА В НОЧИ

Ему снился сон.

Хороший, долгожданный.

Отец был жив и внимательно слушал сына, а тот, захлебываясь, что-то торопливо рассказывал, боясь, что родной человек, которого ему так не хватает в этой безрадостной, тревожной жизни, снова исчезнет. Мальчик делился с отцом самым сокровенным. Горькое и радостное - все смешалось. Он плакал и смеялся. Отец ничего не говорил, лишь печально глядел на него и ласково гладил по голове. Затем он взял его за руку и повел в сад, которым так гордился при жизни. Здесь росли почти все фруктовые деревья. Мальчик потянулся к яблоку, но не смог достать его. Отец сорвал самый большой румяный плод и с улыбкой протянул сыну. Они подошли к качелям. Отец посадил сына на них и слегка толкнул. Вскоре мальчик забыл обо всем плохом, тревожном. Качели постепенно набирали скорость. У него от полета захватывало дыхание, и он весь искрился от счастья и радости. Ребенок был готов умереть ради этих неповторимых мгновений. Отец тоже смеялся вместе с ним и, угождая сыну, раскачивал качели все сильнее. Арби с каждым разом взлетал все выше и выше, поднимаясь в синеву неба. И в тот момент, когда, казалось бы, почти коснулся облаков, Арби вдруг услышал тревожный, полный страха и отчаяния голос матери:

- Арби, сынок, проснись, родной!

Напуганный этим криком, мальчик сорвался с

качелей и кубарем полетел вниз. Отец пытался помочь ему, его лицо исказилось от страха и боли...

Мальчик с трудом открыл глаза и долго не мог прийти в себя. От качелей из сна кружилась голова, образ отца все еще стоял перед глазами... Сердце заныло. Так тяжело возвращаться в реальность! Во сне он ожил, а теперь снова сник. Ему сегодня исполнялось тринадцать лет. Ровно год назад, десятого февраля, в его день рождения убили отца. Эта дата его рождения стала для него самым несчастным днем в жизни.

- Военные ворвались в город! Надо бежать, спастись! Вставай быстрее, - тормошила его мать, — оденься потеплей. А я соберу что-нибудь из съестного.

Мальчик посмотрел в окно. Казалось, весь белый свет дрожит и рвется на части от глухих и резких взрывов, свиста пуль, автоматных очередей. Люди в страхе куда-то убегали, таща за собой ревущих детей, поддерживая больных и стариков. Где-то пылали дома, поднимая к небу длинный столб черного дыма. Сегодня все ополчилось против них. День был отвратительным. Морозный. Безжалостный. Свирепый ветер в гневе разбрасывал снежинки, которые пугливо липли к окошкам и тут же таяли.

- Арби, ты даже не встал! - ахнула мать. - Автобусы не будут нас дожидаться.

Арби тяжело вздохнул:

- Мама, куда мы с тобой пойдем? Кому мы нужны? Всем сейчас трудно. Останемся здесь. Будь что будет.

Мать упала на колени перед ним и, судорожно обняв его, заплакала навзрыд.

- Арби, родной мой, да разве я за себя боюсь?! За тебя я волнуюсь, за твою жизнь! Никого у меня не

осталось! Ради тебя живу и дышу! - сквозь рыдания говорила она и, чуть успокоившись, добавила: - А мир не без добрых людей. Примут, обогреют. Мы с тобой их не слишком обременим.

У мальчика сжалось сердце от нахлынувших нежных чувств и жалости к этому родному, безграничному любимому человеку. «Мама, родная, - застонало сердце, - ты такая молодая и так постарела! Как жестоко обошлась с нами жизнь! Счастье отвернулось от нас. Ты такая сильная в любви и такая беспомощная в своем одиночестве! О Аллах, дай мне силы защитить ее и воздать ей за ее любовь и страдания!»

Худощавыми ручками он поправил платок на голове матери, прикрывая тяжелые, уже с белой проседью длинные косы, красотой которых они с отцом так часто любовались. Взглянул в заплаканные глаза матери и вдруг совсем по-взрослому произнес:

- Ничего не бойся, мама. Не волнуйся за меня и не пытайся спасать. Я теперь буду твоим защитником. Вставай. Все будет хорошо.

От этих слов Маржан залилась слезами. Последние силы оставили ее. Она устала бороться в этой жизни. Устала жить и надеяться. Устала бояться за сына, за завтрашний день. Сын уже оделся и терпеливо ждал, пока мать успокоится.

Ветер неприязненно лизнул им лицо, не обещая стать добрым попутчиком. Он пытался сбить их с ног и дул прямо в лицо. Пригибаясь от шальных пуль и скрываясь за домами от метких снайперов, они с трудом добрались до автобуса. Здесь было очень много женщин, детей и немощных стариков. Они пытались использовать последний шанс, чтобы выбраться из этого

ада. Пули вокруг не разбирали своих и чужих. Да и были ли свои и чужие? Все одно. Все чуждо. Кругом неразбериха. Разруха. И беспросветность.

Все нетерпеливо подгоняли друг друга, а когда автобус уже развернулся, раздался иступленный крик молодой женщины с двумя малолетними детьми, от которого всех бросило в дрожь. Она взывала к помощи Всевышнего, всех святых и рвала на себе волосы. Малыши испуганно заревели, заглушая вопль матери. Она отбивалась от женщин, пытающихся успокоить ее, и в истерике кричала:

-Люди, смотрите на меня и смейтесь надо мной! Будь проклята такая мать, как я... Я забыла родное дитя в колыбели... За-бы-ла...

Она ринулась к выходу и, на ходу умоляя присмотреть за ее детьми, скрылась за углом ближайшего дома. Никто не винил ее и не осуждал. В этом кошмаре никого ничто уже не удивляло.

Колонна с беженцами потянулась в сторону Азамат-Юрта. Подальше от пылающего города. Природа соперничала с людской бесчеловечностью. Мороз пробирал до мозга костей, сливая лихорадку от страха и дрожь от холода воедино.

Арби весь съежился и замер на груди матери в тревожном ожидании. Он очень любил петь народные песни и затянул одну из них, которую исполнял Султан Магомедов: «Моя Чечня». Запел не вслух, а в сердце. Песня постепенно наполняла его, заглушая беспорядочную канонаду орудий. Арби с наслаждением вдыхал запах материнских волос. Ему показалось, что он слышит назму⁵ в сердце матери, в которой переплетались боль и горечь, тоска и тревога. Сердце с

⁵ Назма - песня религиозного содержания.

каждым новым взрывом замирало, а затем начинало бешено биться.

Дорога была скользкая, но они уже отъехали довольно далеко от Гудермеса, и теперь находились в безопасном месте.

- Смотрите, вертолеты! - вдруг завизжали женщины, дико закатывая глаза от ужаса.

- Ну что ты кричишь, детей пугаешь? - прикрикнул на них больной старик сквозь кашель. - Пролетят. Это же колонна мирных, незащищенных людей.

Но летчики так не думали.

Земля задрожала от взрывов. Машина с беженцами в середине колонны загорелась. Люди начали выпрыгивать из машины и, давя друг друга, рассыпались по снежному полю. Но им некуда было бежать. Пули настигали везде. Вертолеты кружили в небе и щедро сеяли поле ракетами и пулями, поливая его человеческой кровью.

Арби ничего не мог понять. Он был уверен, что с вертолета не видят, в кого они стреляют. Но вскоре его сомнения рассеялись. Вертолеты, разворачиваясь для следующей атаки, почти вплотную приблизились к ним. То, что увидел мальчик, навсегда врезалось в его память: лица военных, в глазах которых горел охотничий азарт. Арби был в шоке.

Маржан схватила сына и вместе с другими выскочила на дорогу. Она не кричала и не орала, как все вокруг. Только в огромных, черных, как уголь, глазах застыл весь ужас от происходящего. Крепко обняв сына, она рванулась к лесу, как будто оголенный зимний лес мог спрятать и спасти их от огненного шквала пуль.

Арби еле вырвался из объятий матери и закричал:
- Мама! Ложись! Ложись на землю!

Мальчик пытался закрыть мать своим маленьким телом, но Маржан сильным движением опередила его, и он оказался под ней. Затаив дыхание, они притихли. Лежа ничком на земле, он слышал, как родная земля содрогалась от боли и обиды. Вспомнились слова отца: «Земле, сынок, нужны ласка и забота. Нельзя ее обижать, и она тебя не обидит. Надо всегда помнить, что земля нас кормит и примет к себе после смерти».

Прошло минут десять, а казалось, что целая вечность. И вдруг наступила тишина. Холодная, гробовая. Шум вертолетов удалился, унося рев моторов в сторону Гудермеса.

Арби зашевелился.

- Мама, вставай, все кончилось.

Маржан молчала в ответ. Мальчика как будто окатили холодной водой.

- Мама! - настойчиво позвал он.

Что-то горячее капнуло на его щеку, а затем, скользнув холодной струйкой, упало на белый снег прямо перед его глазами.

Он оцепенел. Кровь... Еще капля... Еще, еще...

Арби задрожал всем телом: «Мама! О нет! Только не это!» Он выбрался из-под обмякшего и отяжелевшего тела и растерянно присел на корточки. Мать безжизненно лежала на земле. Косы черными змейками рассыпались по белому снегу. На голове зияла рана, из которой обильно струилась кровь, оставляя на снегу алый след. Арби боялся прикоснуться к матери, страхась правды.

- Мама! - тихо позвал он, ожидая услышать в ответ привычное ласковое: «Что, родной?», но этих слов

не последовало. Сын дрожащими руками перевернул ее и похолодел. Бледное лицо, в глазах застыли ужас и боль, на губах застрял крик души. Мальчик долго просидел рядом с телом, не слыша, не замечая ничего вокруг. Кто-то дотронулся до него. Он даже не оглянулся.

- Пойдем, парень. Да простит ее Аллах. Вставай. За мертвыми пришлют машины. Мы не сможем их забрать сегодня, слишком много жертв.

Арби молчал в ответ и не смотрел на говорившего. Тот простоял еще минуту и ушел. Неизвестно, сколько он просидел вот так. Опомнившись, он огляделся вокруг помутневшими глазами. Зимняя дорога была усеяна телами погибших, обстрелянные машины дымились. Бушевавший ветер затих, будто испугавшись увиденного, и сбежал с места бойни, уняв свой свирепый нрав. Тишина вокруг давила и чуть не сводила с ума.

Арби был один в этой кровавой пустыне. Один на один со своим горем. Сознание медленно возвращалось к нему. Сердце гулко выстукивало: «Один, один, один». Один в целом мире. Сегодня он родился и умер... В этот же день в прошлом году он лишился отца, тогда он потерял полжизни. А теперь — мать. Нет, ему сегодня исполнилось не тринадцать лет, а все сто. Комок подступил к горлу. Он редко плакал, боялся и стыдился своих слез. Но сегодня он не будет сопротивляться этому желанию. Он будет плакать и рыдать по отцу, по матери, по себе, по всем погибшим и живым, по родной земле. Он как будто взорвался рыданиями. Слезы жгли его душу, глаза, лицо, руки. Они жгли снег, растворяясь в крови, сочившейся из раны матери. Они жгли тишину, синеву неба и весь белый свет.

- О Аллах! — застонал он, воздев руки к небу. - За что ты меня караешь и обрекаешь на такие страдания?

Ты же видишь, я ни в чем не повинен. Я ни у кого ничего не воровал, никогда никого не обижал и никому не делал больно. Ты лишил меня родителей... Лучше бы Ты забрал меня. У них могли бы быть еще дети, а их мне кто заменит?.. Куда мне теперь идти, кому я нужен?

Он долго еще говорил со Всевышним, требуя ответа на многие недетские вопросы.

Молчало небо.

Молчала земля.

Остекленела снежная тишина.

Арби прижимал к худощавой груди безжизненную, окровавленную голову матери, целовал ее холодные руки, звал ее, отца, умоляя их не оставлять его. Детский плач кружил над полем смерти. Он уже потерял голос, рыдания перешли во всхлипы. День уже перевалил за половину. Мальчик решил остаться здесь с матерью и умереть рядом с ней. К утру найдут его отмороженное тело, и он освободится от всех земных страданий. Устав от всего пережитого, он медленно уходил в забытие. Перед глазами прошли годы его короткой жизни. Доброе лицо отца, счастливый смех матери. Затем война, разруха. Смерть отца, отчаяние матери, безысходность. Солдаты с оружием, в масках... Танки, самолеты. Земля в крови. Небо в плену. Смерть матери. Море крови...

За что? Кто за это ответит?

Арби многое было непонятно. Да разве поймешь этих взрослых? Война непрошеным гостем ворвалась в их безоблачную жизнь и отняла у него все - детство, родителей, надежду на счастливую жизнь. А ведь могло бы быть иначе. Вдруг в его сердце вскипело новое чувство: ненависть, непреодолимое желание отомстить виновникам всех его несчастий.

Кому?

Он найдет, кому мстить. Он не умрет. Назло врагу. Он будет жить и мстить. От этой мысли упавший духом Арби снова воспрянул. Он лихорадочно встал и оглянулся вокруг. Скоро стемнеет. Если он останется здесь, смерти не миновать. Надо двигаться вперед. Хоть до утра. Но мать он не оставит здесь. Ни за что.

Мальчик выбежал на дорогу, взобрался на покинутый автобус и взял свой узелок с вещами, в котором нашел теплое одеяло. Его взгляд упал на сани под сиденьем и аккуратно сложенную веревку. Удовлетворенный находкой, он выпрямился, но вдруг увидел в зеркало свое отражение и испуганно вскрикнул: детские черты за один день приняли старческий вид, глаза глубоко западали. Но не это удивило его. Волосы, почти белые. Думая, что это снег, он тряхнул головой и провел рукой по волосам. Седина! Этот кошмарный день ранил не только душу ребенка, но и превратил его в глубокого старца...

...Арби заботливо укутал мать одеялом, с трудом переворачивая отяжелевшее тело. Он собрал в ладони чернеющие смолой на фоне снежной белизны косы матери и, уткнувшись в них лицом, полной грудью вдохнул их мягкий, родной запах. Потом бережно спрятал косы за пазуху пальто матери. Крепко, насколько позволяли детские силы, он привязал тело к саням и выпрямился.

Пора. Сегодня сын проводит мать в последний путь.

Арби вышел на дорогу. Он должен был пройти мимо убитых и искалеченных людей и страшился этого. Ноги как будто приросли к ледяной земле. Он обернулся назад, на сани, словно за помощью к матери, и

разозлился на себя, на свое малодушие. Мама погибла, прикрывая его собой от пуль и осколков. Такая красивая и молодая. От волнения и жуткого страха лоб покрылся испариной. «Трус, - злился он на себя, — трус и девчонка...» За свой короткий век он достаточно хлебнул горя, а это будет дополнением к нему.

Он решительно шагнул вперед.

Снег тонко скрипел под ногами, и в мертвой тишине в этом скрипе чудился жалобный стон погибших людей. Мальчик не отворачивался и не отводил глаза. «Я должен все это видеть, запомнить. И я этого никогда не забуду», - стучало в висках.

Здесь было очень много знакомых лиц. Взрослые, дети, старики. Они лежали в разных позах. В лужах крови. Опять пронеслись в памяти эти страшные минуты: рев моторов вертолетов, разрывы ракет, пулеметные очереди, крики ужаса и боли. У Арби дрогнуло сердце, но слезы кончились. Лишь сердце плакало, обливаясь кровью. Такое маленькое и такое большое сердце, которое устало от этой жизни, от всего виденного, измучилось и настрадалось...

...Мальчик уже прошел этот промежуток дороги смерти. Он больше не оглядывался и, волоча за собой тяжелые сани, двигался вперед. Он не знал этих мест, этих дорог и полностью положился на волю Аллаха.

Арби не боялся ни темноты, ни дороги. Его даже не пугала неизвестность. Он был опустошен, и лишь одно горячее желание придавало ему силы: выжить и отомстить.

Это была самая длинная ночь и самая долгая дорога в его жизни.

Дорога из ада в неизвестность.

Небо сыпало снежные хлопья. Ветер кружил и

свистел, жестоко хлеща его по лицу. Мальчик почти не чувствовал ног, ему трудно было ступать по скользкой дороге. Он падал, снова и снова, но тут же упрямо вставал и, спотыкаясь и кряхтя, устремлялся вперед. Сани опрокинулись от резкого толчка, и потребовалось немало усилий, чтобы перевернуть их. Изнуренный и выдохнувшийся, он упал на колени и прильнул к телу матери. Как в детстве. Сто лет назад. Он любил слушать биение сердца матери, а мама смеялась над его напряженным, глупым личиком. Помнится, как однажды, будучи совсем маленьким, он задал ей вопрос: «Мама, оно может остановиться и отдохнуть?» И услышал в ответ: «Нет, сынок. Если оно перестанет биться, то уже навсегда, тогда человек умирает». Арби тогда ужаснулся - он не мог и мысли допустить, что его мама умрет. Мать ласково прижала сына к груди и проговорила: «Пусть оно будет биться для тебя всегда. И мое сердце, и твое».

При этом воспоминании у мальчика на глаза навернулись слезы. Затем, затаив бешеное дыхание, в ожидании чуда прислушался к груди матери.

Сердце молчало...

Арби задохнулся от боли утраты и завыл, сливаясь с протяжным воем ветра. У него устали и душа, и тело. Ноги окаменели, руки отяжелели. Не хотелось вставать, тем более двигаться. Постепенно приятная дремота одолевала его. Покрасневшие от слез глаза слипались. Веки сами собой закрывались, и наступила блаженная тишина. Приятная теплая волна пробежала по озябшему телу, расслабляя и успокаивая утомленный организм.

И снова приснился сон с качелями. На этот раз с отцом была и мать. Они любили его, ласкали. Арби

заигрался с отцом, а мама настойчиво звала его. Отец приложил палец к губам и подтолкнул его к матери. Мама куда-то уходила, и мальчик, боясь отстать, поспешил на ее зов. Она вела его к ослепительно яркому свету. Он не мог открыть глаза, они болели и слезились, а мама все звала и звала.

Арби с трудом проснулся и понял все. Он заснул, а мама во сне спасла его от замерзания. Стряхнув с себя снег, мальчик вытянул затекшие ноги, заботливо освободил тело матери от снежного покрова и снова впрягся в сани.

После короткого отдыха ему было трудно идти: тело обмякло и требовало еще сна и отдыха. Мальчик изо всех сил противился этому желанию и, стиснув зубы, маленькими шажками, метр за метром, продолжал путь. Он не оглядывался по сторонам и лишь смотрел прямо перед собой, на дорогу. Снег слепил глаза, голова кружилась, от горя и холода обильно текли слезы. Веревки от санок больно врезались в тоненькие пальчики, посиневшие от мороза. Вдруг, споткнувшись, он грузно упал, больно прикусив язык. Присмотревшись, увидел что-то похожее на обувь.

Страшная догадка промелькнула в голове. Забыв об усталости, он руками раскидал снег и откопал замерзшую женщину. Она прижимала к груди маленький сверток.

У Арби сжалось сердце.

Она пыталась спасти ребенка, сняв с себя все теплое, но и это его не спасло.

Арби дотронулся до ее лба - он был ледяной. «Хоть с дороги убери», - решил он и обеими руками, весь напрягшись, поволок тело на обочину дороги. И вдруг остолбенел от неожиданности: он услышал

слабый писк из свертка. Арби не поверил своим ушам. Звук снова повторился. Нагнувшись, он высвободил сверток из мертвой материнской хватки и увидел чуть живого от холода младенца. Арби слабо улыбнулся ему и прижал живой комочек к груди. Он согрел ему отчаявшуюся душу и заполнил пустоту. «Эх, малыш, - горько усмехнулся он, - думаешь, нам повезло, что выжили сегодня? Нет, ошибаешься, дружок, наши мытарства только начинаются». Затем сел рядом с его матерью и произнес вслух:

- Ну, малыш, попрощайся с матерью...

Это маленькое существо придало ему новые силы. Теперь он не так одинок. Арби почувствовал всю ответственность за жизнь этого беспомощного и беззащитного малыша и по-взрослому, потуже затянув ослабший ремень и, нахлобучив шапку, засуетился вокруг ребенка. Теплым, мохеровым платком привязал его к своей спине и, уже с двойной ношей, шатаясь, продолжил путь.

...Сквозь завывание ветра Арби услышал лай собаки. Он поднял голову и лишь теперь заметил, что светает. Вдали клубился дым над крышами домов. Мальчик облегченно вздохнул, сердце радостно забилося. Он дошел... Не сдался... Он победил ночь, бурю, трудную дорогу, он одержал верх над смертью, которая ходила за ним по пятам.

Арби обернулся назад, к матери и прохрипел:

- Мама, я дошел... Мы дошли... Эй, малыш, гляди, мы спасены...

Малыш, к великой радости Арби, заерзал на спине и слабо захныкал.

- Потерпи чуть-чуть, - шевеля треснувшими от мороза губами, успокаивал его Арби. - Сейчас тебя

накормят, обогреют... Осталось совсем немного... Ничего, поплачь, малыш, поплачь... Только, прошу тебя, не молчи...

Арби в растерянности стоял посередине села и не знал, куда пойти. Село еще не пробудилось. Может, дожждаться, пока его кто-нибудь увидит?

С высокого минарета мечети мулла приятным тенором призвал на утреннюю молитву. Мальчик решительно направился в ту сторону, откуда доносился спасительный голос.

Он тихо вошел во двор святого пристанища.

Только теперь его оставили последние силы, и он рухнул, как подкошенный, у порога мечети. А когда пришел в себя, первое, что он увидел — огромные настенные часы и старый мулла, сидевший рядом с ним в ожидании его пробуждения. Слезы струились из его глаз и, скользя по глубоким морщинам, стекались по бороде в один ручей. В комнате послышался плач ребенка.

Старик вопросительно посмотрел на Арби.

- Брат?

Он медлил с ответом. «Брат» - это звучало так сладко и утешающе.

Арби ухватился за это спасительное для него новое слово и утвердительно выдохнул:

-Да. Он... мой... брат!

1995 год

МАТЬ СОЛДАТА

Нуржан спала чутко.

Постоянная тревога и напряженность в военное время приучили ее быть готовой ко всему. На этот раз ее разбудил неуверенный стук в окно. Они с сыном жили на самой окраине села, и в случае опасности им трудно было бы дозваться помощи. Стук повторился. Кто бы это мог быть посреди ночи? Она в тревоге подбежала к окну, но в темноте никого не увидела. Позвать сына? Нет, какая мать рискнет выпустить сына на улицу в такое время? Лучше уж пойти самой.

- Кто там? - тихо спросила она через дверь.

Никто не отвечал. Может, ей спресонок почудилось и никакого стука и не было? Она собралась было снова лечь, как стук повторился, на этот раз настойчивее.

- Да кто там?

- Тетя, пустите, пожалуйста, - вдруг послышался слабый голос, говорили на русском языке.

Нуржан оторопела. Русский? Что ему от них надо? А может, это подвох?.. Добра от них не жди. Нет, она ни за что не откроет дверь. И, затаив дыхание, женщина замерла.

- Ты что не спишь, мама?

Мать от неожиданности вздрогнула. Сын проснулся от шорохов в комнате и теперь вопросительно смотрел на нее.

- На улице кто-то просится в дом, - тихо сказала она.

- А что ты стоишь? Открой дверь ипусти, - не понял тот.

- Нет, нет, - замахала руками Нуржан. - Он русский.
Русский?! - сын начал поспешно одеваться. Я не пущу тебя, Расул! - мать решительно загородила дверь. - Это слишком опасно. Не забывай, что они пришли к нам с войной.

Мама, если бы он пришел к нам со злым умыслом, то не просился бы в дом, а взломал двери и давно с нами расправился. Я выйду и посмотрю, что там. Не волнуйся за меня.

Нуржан отошла от двери, зная, что сын все равно поступит по-своему. И ей больше ничего не оставалось, как выйти вслед за ним.

Ночь была лунная. Осенний ветер шумно раскачивал ветви деревьев. Вершины гор в темноте таинственно замерли в томном ожидании рассвета. Под окнами Расул заметил человека в неестественной позе. Он осторожно подошел к нему и тронул за плечо. Тот даже не шелохнулся.

- Мама, помоги, - тихо позвал Расул. - Кажется, он без сознания.
Они бережно приподняли отяжелевшее тело, внесли в дом и при свете лампы увидели совсем юное, мальчишеское лицо солдата, все в синяках и ссадинах. Расул пригляделся.

- Я узнал его, мама, - сказал он.

- Откуда?

- Сегодня в лесу я видел, как свои же солдаты жестоко избивали этого парня.

- Сынок, - заволновалась мать, - ты не можешь его знать. К тому же, я не думаю, что мы правильно

поступили, связавшись с ним. Его будут искать и если найдут у нас, нам не сдобровать.

Расул осуждающе взглянул на мать.

- От тебя ли я это слышу, мама?! Человек попал в беду и просит у нас помощи, а мы ему откажем? Да я лучше умру, чем проявлю такое малодушие! Он теперь под моей защитой, и я не изменю нашим обычаям.

- Сынок, - умоляюще заломила руки Нуржан, - сейчас другое время. Этот несчастный сбежал от своих, и его вернут, хотим мы этого или нет. И он понесет свое наказание как дезертир.

Расул упрямо насупил брови.

- Я его не сдам, мама, - решительно произнес он. - Никогда! Я - сын своего отца и не имею права прослыть трусом и подлецом!

Это означало, что он закончил и его решение обсуждению не подлежит. Нуржан тяжело вздохнула и не стала больше с ним спорить. Но ее тревоги исчезли и перешли в жалость, как только она увидела избитого солдата. А если бы его сын, не дай Аллах, попал в такую ситуацию?! В конце-то концов, эти ребята, совсем еще дети, не по своей воле заброшены в этот ад.

Расул хлопотал вокруг незнакомца, и когда тот пришел в себя, дружелюбно улыбнулся ему.

- Мама, принеси чего-нибудь поесть, - обратился он к матери по-русски, чтобы гость не чувствовал себя неловко.

...Солдат уже успокоился, почувствовав себя в безопасности, и благодарно посмотрел на своих гостеприимных хозяев.

- Простите, что вломился так поздно, - заговорил он чуть окрепшим после горячего чая голосом.

- Ничего. В этом доме гостям двери открыты в любое время.

- Да, но...

- И никаких но, - перебил его Расул.

- Вы не понимаете, если меня здесь найдут...

- Я все понимаю, - не дал ему договорить хозяин.

И знаю, чем рискую. Я стал невольным свидетелем нашей ссоры, там, в лесу. Ты мужественно сопротивлялся, солдат! - по-своему похвалил он его.

- Я не представился, - спохватился ночной гость и протянул руку: - Алеша, Алексей Савельев.

- А я Расул. Отца нет, рано осиротел. Я и мама - всего народу.

- Я тоже у мамы один, - взгрустнул Алеша. - Когда она узнала, что меня определили на службу в Чечню, чуть с ума не сошла. Всюду всех обегала, но ничего исправить уже не могла... Я не хотел воевать с вами...

- Не надо оправдываться, Алеша, - успокаивающе проговорил Расул. — Не мы с тобой затеяли эту войну, не нам ее и остановить. Говорить на эту тему можно бесконечно долго, но у нас с тобой нет времени. Скоро начнется охота на дезертира, тебя надо надежно спрятать. Но куда?

И он придумал - спрятал своего гостя в яму для картошки, вырытую в саду, и прикрыл стогом сена.

Охота началась рано утром, и вскоре Расул стоял перед коренастым военным в погонах лейтенанта, в котором он узнал того самого деспота в лесу.

- Мы ищем солдата, - важно объяснил он.

- А чего его искать, вон их сколько?!

- Здесь вопросы задаю я, - недовольно скривил губы офицер. - Мы ищем дезертира. Сбежал солдат, вы что-нибудь слышали о нем?

Расул сделал недоумевающее выражение лица.

- А кто осмелится бежать из армии, от своих товарищей прямо в руки бандформированиям, сепаратистам и террористам? Тут явно какая-то ошибка, - покачал головой он.

- Хватит болтать! - вышел из себя военный. - Тоже мне, философ выискался! Говори, видел что-нибудь или слышал про такого?

- Ничего я не слышал и не видел, - невозмутимо отвечал Расул.

Но тут из дому выскочил солдат и сунул ему под нос какую-то тряпку.

- А это что?

«Чертовы портянки, - в сердцах выругался Расул про себя. - Надо же так оплошать!» Но внешне и виду не подал.

- Откуда я знаю? Я мужчина в доме и тряпками не занимаюсь.

Привели Нуржан.

Она старалась держаться уверенно, но разве скроешь в глазах страх и смятение?

- Тебе знакома эта тряпка?

Конечно, она знала, откуда этот лоскуток: повесила у печки посушить и забыла убрать.

- В лес ходила, там валялась, я и подобрала. Мало ли что, в хозяйстве пригодится, - не растерялась она.

От лейтенанта не укрылась легкая ухмылка Расула при ответе матери.

- У Крылова басен начитались, - возмутился он.

- Ничего, мы тебе язык развяжем! Забираем его!

Нуржан рванулась к сыну. Расула бросило в жар. А вдруг она проговорится? Как же предостеречь ее от неосторожных слов?

- Мама, - сурово, в точности как отец, произнес он. - Смотри на меня. Не позорь себя и меня, не унижайся перед ними. Думаешь, их тронут твои слезы? Все будет в порядке...

Нуржан видела в глазах сына отчаянную мольбу молчать про ночного гостя. И она поняла его.

- Я вернусь, мама, - в последний раз выкрикнул Расул.

Шум БТРов заглушил причитания матери, и двор быстро опустел, как будто ничего и не произошло, и лишь разбросанные в беспорядке вещи, затоптанный порог дома и следы тяжелых шин военных машин напоминали о неизвестных пришельцах.

...Но Расул так и не вернулся. С тех пор утекло много воды, ночь сменяла день, лето - зима. Прошел год, а затем два. Разрушительная волна войны откатилась, оставляя за собой сожженные дома, разбитые дома и искалеченные людские судьбы.

А земля живет, с трудом, но дышит, наперекор всем войнам.

Весна - большая модница природы. И очень придирчива к своей внешности: белые и розовые кудряшки на деревьях, земля кокетливо укуталась в нежно-зеленые сари. Горы-великаны величественно восседают в белоснежных папах. Солнце играет в прятки, скрываясь то за одним, то за другим склонами гор. Белые паруса облаков лениво плывут по морской синеве неба.

И вот в один из таких прекрасных весенних дней, рано утром, в аул прибыла незнакомая женщина. Она неуверенной походкой шла по узеньким улицам, иногда останавливаясь и растерянно озираясь по сторонам. Петухи давно пропели свои утренние романсы, во

всеуслышанье объявляя о наступлении дня и выражая ликование восходу солнца.

Она остановилась у крутого подъема горы и перевела дыхание.

Ее взору открылось очарование горного пейзажа во всей своей красе. Кругом было сказочно красиво. В памяти сразу же всплывали прекрасные строки Пушкина, Лермонтова, Толстого, для которых Кавказ стал источником вдохновения.

- О Господи! - воскликнула женщина, не в силах отвести взгляд от этой пленящей красоты природы. - Красота-то какая! И только безжалостный человеческий разум может посягнуть на это чудо... Война - жестокая разрушительница и величайшая несправедливость...

Женщина была русской и, прежде чем ехать сюда, она много читала об этой стране, его народе и природе. Но она даже представить себе не могла, как этот край прекрасен. «Этой страной надо любоваться и лелеять за красоту, а ее разделяет как тушу, - с болью думала она. - Маленький рай в аду».

- Драстуйте! - раздался детский голосок за ее спиной.

Она обернулась и увидела смышенное личико мальчугана, который с нескрываемым любопытством разглядывал незнакомую тетю.

- Здравствуй, малыш, - ласковым голосом ответила женщина и, достав из сумки конфеты, протянула их ребенку. Но тот, к ее удивлению, замотал головой и испуганно отступил назад.

К ним подошла чеченка, по всей видимости, мать этого мальчика.

- Спасибо, - вежливо поблагодарила она. - Он не возьмет. Недавно умерли его друзья... Кто-то под

новый год подбросил подарки в красивых кулечках. Они оказались отравленными. Врачи так и не смогли их спасти, - она пригляделась к незнакомке, которая молча стояла, потрясенная ее последними словами. - Кто вы и что вас привело в наши края?

- Я не местная, русская, зовут меня Надежда Сергеевна, — начала она взволнованно. - Приехала из Томска, ищу сына. Он служил в Чечне.

- Хотите сказать, воевал? - с горькой усмешкой поправила ее чеченка.

- Поверьте, он не хотел... мы не хотели эту войну... — запинаясь, скороговоркой пыталась объяснить женщина. Голос задрожал, слезы навернулись на глаза, и она бессильно закрыла лицо руками.

Ее мучило чувство вины перед этим несчастным народом за роковые ошибки российских правителей, которые утопили в крови эту обетованную землю. Кровью их сыновей - русских и чеченцев.

- Не плачьте, успокойтесь, пожалуйста, - сжалилась чеченка над убитой горем матерью солдата. Но та уже не могла остановиться. Рыдания душили ее, и ей необходимо было выплакаться. Пусть эти горы видят и слышат ее душераздирающий стон и плач. Может, они немые свидетели предсмертного вздоха и взгляда ее сына? И слышали, как он в последний раз выкрикнул беспомощное «мама!»?

И вдруг эта чеченская женщина, которая должна была бы люто ненавидеть ее, русскую, как и всех остальных ее соотечественников, которые принесли горе и беду на их родную землю, растоптали все святыни этого прекрасного свободолюбивого народа и приковали, как Прометея, цепями их свободу и

мятежный дух, крепко обняла ее и ... заплакала.

Плач женщины! Слезы матери! Сколько вобрано людского горя в эти капли, превращающиеся в обильные ручьи! Не потому ли назван этот край седым Кавказом, что он испокон веков нагладелся кровавых распрей и вот этих материнских слез?!

Они плакали. И это право никто у них не отнимет. Здесь уже не имело значения, кто ты по национальности, какого вероисповедания. Одно их объединяло - они матери, которым от Бога предназначено дарить жизнь и любовь.

И тут же, усевшись у подножия величавой горы, они излили друг другу души. Чеченка внимательно слушала гостью. Надя впервые видела эту женщину, а казалось, всю жизнь ее знала. Ушли куда-то тревоги и страхи, она как будто причалила к спасительному берегу после разыгравшейся бури взбесившегося моря жизни.

О, если бы между безумными вершителями судеб было такое же взаимопонимание! Народы никогда не враждуют, их толкают на братоубийственные войны неумелые политики.

Надя рассказывала вновь обретенной подруге по несчастью о своих мытарствах в поисках сына. Узнав о пропаже сына, сразу же поехала в Москву, Министерство обороны, где ей посоветовали ехать прямо в Чечню и обратиться к руководству группировкой. Прибыла в Ханкалу, где встретилась с такими же несчастными родителями, разыскивающими своих детей и жившими в казармах. Горе объединило их в единую семью. Время от времени к ним приезжали чеченцы и везли их в населенные пункты, где предположительно находились военнопленные.

- И вот, теперь я у вас, здесь теряются его следы,
- закончила она, всхлипывая и утирая слезы краешком платка. Затем достала из сумки фотографию сына и протянула ей. - Вот он.

Чеченка внимательно вгляделась в приятные черты молодого человека и радостно воскликнула:

- Да это же Алеша!

- Что?! - Надежда схватилась за сердце, которое чуть не выскочило из груди от волнения. - Вы знали его?

- Почему знала? - обрадовано обняла ее женщина, радуясь за нее. - Мы все знаем нашего Алешу.

- Вашего? - от неожиданности женщина не могла прийти в себя.

И чеченка рассказала во всех подробностях историю бегства ее сына: как попал в чеченскую семью, как, укрывая его, пропал без вести единственный сын матери, как она, вот уже два года, ждет его возвращения.

Надежда слушала ее и не могла поверить в правдоподобность этой необычной истории. Дорогу к дому, где проживал ее сын, мать прошла как в тумане, подгоняя время и себя. Казалось, что ей снится прекрасный сон, и она боялась проснуться, так хотелось досмотреть его счастливый конец и увидеть сына живым и здоровым.

...И вот он, этот дом и ... сын.

Он ловко рубил дрова и аккуратно складывал их под навес. Вышла старая, сухощавая женщина и позвала в дом. Алеша положил топор, выпрямился и... замер. Надежда не сводила с сына взгляда. От переполнившей ее радости она потеряла дар речи, ноги отказывались слушаться, и лишь взглядом ласкала и обнимала сына. Она утопила бы его в море любви и нежности. О, сила

материнской любви! Все преклоняются перед тобой, и не зря говорят, что рай на земле лежит у твоих ног!

Алеша тоже узнал ее. Радость, растерянность, тоска- все смешалось и закружилось. Чеченка подошла к нему и, проследив за его взглядом, заметила незнакомую женщину и... все поняла. Мать и сын нашли друг друга.

Надежда Сергеевна не побежала к сыну, не упала в его объятия. Нет. Она подошла к женщине, которая заменила ему мать, и низко поклонилась ей до земли.

Целый день они провели в воспоминаниях. Нуржан была немногословна и больше слушала, радуясь встрече родных людей. Иногда, при мысли о Расуле, в глазах мелькала грусть, но она тут же гнала ее прочь, чтобы не расстроить счастье двух вновь обретших друг друга душ.

К вечеру она приделась и на вопросительный взгляд гостьи ответила с улыбкой:

- Я пойду к сестре и переночую у нее, а вы оставайтесь наедине, ведь вам есть о чем поговорить.

Нуржан всю ночь не сомкнула глаза. Расул пропал без вести. Алеша уедет с матерью, и дом опустеет. Этот русский паренек запал ей в душу и стал почти родным... Его присутствие хоть как-то смягчало ее одиночество. Что теперь с ней станется?.. В таких горьких раздумьях прошла ночь.

Она встала чуть свет и поспешила домой. Надо было накормить гостью и проводить их в дорогу.

Запахавшись от быстрой ходьбы, она вошла в дом и увидела только Алешу, хлопотавшего вокруг печки.

- А где Надя? - спросила Нуржан.

- Она уехала, - ответил он, отводя глаза. Нуржан

уловила, как его голос дрогнул при этих словах.

- Как уехала? А почему тебя не забрала?

Алеша ласково обнял ее.

- Так будет лучше... мама! - он впервые назвал ее так.

Нуржан все поняла - Надежда не могла принять такую жертву и уступила ей права на сына. Сердце защемило, и она дала волю слезам.

Затем, высвободившись из объятий Алеши и схватив его за руку, со всех ног бросилась с ним к остановке.

Надежда не успела уйти далеко.

- Надя! - послышалось вдогонку.

Она обернулась. Нуржан с ее сыном стояла у подножья черной горы и отчаянно махала ей рукой.

- Подожди!

«Жди-жди-жди!» — подхватили горы.

Надежда вся подалась им навстречу. Для бедной матери остановилось время, сердце ее затрепетало. Наконец, они догнали ее.

- Ты почему ушла не попрощавшись? - у Нуржан в глазах были слезы.

- Я... я... - замялась Надя.

- И сына забыла?

Та стояла, потупив взор, и не находила слов для ответа.

- Нюра, - наконец выдавила она из себя, - я знаю, как тебе плохо и что ты чувствуешь. Мы с тобой ведь матери. Я не могу отнять у тебя последнее утешение — сына. А мне достаточно и того, что он жив, здоров. Да и Алеша сам не захотел уехать от вас.

Нуржан благодарно взглянула на зардевшегося парня и улыбнулась им обоим.

- Спасибо тебе, Надя, и тебе спасибо, Алеша. Но я никому, даже себе, не позволю разлучить вас. Поезжайте вместе домой... А я буду ждать Расула, сердце мне подсказывает - жив он.

Надежда взяла ее за руку и крепко сжала ее.

- Мы с Алешей клянемся тебе, что будем искать его и не успокоимся до тех пор, пока не разыщем его.

...Нуржан часто вспоминала тот день.

Она долго провожала их тоскливым взглядом, пока они не превратились в маленькие точки и не скрылись за крутым поворотом.

Потянулись унылые дни ожидания, и каждый вечер, вот так, она садилась у печки и, не отрываясь, смотрела на пламя в печи и медленно перебирала четки, шевеля пересохшими губами. Единственную сестру она похоронила, и не осталось никого из близких, с кем она могла бы поделиться своим горем. Многие уехали из прижитых мест, и горный аул опустел. Видать, умереть ей в одиночестве и не увидит она сына. Тяжелые мысли снова и снова бередили душу, вытягивая последние слезинки из уставших глаз.

Скорей бы наступила смерть, а то живет и живет, и неизвестно для чего. Для того чтобы страдать, ждать и надеяться?

Но сколько можно? Она ведь не железная, всему есть предел.

На улице пошел дождь. Это осень заливалась слезами, оплакивая ее печаль. Сегодня двадцатое октября двухтысячного года. Пять лет назад, именно в эту ночь к ним попросился беспомощный русский солдат. И с этого момента начались ее бессонные, полные тревожных ожиданий, ночи. Теперь ей ждать осталось совсем недолго: скоро она умрет, нет сил жить

так дальше. Одно ее успокаивает - она со спокойной душой встретится с сыном на том свете, ведь мать выполнила просьбу сына и не выдала тогда ночного гостя.

И снова в памяти воскресли картины той ночи.

Вдруг кто-то постучал в окошко. Нуржан вздрогнула.

Что это? Галлюцинации? О Аллах, она сходит с ума!

Пытаясь унять страх, она начала читать вслух священные аяты из Корана.

Новый стук, более настойчивый, застал ее врасплох. Значит, это ей не чудится? Она подошла к двери.

- Кто там?

И сквозь шум дождя и раскаты грома, она вдруг явственно услышала до боли знакомый голос.

- Тетя, пустите, пожалуйста!

Нуржан ахнула и открыла дверь. На пороге стояли улыбающийся Алеша, Надя и... Расул.

- Мы вернулись, мама!

1995 год

НАШЕСТВИЕ

Ночь тиха.

Звезды на небе лукаво замигали. Луна зевнула и, спотыкаясь об облака, поползла по небу. Сегодня ночь и тишина обрели друг друга. Они давно не оставались наедине, не чувствовали такого умиротворения. Не ухают танковые снаряды, не раздражают небо сигнальные ракеты. Село заснуло, убаюканное их согласием.

.. Они нагрянули ранним утром, разрывая тишину на мелкие кусочки.

Окна домов задрожали от гула тяжелой техники, как будто предупреждая своих хозяев о надвигающейся опасности. Собаки остервенело залаяли. Люди вскакивали с теплых постелей и тут же выполняли заученные движения. Времени на одевание не тратилось, так как все ложились спать одетыми, как партизаны в лесу. Женщины засовывали за пазуху золотые украшения и скудные сбережения, спасая от жадных глаз непрошенных гостей. Мужчины готовили паспорта и прятали все, что напоминало оружие: слишком длинные кухонные ножи, семейные реликвии - дедовские кинжалы - и ряд нелепых вещей, к которым солдаты при зачистках умудрялись цепляться, придавая им сугубо боевое назначение.

Солдаты рассыпались по дворам. Во время зачисток они проявляли необычайную оперативность и высокую боевую готовность. Успех в этих операциях им обеспечен. Потому что враг безоружен и не в силах оказать сопротивления.

Хозяева хмуро стояли посередине двора и молча наблюдали за тем, как военные чинят в их доме погром.

- Что, хозяева, так приуныли? - подошел к ним, судя по всему, главный из них, в его тоне звучала усмешка.
- Где ваше кавказское гостеприимство?

- В гости так не ходят, - отвечал хозяин. - Даже враг, и тот соблюдает элементарные нормы этикета.

- На войне один этикет - внезапность! - ухмыльнулся главарь «чистильщиков», довольный своими познаниями.

- Но здесь, среди мирного населения, это неуместно, - возразил чеченец. - На поле боя, лицом к лицу с врагом, другое дело.

- Э-э, больно грамотные пошли, - недовольно повел плечами военный. - Вы кто будете? Ну, по профессии?

- Я - учитель истории в школе.

- Ага, наставник боевых искусств, - по-своему сформулировал тот сказанное учителем. - Небось, готовите будущих боевиков? Прохоров! - громко позвал он одного из солдат.

- Здесь! - вынырнул из подвала обладатель звучной фамилии.

- Нашел что-нибудь?

- Никак нет, товарищ сержант.

- Ответ неверный, - красноречиво уставился на него командир. - Ты на-шел... Я ясно выразился?

- Понял, товарищ сержант, - солдат снова юркнул в подвал и через минуту вышел. - Товарищ сержант, я нашел гранату, в мешке с кукурузой.

Сержант победоносно взглянул на побледневшего учителя.

- Ну, что вы скажете в свое оправдание, господин

учитель?

- Вы же сами подбросили гранату, вы творите беззаконие! - выговорил тот.

- А вы докажите. Пишите жалобу, предъявите обвинение, - захохотал сержант, радуясь незавидному положению бесправного чеченца. И тут же отдал приказ: - Взять его, и в машину!

Ему тут же скрутили руки и повалили на землю. Женщина отчаянно заметалась по двору, зовя на помощь, но вряд ли кто им придет на выручку. Во всех дворах раздавались вопли и одиночные выстрелы из автоматов, кругом творилось что-то невообразимое.

- Товарищ командир, - сообщал в это время по рации сержант, - мы задержали боевика... Полевого командира... Нашли оружие. Проводим тщательную проверку... Есть!

Он отключил рацию и присел на корточки рядом с поваленным арестованным.

- Ну вот, историк, кончилась твоя история и начинается новая - «Дело №...» А «шить» эти дела мы умеем, не «сумлевайся».

Услышав крики и плач матери, из дома выскочила девушка лет шестнадцати. Густые, каштановые волосы ниспадали до пят, в огромных глазах стоял полный ужас.

- Отец!

- Уходи, дочка, иди в дом! - закричал на нее отец, пытаясь встать, но его крепко прижали к земле.

- Ух ты, какая красotka! - сержант схватил за руку рвущуюся к отцу девушку. - Ты где это прятал такую красоту? А?... - в его глазах заиграли недобрые огоньки.

Девушка зубами вцепилась в его руку.

- Ах ты, стерва! - заорал он и схватил ее за горло.

- Что же, потом побеседуем, наедине...

- Отпусти ее, — застонал отец девушки. - Я все подпишу, что бы вы ни требовали. Только не трогайте девочку.

- Как же ее отпустить?! - зло процедил сквозь зубы сержант. - Она ведь снайперша...

У матери девушки подкосились ноги от ужаса.

- Что вы делаете, изверги? - бросилась она на сержанта. - Убери свои грязные лапы от моей дочери...

- Отцепись, ведьма, - отбивался от нее сержант, но девушку, свою добычу, отпускать не собирался.

Женщина царапалась как тигрица, защищающая своего детеныша.

Взбесившись от гнева и боли, сержант, потеряв самообладание, схватился за пистолет и в упор расстрелял бедную женщину.

- Мама! — похолодела от ужаса дочь и, потеряв сознание, рухнула рядом с убитой.

- Гады! - бессильно бился головой об землю прижатый к земле чеченец. - Если я останусь жив, то я достану вас из-под земли...

- Вот-вот, если останешься жив, - невозмутимо отвечал сержант. - А я постараюсь, чтобы этого не случилось... В машину его... Девушку тоже... Она наш военный трофей.

И вдруг раздался надрывный мальчишеский голос:

- Стоять!

Все удивленно замерли.

В этой суматохе никто не заметил, как из дома выскочил мальчишка лет двенадцати и теперь стоял с гранатой в руках, готовый дернуть за кольцо.

Сержант обомлел.

- Эй, малец, - вкрадчиво позвал он, - отдай гранату. С этим не шутят.

В глазах мальчишки заблестели слезы. Он кивнул в сторону убитой матери и лежащей без чувств сестры.

- Вы достаточно пошутили... Теперь моя очередь.

Наступила тишина. Все напряженно ждали. У сержанта и солдат перехватило дыхание. Если произойдет взрыв, им не выжить. В руках у подростка была та самая граната, которую подложили хозяину дома. Солдат положил ее на стол, как вещественное доказательство, и по оплошности забыл убрать.

- Скажи своему сопляку, чтобы отдал гранату, - зашипел сержант на чеченца, бессмысленно уставившегося в одну точку.

Отец и сын посмотрели в глаза друг другу. Никто из присутствующих не мог себе представить, что творится в этих двух родственных душах. Они оба молчали, но говорили глазами. И сын прочел в глазах отца всю обреченность их положения. Даже если он отдаст гранату, отца ему не вернуть и сестру не спасти от бесчестия. О себе он и не думал.

Отец закрыл глаза... Раздался оглушительный взрыв.

...На второй день в новостях по телевизору передавали, что в одном из чеченских сел, в горах, при очередных зачистках солдаты наткнулись на отряд боевиков, среди которых были и две женщины-снайперы. Завязался бой, боевики уничтожены. Выполнив свой долг, героически пали солдаты, которые будут представлены к правительственным наградам.

Посмертно.

2000 год

ПОД ЗВУКИ НАЗМЫ

Базар кипел.

Время шло, а водителя все нет и нет. Наш автобус давно уже переполнен уставшими от дневных хлопот людьми.

Хмурые лица. Глаза, когда-то горевшие счастливым блеском, теперь поблекли и затаились пеленой грусти и печали. Руки, некогда радовавшие детей своим ласковым и нежным прикосновением, огрубели от повседневного тяжелого труда. Преждевременные морщины вдоль и поперек безжалостно изрезали лица. Снежный охапок волос, где каждая седина вопиет тем или иным страданием — это лица чеченских женщин-матерей, на хрупкие плечи которых непосильным бременем легли все тяготы этой странной, непонятной войны.

У меня защемило сердце. Не надо тратить много слов, чтобы описать трагедию чеченцев. Достаточно показать миру лицо чеченской женщины, в котором отражается боль и безысходность целого народа.

Голова моя трещала от громкой музыки, которая доносилась из ближайшего киоска на остановке. Здесь продавались разного рода музыкальные кассеты. Я взглянула в сторону, откуда раздавался адский грохот. К киоску заковылял мужчина - убогое существо с видом странника. Нагнувшись к окошку киоска, он что-то сказал. Грохот в тот же миг прекратился.

Через минуту вся улица наполнилась божественным пением старческого хора. По всему телу

разлилась задумчивая мелодия религиозной назмы, затронув все уголки души. Она напоминала нам, что каждый из нас лишь недолговечный гость на этой грешной земле и жизнь дается нам Аллахом как величайший дар в залог любви и праведной жизни.

Терпите, доносилось до наших сердец, сохраните в себе ту кристальную чистоту души, которую Аллах заложил в вас. Вам подарен мир, полный сладостных соблазнов, грез и несбыточных мечтаний. Вам подарен мир, полный бед, горя и печали. Будьте мудрыми и стойкими!

Жизнь - это испытание. Терпите... И Я воздам вам сторицей за все ваши лишения и страдания.

Мы слушали, растроганные нежной мелодией, задумавшись каждый о своем. На нас нахлынули все чувства разом: чувство усталости и обиды за себя, что мы все так незаслуженно несем тяжкую кару за прегрешения других; чувство благодарности к Всевышнему за то, что хоть Он не отвернулся от нас, не оставил. И лишь глубокая вера в Него давала нам новые силы жить, творить и созидать, рождала в нас уверенность в завтрашнем дне.

Очнулась я от легкого толчка в плечо. Сидевшая рядом со мной женщина кивнула в сторону странника, стоявшего, прислонившись к киоску, и доверительно прошептала мне на ухо:

- Смотри, он сейчас поднимется в автобус и начнет просить милостыню. Это он специально поставил кассету с назмой, чтобы размягчить и растопить наши сердца. Он ждет своего часа...

И действительно, внимательно присмотревшись к задумчиво склоненным головам пассажиров и убедившись, что наши сердца достаточно смягчились,

он уверенно поднялся в салон.

Он не протягивал руку для подаяния и не просил жалостным голосом.

Нет.

Он просто вперил в нас взгляд. Поочередно, пристально всматриваясь в глаза каждому пассажиру, бередя и без того израненную душу. Не каждый выдерживал этот взгляд: кто-то отворачивался, а кто-то залезал в свой скудный кошелек.

«А ведь мы когда-то гордились тем, что ни один чеченец не протягивал руку для подаяния в самые лихие години своей истории», - больно кольнуло сердце.

Но ведь он не просил и не протягивал руку. Он просто вопрошал глазами. Этот сморщенный, измученный и обездоленный человек олицетворял ту страну, в которой он жил и еле сводил концы с концами.

Мы тоже вот так же обездолены, обескровлены и вопрошающе оглядываемся вокруг, путаясь в заколдованном лабиринте. Кто нам поможет? Как нам выйти к спасительному свету? Кто-то отворачивается, а кто-то (но их так мало!) пытается нам помочь выбраться из этой темной бездны.

Худенькими, трясущимися руками он собрал подаяния и, тихо поблагодарив, ушел.

А мелодия назмы волной плескалась в наших жилах. Она не отпускала нас даже тогда, когда наш автобус давно уже отъехал.

И пусть эта вдохновляющая мелодия никогда не покидает — этот гимн нашего прошлого, настоящего и будущего.

1995 год

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА ЖИЗНИ

Человек должен жить в гармонии с природой!

Эта простая истина известна каждому человеку, но не всегда удается ее блюсти. Тому виною разные причины и обстоятельства. Природа давно уже перестала понимать свое дитя - человека. Он стал своенравным, непредсказуемым и неблагодарным. Но она все равно кормит, лелеет и терпит его.

Мать родила сына, растила, ночами не спала, всю свою материнскую душу вложила в него, поставила на ноги. И вдруг - война! Кто-то хладнокровно нажал на курок - и нет сына. В один миг зачеркнуты долгие годы жизни матери, которые ушли на воспитание ребенка.

Вот так же поступают и с природой. Кому мешали, спрашивается, целая аллея плакучих ив, которые радовали глаза прохожих и давали им приют в своей тени, спасая в знойный день от жгучих лучей солнца?! Их как будто скосили одним взмахом. Доплакались ивы... И без того опечаленная, я расстроилась еще больше, не увидев привычных глазам романтических деревьев.

Сегодня дорога оказалась такой трудной и такой долгой. Я возвращалась с похорон. Тело ныло, и какая-то внутренняя пустота вызывала меланхолию. Непреодолимо хотелось сразу же оказаться дома, замкнуться в себе и никого не видеть и не слышать. На меня всегда тягостно действуют похороны. И я никогда не понимала тех, кто умудряется одновременно и поплакать, и вдоволь наговориться. Люди должны

приходить сюда, чтобы выразить свою печаль и готовность разделить горе близких усопшего. Режет слух плохо скрываемый смех и энергичная трескотня присутствующих. И горестно сознавать, что их привело сюда не сострадание, а необходимость.

Автобус никуда не спешит. Он ждет, пока люди закончат свои дела и соизволят взобраться в него. Я почувствовала, что на меня кто-то пристально смотрит. Интуитивно повернула голову - прямо напротив нашего автобуса находился киоск, на котором талантливый художник великолепно запечатлел образ волка на фоне кавказского пейзажа. Осторожная поступь, хищный, довольный взгляд после сытной кровавой трапезы - все в нем отталкивало. Странно, что чеченцы выбрали именно этого хищника своим национальным тотемом. Полная противоположность характеров: волк -осторожный, подозрительный, мстительный, кровожадный, выносливый, смелый хищник. Из всех этих достоинств чеченцам присущи только две последние черты характера. Скорее всего, им ближе по натуре огромный, добродушный бурый медведь. Старенькая русская бабушка остановилась передохнуть прямо перед киоском и положила свою тяжелую ношу на землю. Охая и причитая, она выпрямила было спину и тут же отпрянула назад - на старуху в упор смотрели страшные волчьи глаза. Затем, опомнившись, бабка истово перекрестилась и поспешила убраться восвояси от опасного соседства с хищником, пусть и нарисованным.

Я перевела взгляд на тротуар, где пестрая стая голубей ловко клевала семечки, перепрыгивая друг через друга. Среди них выделялся прекрасный голубь с удивительным оперением. Он грациозно расхаживал

вокруг своих братьев.

- Какой красивый голубь, - восторженно произнесла женщина, сидевшая впереди меня с сыном.

Подросток немного понаблюдал за красотой и, тяжело вздохнув, критически высказал свое мнение:

- Красивый-то он красивый, но слишком худой...

Одни перья.

- Я о чем говорю, а ты о чем!

- Неужели ты забыла, мама, как мы выживали, питаясь голубятиной?! Кругом война. Ни выехать, ни въехать. Нет ни денег, ни продуктов... Такое не забывается.

Оба задумчиво притихли. Страница тяжелой жизни еще не перевернута, и неизвестно, что написано на следующей.

1995 год

И СМЕХ И СЛЕЗЫ

Автобус осторожно выехал на дорогу.

Летний зной одурманил пассажиров до изнеможения, и теперь хлынувший из окошек ветерок подействовал на них как живительная струйка воды для путника, умирающего от жажды в пустыне. Но эта благодать длилась недолго.

Ближайший блокпост выстроил длинную очередь, создавая пробку и массу хлопот и водителям, и пассажирам. Дети захныкали. Мама тут же начали всячески успокаивать своих чад: одним затыкали рты разными сладостями, а самым неугомонным надавали звонких оплеух.

- Мама, здесь море? - вдруг слышался в этой суматохе вопрос маленькой белокурой девочки.

- Ну откуда ты взяла, дочка, что здесь море? - не поняла мамаша.

- А чего они в трусах ходят? - указала пальцем на дорогу ничего не понимавшая девочка.

На блокпосту, в одних трусах, от жары, расхаживали «доблестные» солдаты.

- Мама, я хочу пи-пи, - громогласно объявил о своей проблеме бойкий малец.

- Стыдно, сынок, люди смотрят. Ты же большой мальчик, потерпи чуть-чуть.

- Ничего себе, - возмутился мальчуган. - Вон голый дядька делает пи-пи, - глазами указал он на обочину, где в кустах, повернувшись к ним спиной, отрешенно справлял свою малую нужду кривоногий

солдатик. - И никто не видит, - оглядевшись вокруг, добавил он.

Пошел слух, что солдаты обыскивают каждого, кто имел несчастье родиться мужчиной. Люди стали нервничать. Судя по всему, они надолго застряли здесь.

Пожилая полная женщина решительно выкатила из-под сиденья автобуса огромный арбуз и обратилась к мужчинам с просьбой:

- Кто-нибудь дайте нож. Угощу детей. Пусть успокоятся.

Мужчины переглянулись. Ни у кого из них не нашлось чего-то, даже приблизительно похожее на ножик. Сидевший напротив красивый молодой человек горько усмехнулся:

- Бабушка, проси у нас паспорт, а нож в наших руках - опасное оружие...

Кое-как разрезали спасительный плод. Его хватило и детям, и взрослым. Но сладкая фиеста была прервана нарастающим шумом и гамом впереди. Вскоре автобус со всех сторон облепила толпа солдат: в платках, небритые, в майках и без них, в сапогах и босиком, томно жующие жвачки и смачно плюющиеся - они скорее напоминали экзотических пиратов, чем армию цивилизованной страны.

Дети и женщины притихли. Они молча наблюдали, как бесцеремонно обыскивают мужчин.

- Где твой паспорт? - рявкнул длинноногий верзила на того красивого молодого человека - соседа щедрой бабушки.

Бедняга в спешке забыл дома злополучный паспорт и теперь растерянно обшаривал свои карманы. Не помогали никакие оправдания.

- Оставь его, Серега, - сжалившись над его положением, заступился за него один из молодых солдат.
- Забыл он его дома. С кем не бывает?!

- А ты помалкивай, - взревел на него тот. - Зеленый еще... Знаю я их. Просто так у них ничего не делается. Ноги врозь... Руки за голову...

Но тут их прервал душераздирающий вопль:

- Отпустите его...

От неожиданности солдаты на секунду опешили. Старуха, с несвойственной ей прытью растолкала солдат и мигом очутилась рядом с молодым человеком. Она крепко схватила его за руку и приняла воинственную позу.

Солдаты удивленно уставились на нее:

- Э-э-э, бабушка, постойте. Вы что, знаете его?

-Знаю.

- Кем он вам приходится? Сын?

Внук?

Родственник?

- Он мой муж, - выпалила она.

Солдаты дружно захохотали.

- Ну вы даете, бабуля! Где это видано, чтобы молодые ребята женились на старух...

Теперь смеялись все вокруг. Бабка не растерялась. Подбоченившись, она лукаво отпарировала:

- А что? Алле Пугачевой можно за Филиппа, а мне что, нельзя за молодого...

Воистину, юмор объединяет всех и разряжает самую накаленную атмосферу. Задержанный молодой человек, крепко обхваченный неизвестной - вновь испеченной - женой, не знал, как себя вести. То ли смеяться, то ли гневаться.

Солдат, задержавший его, весело подмигнул ему:
- Ну, молодожены, бог с вами. Езжайте... - и,
вновь закатываясь смехом, сквозь слезы добавил. -
Совет вам да любовь!

Автобус приглушенно кашлянул и вразвалку
опять тронулся в путь.

1995 год

ФОТОАЛЬБОМ

Автобус важно и грузно тронулся с места.

Битком набитый людьми, он напоминал самодовольный переспелый огурец на огороде. Непонятный запах, исходящий от переполненных грузом мешков, запах пота и пыли - все это не располагало к лучшему настроению. Что-то непривычное и неестественное чувствовалось в салоне автобуса.

Но что?

И вдруг меня осенило... Никто не спал. Даже дети. Обычно пассажиры, убаюканные монотонностью автобусной поездки, мирно засыпали, смешно клевая носами. Но это уже в прошлом. В обычное, мирное время. А сегодня они начеку и готовы ко всяким курьезам и каверзам пути.

..Раздалась длинная автоматная очередь.

Автобус несколько раз испуганно чертыхнулся и резко осел. Никто даже и не качнулся при таком резком торможении. Как будто все прошли авиационную школу.

Двери автобуса со стоном приоткрылись. Перед вопрошающим взором пассажиров предстал до неприличности вздернутый кверху нос, весь обсыпанный мелкими веснушками. Вдобавок к этой прелести на них уставились смешно оттопыренные розовые уши, невольно вызывая улыбку у каждого пассажира. «Жертва природы» властно обвел круглыми навывкате глазами кучку людей, замерших в молчаливом ожидании привычного вопроса.

- Мужчины есть? - не замедлил тот.
- Есть... - уверенно раздался хриплый голос в салоне.
- Да какой же из вас мужчина? - разочарованно ухмыльнулся конопатый солдат. - Вы - дедушка...
- Не будь он мужчиной, разве я вышла бы за него замуж? - вызывающе ответила молодуха, сидевшая рядом с ним.
- Вот мой паспорт, проверь, - не унимался проворный дед.
- Ладно, - пробежал солдат глазами паспорт. - А где третье фото?
- Там есть уже два фото...
- Ну так нужно третье. После 45-ти. Так положено.
- Слушайте, - вышел из себя дед, - что вы все пристаёте ко мне с этой третьей фотографией? Паспорт, что вам, фотоальбом что ли?
Солдат безнадежно махнул рукой и спрыгнул с автобуса.
Автобус недовольно фыркнул и вразвалку тронулся в путь. Никто и не думал дремать...

1995 год

НА БОЛЬШОЙ ДОРОГЕ

День выдался прекрасный. Просто смотри и наслаждайся...

Пассажиры заняли свои места и, в предвкушении радостных встреч с родными и близкими, блаженно откинулись на спинки сидений.

Люди на какое-то мгновение забылись, расслабились, замороженные красотой родной природы: зовущая и окрыляющая синева неба, теплое и умиротворяющее объятие солнечных лучей, веселое щебетание беззаботных воробушек, снежные, режущие глаза, ослепительные горы вдали - все это вызывало душевный трепет.

Из блаженного состояния нас вывел и вернул в мрачную реальность гулкий шум тяжелых гусениц, от которых содрогалась много повидавшая чеченская земля. Проезжала колонна тяжелой боевой техники. Глядя на них, каждый думал о своем. И в каждой мысли сквозила боль и утрата. Колонна проезжала долго и, казалось, нет ей ни конца, ни края. Просто удивительно, как умещаются эта армада солдат и бесчисленное количество бронетехники на таком крошечном клочке земли. Уму непостижимо.

Солдаты подозрительно косились на нас и держали наготове свое оружие. Дула пушек, автоматов, гранатометов и других невиданных нами доселе страшных орудий направлены на нас. Наверное, в каждом из нас им чудился враг. Слабонервные задержались. Дети испуганно прильнули к матерям.

Мы чувствовали себя как приговоренные к расстрелу в ожидании страшного приказа «Пли!»

...Колонна наконец-то проехала. И, слава богу, без всяких сюрпризов. Люди, которые все это время сидели затаив дыхание, теперь с облегчением вздохнули.

Автобус выехал с обочины на дорогу и понуро поплелся дальше.

Но недолго. Опять остановка.

На этот раз под властный окрик патрульных у блокпоста. Водитель, скрывая досаду и злость, энергично подошел к ним. После долгих объяснений и жестикуляций, он всучил им деньги и спешно побежал обратно к автобусу. Но не тут-то было. Трое вновь подошедших «блюстителей правопорядка» изъявили жгучее желание пройтись проверкой по автобусу. Водитель пожал плечами и открыл им двери.

Напустив на себя бесстрастный вид мирового судьи, один из них явился пред пассажирами, как святой угодник народу. Он прошелся плутоватым взглядом по пожиткам пассажиров. Последние съежились от недоброго предчувствия и лихорадочно вцепились в свою собственность.

Для них настал «последний день Помпеи».

Солдат крякнул от удовольствия и важно приступил к осмотру багажа. Он ловко обшаривал пакеты и сумки оцепеневших от негодования пассажиров. Двое остальных встали на обочину дороги и в жадном ожидании стали наблюдать за этим разбоем.

По ходу проверки лицо «ревизора» трижды менялось. Сначала оно выражало радужную надежду, затем отчаянье и, наконец, горькое разочарование. Сегодня шансов хоть как-то нажиться почти не осталось. Его блуждающий взгляд упал на туго набитую сумку с

застегнутой молнией, о которой бережно заботилась ее хозяйка.

Женщина, вы позволите вашу сумочку? Не позволю, - насупив густые брови, категорично отмстила та.

- Что у вас там? - насторожился солдат.

- Все, что в ней — мое!

- Открывайте сумку, - уже настойчиво потребовал он. - Что у вас там?

Боевик, - язвительно отрезала женщина. Солдат, потеряв терпение, расстегнул молнию и тут же отпрянул назад. Из сумки вылетел взъерошенный петух и больно, до крови, клюнул его в руку. Он так и охнул. Женщина ловко схватила обезумевшую птицу и водворила ее обратно в сумку.

- Я же предупреждала тебя, что там боевик. Боевой петух... - удовлетворенно хмыкнула хозяйка петуха.

Солдат не нашелся что ответить и, выругавшись трехэтажным матом, собрался было отойти, но его вдруг оттянул назад внезапно отяжелевший автомат за спиной. Вконец сбитый с толку, он оторопело оглянулся назад и замер: пока он, наклонившись к столь обманувшей его надежды сумке, отвлекся проверкой, за его автомат крепко вцепился малыш, сидевший на коленях своей матери. Солдат осторожно потянул к себе автомат, но малец ни за что не хотел отпускать понравившуюся игрушку и истошно завопил. Растерявшаяся мать ребенка попыталась уговорить его, но безуспешно. Солдат взял ручку малыша, чтобы оторвать его от этой опасной игрушки, и тут же взвыл от боли и досады - упрямый малыш своими острыми, маленькими зубками мнил в его мясистую, волосатую руку.

Обеспокоенные переполохом в автобусе, двое его сослуживцев подали голоса.

- Что у тебя там? Что случилось?

Весь растрепанный и раскрасневшийся, их незадачливый товарищ выскочил из автобуса. Ему сегодня явно не везло.

- Чертовщина какая-то, - недоуменно бормотал он. - Что петух - клюется, что малыш - кусается. Ну и денек сегодня выдался... Представляете, этот малыш, карапуз двух годов, не успел еще из пеленок вылезти, уже тянется к оружию. Не зря о них идет молва, что в колыбели им вместо сосок дают патроны. Вот чечены...

Автобус нервно задергался и рванул с места, унося с собой отчаянный вопль ребенка.

1995 год

СУДЬБА

Если внимательно понаблюдать за пассажирами, легко можно угадать, куда и с чем они едут, что принес им сегодняшний день - удачу или неудачу. Это можно прочесть по их лицам, выражению глаз, по их разговору.

Наконец-то, автобус тронулся. Но тут же послышался пронзительный свист, и он послушно остановился. Все с нескрываемым любопытством прильнули к окошкам. Это оказалось запоздавшая пассажирка. Запыхавшись от быстрого бега, она буквально ввалилась в автобус со словами благодарности. Отдышавшись, женщина окинула сидевших взглядом, выискивая среди нас знакомые лица. И по ее удовлетворенному лицу, расплывшему в широкой улыбке, мы догадались, что она нашла того или ту, кого искала и не надеялась встретить. Расталкивая и топча всех, она не без труда добралась до своей знакомой - смуглой женщине с им тарашенными глазами, в которых навечно застрял вопрос «почему?».

Они тут же затараторили, захлебываясь от сильного волнения, перебивая и не слушая друг друга. Ровно за полчаса мы узнали об этих двух женщинах все, что они сами знали о себе: как они жили, с кем разводились, сколько у них отпрысков, кого они боготворили, кого ненавидели.

Семейный вопрос был исчерпан. Теперь они переключились на политику: выразили сожаление о прошедших годах, озабоченность сегодняшним

положением дел и обнаружили глубокую осведомленность в области тактики и стратегии ведения нынешней войны. Обсудили виновников этих безобразий, по полочкам разложили все их цели, то, что они натворили, что не успели натворить и в будущем натворят. И, предрекли конец света.

Первым не выдержал пожилой мужчина. Он обернулся к словоохотливым женщинам-политикам и, силясь скрыть свое возмущение, произнес:

- Слушайте, женщины, при всем моем к вам уважении, позвольте мне высказаться. Во-первых, все, что вы сейчас наговорили - это чистейший абсурд. Правду о сегодняшней трагедии мы и наши дети узнаем лет через десять, а то и двадцать, если, конечно же, выживем в этой мясорубке. Во-вторых, не женское это дело лезть в политику и, тем более, публично заявлять о каких-либо своих политических позициях. Занимайте свои позиции на кухне, в домашних делах. Это вы и вам подобные темные головы довели народ до такого плачевного состояния. Сутками митинговали, вместо того, чтобы нянчить и воспитывать своих детей...

Ему не дали закончить. Женщина театрально выпятила массивную грудь и, тыча в себя пальцем, с пафосом процедила сквозь зубы:

- Да, мы выступали на митингах и не жалеем об этом! За нашу свободу, за достоинство чеченского народа! И нашей главной целью было возродить нацию, вернуть ему его истинное лицо!

- А теперь народ совсем потерял его и до сих пор не может найти... - желчно прервал ее смешливый худощавый мужчина с задних рядов и, дразня ее, во весь голос загремел: - Эй, лицо, где ты?

Неизвестно, чем закончилась бы эта перебранка,

если бы их не прервала беспорядочная автоматная очередь, которая охладила пыл спорщиков. Женщины-ораторы осеклись на полуслове и испугано затихли.

Представление началось...

Мужчины один за другим вышли из автобуса и достали порядком потрепавшиеся паспорта. Интересно, вдруг мелькнуло у меня в голове, что бы теперь сказал Маяковский по поводу сегодняшнего плачевного состояния «серпастого, молоткастого советского паспорта»?.. Теперь он «задерганный, заплеванный советский отголосок». «Смотрите, - сказал бы он, - я - пародия на гражданина Советского Союза».

Проверяли снова и снова, но придаться было не к чему. Ну хоть бы кто из них беспокойно заерзал. Нет, все стоят уверенно и смотрят им прямо в глаза. Ну как отпускать их просто так?..

- Ты, - ткнул пальцем в грудь одного молодого парня солдат. - Поедешь с нами!

- А за что такая честь? - не понял тот.

- Приедешь, узнаешь!

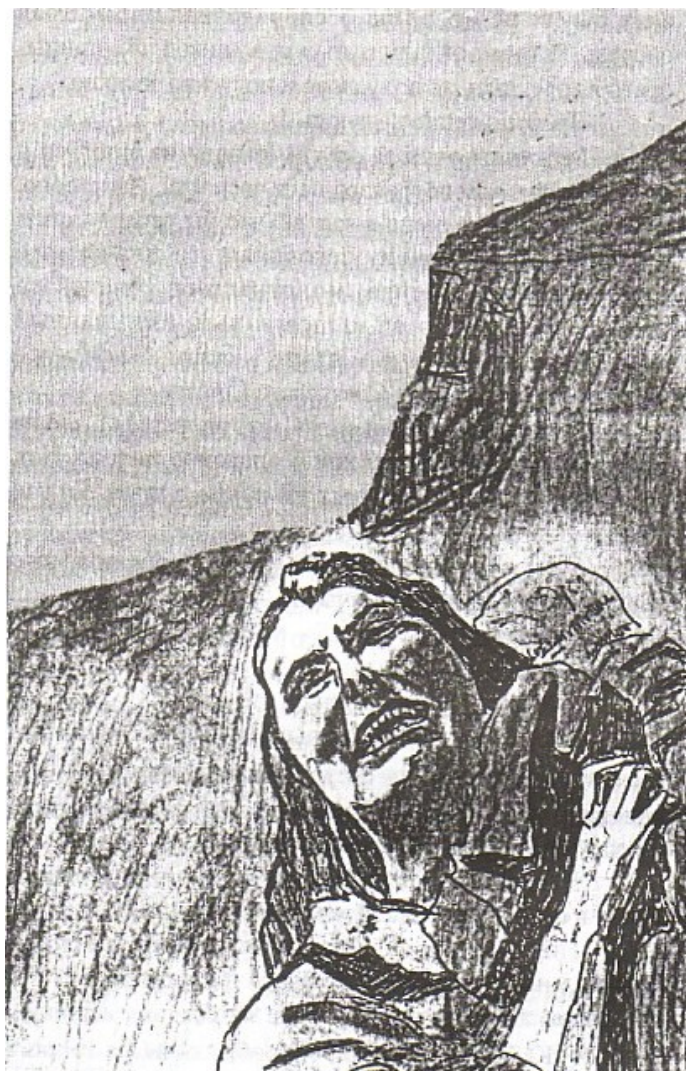
- А мне интересно узнать это сейчас.

- Ишь, какой любопытный! Ну, скажем, красивый ты... «Нельзя быть на свете красивым таким...» - с издевкой загорланил он популярную песню группы «Белый орел».

Второй солдат прикладом автомата подтолкнул парня в сторону стоявшей наготове машины.

Никто не шелохнулся, не заступился за него ни словом, ни действием. Как будто надеялись, что это неудачная, злая шутка. Парня уже затолкали в машину.

- Как же так, люди?! - робко донесся голос с заднего сиденья. - И мы его так и отдадим? Он же ведь чей-то сын, брат!

- А чем же мы ему поможем? - беспомощно развели руками женщины. - Они же ведь стрелять будут, для них же ничего святого нет.

Наступила гробовая тишина. Хозяйкой робкого голоса оказалась совсем молоденькая девушка. Недолго думая, она вскочила с места, вырвала из рук зазевавшейся мамы маленького ребенка и стремглав выпорхнула из автобуса. От неожиданности все так и ахнули: никто не ожидал от этой хрупкой девушки такого порыва. Она с плачем отчаянно рванулась вперед и встала перед машиной. Девушка больно ущипнула ничего не понимающего ребенка, чтобы он заплакал. Малыш сначала обиженно выпятил губы, а затем истошно заревел: выходило так, будто ребенок плакал по отцу.

- Отпустите моего мужа! - сквозь слезы прокричала девушка. - За что вы лишаете ребенка отца?

Солдаты переглянулись. Они почувствовали тут какой-то подвох. Парня вытащили из машины и поставили рядом. Самый находчивый из солдат встал между молодыми людьми и хитро прищурился:

- Хорошо, если он вам муж, как вы утверждаете, поцелуйте его.

Девушка вспыхнула - дело принимало неожиданный оборот.

- У нас не принято при людях миловаться и целоваться, - пришел ей на выручку молодой человек. - И вы это прекрасно знаете. Забирайте меня и делайте со мной что хотите, но не требуйте невозможного.

Солдаты удовлетворенно хмыкнули и затолкали парня обратно в машину.

- Нас не проведешь, мадам, - бросил солдат.

- Стойте, - решительно шагнула вперед девушка.

- Я не могу лишиться мужа и отца моего ребенка из-за

каких-то глупых предрассудков. Я его поцелую...

- Извольте, - довольно расшаркался солдат.

...Парень неподвижно стоял перед зардевшейся от робости девушкой и глазами умолял ее остановиться и сохранить свое достоинство. Солдаты с интересом ждали развязки этого необычного зрелища. Пассажиры, глазевшие с автобуса, поняв щекотливость ситуации, отвернулись и, как ни в чем не бывало, стали смотреть в другую сторону.

Девушка передала оторопевшему парню ребенка и обоих поцеловала. Сначала ребенка, затем его.

- Ты смелая женщина, - отдали должное ее самоотверженности солдаты. - Ты выиграла - он твой муж и отец твоего ребенка.

Пропустив вперед молодого человека, только что вырванного из рук солдат, она зашагала за ним следом.

Они поднялись на автобус. Лишь тогда девушка закрыла лицо руками и тихо заплакала. Она плакала от только что пережитого стыда за свой первый поцелуй, которым она поневоле одарила первого встречного мужчину. Слезы обильно струились по горевшим румянцем щекам. Она уткнулась лицом в плечо сидевшей рядом женщины и за всю долгую дорогу не посмела поднять глаза. Никто не произнес ни слова.

Парень тоже затих, низко склонив голову. И никто сегодня не мог знать, что завтра же освобожденный юноша найдет свою спасительницу и зашлет к ней сватов. И что два этих благородных сердца будут биться в унисон всю их оставшуюся жизнь.

Этого еще никто не знал... А пока автобус набирал скорость, шумом мотора нарушая мертвую тишину салона.

1995 год

ПРОЕЗДОМ

Центр села играет очень важную роль в жизни каждого сельчанина. Здесь человек может поделиться горем и радостью, развеять тоску и насладиться общением с односельчанами, узнать сельские новости.

Раньше с общественным транспортом было очень трудно. Автобус рано утром выезжал и возвращался лишь к вечеру.

А теперь - благодать!

Дагестан одним махом перекрыл все дороги и, в целях самосохранения, отгородился от нас как от проклятых, и нам достался удел загнанной в угол серой мышки - сидеть и глазеть на мышеловку. Теперь автобусам нет счета. Все они часто проходят через это село туда и обратно целый день.

Но сегодня они как будто сговорились. Люди все глаза проглядели в тягостном ожидании запоздавшего автобуса. Мороз пробирал до костей: снег и слякоть выматывали последние силы. Стиснутые челюсти уже не в силах были приостановить бешеную чечетку непослушных зубов. Таксисты терпеливо выжидали -рано или поздно последует капитуляция озябших клиентов. Для них это своего рода взятие бастиона -берут измором.

Наконец-то пассажиры сдались на их милость. Опережая друг друга, окоченевшие от холода, они занимали места и, пытаясь унять внутреннюю дрожь, интересовались насчет цены за проезд. Таксист небрежно ответил, отчего у них на мгновение

перехватило дыхание, а затем все тело свело судорогой. Пассажир, судя по всему, приезжий, устроившийся рядом с водителем, дико воззрился на него:

- Ты не понял. Мы спрашиваем не о цене твоей колымаги, а за проезд до Герзеля...

- Ты чего обзываешься? - обиделся владелец «колымаги». - Если тебя моя машина не устраивает, поищи себе другую.

- Ладно, ладно, грешен, - воздел руки к небу недовольный пассажир. - Беру свои слова обратно. Пусть твоя машина - Кадиллак, но от этого цена не убавляется и нам не легче. Мы не расслышали. Пятьдесят рублей?

- Угу, - утвердительно буркнул тот в ответ.

Последовала пауза. Все молчали. Никому не хотелось вылезать на этот проклятый холод. При одной мысли об этом челюсти тут же заходили ходуном. Опять дружно застучали зубы.

Пассажир хлопнул себя по лбу:

- За такие деньги и в космос немудрено слетать!

Он с досадой хлопнул дверцей и выскочил на дорогу. Он злился на этот день, погоду и на самого себя. И дернуло же его сесть в эту машину! И вообще, забраться в эти горы. Он ездил к давнишнему другу и теперь возвращался обратно домой. Пересадками. Он даже не помнил, как называется это село, в котором торчал вот уже два часа.

Кто-то тронул его за плечо. Он обернулся и встретился с ясным взглядом человека уже преклонного возраста. Тот скороговоркой что-то объяснял ему, и довольно долго, пока его собеседник наконец-то не врубился — это местный бедняга, которого щедрая природа, на этот раз поскупившись, обошла умом.

Проезжий достал несколько монет и сочувственно вручил их ему в руки.

Думал, на этом пожертвовании дело закончилось. Невдомек ему было, что здесь, на площади, местные юродивые высматривают проезжих и выпрашивают у них милостыню. Дальше события развернулись быстро и неожиданно.

Кто-то сильно хлопнул его по спине, отчего он, чуть не поперхнувшись собственной слюной, отлетел в сторону. Он повернулся туда, откуда его так внезапно атаковали, и тут же сморщился от негодования. Пред ним стояло дитя природы, которое своей блаженной улыбкой позволило ему сосчитать все свои тридцать два родных зуба. Он, как испанский кабальеро кастаньетами, звонко щелкал пальцами, двигал руками и ногами - словом, все в нем, кроме речевого аппарата, принимало участие в разговоре, в котором он пытался донести до сознания слушателя свою острую нужду в финансах. Особой смекалки тут не требовалось - немой и вдобавок глухой. Он все вертелся вокруг, удивляя его своей неуемной энергией. Проезжий под конец выдавил из себя вымученную улыбку и протянул горемыке горстку монет. Тот машинально сгреб их огромной лапой и, победоносно кивнув, отбежал в сторону.

Не успел еще проезжий прийти в себя от только что пережитых острых ощущений, как на фоне сельской площади возник новый персонаж - весь заросший бородой здоровяк в развевающихся лохмотьях, отдаленно напоминавший Робинзона Крузо Даниэля Дефо. Он ловко орудовал в руках острым ножом, черные, как угольки, глаза горели нездоровым ярким огнем, в которых царил полный хаос мыслей.

«Чокнутый, - вихрем пронеслось в голове проезжего. - Вот напасть-то!»

Думать долго было некогда, сумасшедший неумолимо приближался именно к нему. Ноги сами понесли его обратно к машине. Куда он и юркнул не мешкая.

- Слушайте, - осведомился он, когда немного пришел в себя. - В этом селе что, все психи?

- Нет, не все... - расплылся в улыбке таксист. - Я - нормальный.

- Тоже мне нормальный! Больно деньги любишь...

В это время к окошку прислонился бородач со звериным оскалом. Пассажир от неожиданности отпрянул и, решительно направив перст в даль дороги, скомандовал:

-Полетели!

Успокоился он лишь тогда, когда, добравшись до Герзеля, пересел на автобус. Он умиленно посмотрел на водителя и раскрыл было рот, который так и остался открытым - его оглушил ужасный шум мотора приземлившегося вертолета, известного под названием «Акула». Из него высыпали «космонавты» и начали исследование доколе неизвестной планеты «Чечня». К вертолету подъехала военная машина, доверху загруженная «секретным материалом». В один миг все его содержимое было перетащено на вертолет.

- Наверное, где-то зачистка была, - задумчиво высказал кто-то свое предположение.

- ...И обчистка тоже, - ехидно dokonчил его мысль другой.

Вертолет грузно взлетел и, неуклюже виляя зеленым хвостом, растворился в синеве неба.

Автобус дернулся с места. За стеклом замелькали
фигурки прохожих, унылые от холода деревья и
бесстрастные лица военных на блокпостах.

И... дорога.

1995 год

ДЕВЯТЫЙ ВАЛ

Кто не знает прекрасную картину Айвазовского «Девятый вал»?

Она притягивает к себе взор каждого, кто смотрит на нее. Ты уже слышишь шум прибоя, чувствуешь запах морской пены, волны на миг взмывают ввысь и, охнув, умирают у твоих ног!.. Вал за валом, подгоняемые друг другом, спасаясь в панике от преследования разгневанного девятого вала...

Эта картина очень образно отражает положение в республике. Как крохотный, беспомощный кораблик, мы брошены на произвол судьбы в пучину океана невзгод, течение сносит наше судно все дальше и дальше, отдаляясь от спасительного берега. Потеряв всякое управление, мы летим прямо на рифы и в страхе ждем крушения.

Чечню предали, сгубили и превратили в новый бермудский треугольник на суше.

...Автобус лихо затормозил на обочине дороги. Водитель терпеливо выжидал, пока пассажиры устроятся. Его ясные, спокойные глаза не выражали ни тревогу, ни озабоченность. Он давно уже привык к блокпостам, вечным одергиваниям, а потому всегда готов ко всяким неожиданностям.

Но ничто сегодня не предвещало беды.

Обычный день под дулом автомата.

Погода стояла прекрасная. Тихий ветерок нерешительно заигрывал с людьми, поминутно лаская и теребя их кудри.

Яха заботливо поправила костюмчик сына и ласково поцеловала в лобик. Малыш недовольно засопел, выражая тем самым свое возмущение — он вовсе не маленький и не терпит этих нежностей на людях.

- Иди к маме, сынок, - мать попыталась усадить ребенка на свои колени.

- Ты мне не мама, - вдруг объявил он.

Женщина растерялась.

- Не говори глупостей! - покраснела она.

Сидевшая рядом женщина все слышала и теперь подозрительно косилась на нее.

- Это не ваш ребенок? - не выдержала она неведения.

Яха еле успокоила непоседливого мальчика и устало взглянула на соседку, которая сгорала от нетерпения услышать ответ на свой вопрос.

- Конечно мой, только сейчас он этого не понимает.

- Наверное, вы с мужем в разводе и редко видите с малышом? - высказала свою догадку чересчур любопытная женщина.

- Да нет, с мужем мы живем вместе.

- Ага, значит усыновили?

Яха не торопилась с ответом.

- Это долгая история, - вздохнула она. - У моего старшего деверя не было детей. Потеряв всякую надежду их заиметь, решились на усыновление. Но решили, что лучше договориться с близкими, чем взять на воспитание чужого ребенка. У меня было двое детей - дочь и сын, и я ждала третьего, - она кивнула на малыша, - вот этого. Решили, кто бы ни родится, сразу же отдать им. Я и не особо воспротивилась. Думала, не чужим, своим же отдаю. Может и лучше, будет у ребенка две

матери. Не каждому такое выпадает... Думала... - с горькой усмешкой протянула она. - Он родился, и я не то что поднести к груди и покормить, даже хорошенько взглянуть на него не успела. Тогда я поняла, какую непростительную ошибку допустила, за что вскоре и поплатилась. Ведь Аллах все видит. Одним словом, после начала второй войны наша семья попала под бомбежку, я разом лишилась своих детей и сама перенесла тяжелую операцию. Врачи сказали, что я больше не смогу иметь детей. А жена старшего деверя, слава Богу, родила собственного ребенка. Я потребовала обратно свое дитя. Сначала она не хотела, но под конец сжалилась надо мной. Вот мы и едем домой.

Соседка удовлетворила свое любопытство и теперь попыталась ободрить женщину.

- Ничего, он еще маленький, привыкнет и признает свою маму... Правда, малыш?! - приласкала она ребенка, который ерзал на месте.

...Их как будто накрыло девятым валом.

Никто не понял, что произошло. Стоны, крики, вопли, визги, грохот, запах крови, хруст сломанных костей - все смешалось.

Огромный военный «Урал» на большой скорости врезался в их автобус. От сильного удара некоторые пассажиры вылетели через окошко, будто их вытолкнул сам автобус. Яха не сразу пришла в себя, она ударилась головой и на мгновение потеряла сознание: земля пошла кругом, взгляд затуманился, разум обмяк... А когда осознала случившееся, начала дико озираться, ища сына. Его нигде не было. Еле выбравшись из разбитого автобуса, она огляделась. Он лежал весь в крови. Его также выбросило от толчка.

- Мама! - кричал он от боли и страха.
- Яха бросилась к нему.
- Я здесь, родненький.
- Но ребенок не видел ее и будто глядел сквозь нее.
- Хочу к маме... Мама!

Мальчик потерял много крови, и срочно требовалась помощь. Но чем ему помочь? Неподалеку стояли легковые автомобили и, крепко прижимая ревущего малыша, она поспешили к ближайшему из них.

- Пожалуйста, - взмолилась она, обратившись к водителю, - подвезите нас скорее к больнице! Мальчик умирает! - и, не дожидаясь ответа, отчаявшаяся женщина ухватила за ручку дверцы, уверенная в отзывчивости мужчины за рулем. Но ей пришлось убедиться в обратном. Водитель спешно закрыл дверцу машины.

- Э-э-э, куда, женщина? Ты мне весь салон испачкаешь кровью...

- Что?.. — не поняла она.

- То, что слышала! - дерзко ответил тот.

Яха стояла потрясенная. Что значат природные катаклизмы или дорожные катастрофы по сравнению с человеческим цинизмом и равнодушием?! Это мерзкое существо думает о чистоте салона своей машины, когда ее сын умирает на глазах! Ее охватила бессильная злоба.

- Как он, жив? - подскочила к ней недавняя знакомая попутчица.

Яха невидящими глазами посмотрела на нее.

- А ну-ка, поддержи его минуту! - сказала она вдруг ожесточившимся голосом.

Наклонившись к земле, Яха подобрала кусок железной трубы и, не раздумывая, размахнулась что есть

силы. Послышался звон разбитого стекла. Еще удар, еще, еще...

Водитель остолбенел.

- Ты сошла с ума! - выдохнул он и с проклятиями забегал вокруг своей машины.

Яха отбросила трубу в сторону.

- Купишь себе новую...

На месте столкновения стоял невообразимый шум. Крики и плач заглушали стоны раненых. Военные оправдывались, размахивая руками и указывая на дорогу.

- У нас отказали тормоза, - объясняли они. - Мы предупреждали вас выстрелами.

- Они предупреждали выстрелами! - с издевкой повторил их слова какой-то старик. - Эж, удивил! Вы же стреляете по всякому поводу: по пьянке, по настроению, для поддержания упавшего мужества, для понта... Тьфу, - сплюнул он на дорогу. - Если бы вы ехали медленно и не стреляли, вот тогда бы мы насторожились.

- Мы даже сигнальные ракетницы пустили...

- Ну конечно, - не давал ему объясниться тот же старикан, - тем самым людей отвлекли: залюбовались зрелищем и рты разинули.

Разъяренные случившимся, люди решительно двинулись на виновников этой трагедии. Те поспешно отступили к своему «Уралу».

- Куда? - подскочила к ним сзади женщина из толпы. - А кто ответит за раненых, за невинно загубленные души? Нет, вы так просто не отделаетесь! А ну, женщины, запишите номера машин, а вы, ребята, пьяные головушки, предъявите документы. Уж очень хочется с вами познакомиться.

Но не тут-то было. Развернув громадную машину, они пустились в дальнейший путь под развевающимся триколором, оставив на обочине дороги искалеченных людей.

1995 год

МАЛЕНЬКАЯ ЧЕЧНЯ ПОД ЧУЖИМ НЕБОМ

В народе бытует такой анекдот. По кладбищу расхаживали люди и вдруг наткнулись на надгробную надпись: «Родился в 1920 г., умер в 1980, из них прожил 5 лет». На недоуменный вопрос одного из посетителей ответили: «Годы жизни, наполненные проблемами семьи и работы, не считаются, а пять лет - это те годы, которые он прожил для себя, в свое удовольствие!» - «Тогда о моей жизни можно смело написать, что я родился мертвым!» - воскликнул тот.

...На долю работников образования нашей республики выпало огромное счастье начать точку отсчета этих счастливо прожитых дней: за долгие годы мучительной жизни им были выделены путевки для отдыха за пределами республики.

Радостные, еще не вполне осознавая реальность так неожиданно свалившейся на нас удачи, мы устроились в шикарные автобусы и «вынырнули» из серой монотонности и бесконечных блокпостов. При выезде дорога была ужасная, нас как будто готовили к полету в космос: ехали вразвалку, а частые подбрасывания вверх от резких толчков выматывали последние силы.

Вдруг наш автобус как будто поплыл лебедем. Мы, отвыкшие от такой плавной езды, разинули рты - дорога была гладкая, будто отутюженная заботливой хозяйкой. На протяжении всего пути по обочинам дороги росли деревья, сильные и здоровые - символ благосостояния этой земли. С болью вспомнились наши дороги - изодранные в клочья, изрешеченные,

безжалостно растоптанные тяжелой бронетехникой. Едешь по ней и такое ощущение, словно скачешь по ней галопом на неуклюжем коне. Больные, пожелтевшие, полумертвые деревья с протянутыми к небу опаленными сучьями в последней мольбе к человечеству о милосердии и пощаде. На очередном повороте мелькнула табличка с надписью «Дорога ремонтируется, Просим извинить за временное неудобство». Мы заблаговременно приготовились к толчкам, но напрасно — нас всего лишь чуть-чуть качнуло и все.

М-да, а на наших дорогах, с их-то состоянием, пришлось бы вывешивать таблички: «Осторожно на поворотах - убьет», «Глубоко вдохните и берегите легкие» или «Дорога-морока».

Мимо быстро замелькали чистенькие, ухоженные села, поселки и города. Везде царит спокойствие и порядок. Единственно, что омрачало наше впечатление, это унижительная для нашего достоинства тщательная проверка паспортов на постах. Проверяли долго и дотошно, как будто в их обитель заехали неизвестные инопланетные существа. Мы чувствовали на себе косые взгляды и прекрасно понимали неприязнь местных блюстителей правопорядка. И ни в чем их не винили: средства массовой информации преподнесли нас всему миру в качестве бандитов, убийц и сумасбродных граждан «прокаженной» республики. Мы были нежеланными гостями в их прекрасном, безмятежном крае. Но надо быть оптимистами, любые «пятна» выводимы. Пусть это будет долгим, изнурительным процессом, но, как говорится, «ничто не вечно под луной».

- Подъезжаем, - объявил наш водитель. Все облегченно вздохнули и с жадным любопытством прильнули к окошкам. Турбазы длинной вереницей протянулись по бескрайнему побережью Черного моря. Прекрасные здания, готовые принять отдыхающих и исполнить их любые прихоти и желания. В эти базы приезжали из разных точек обширной российской страны.

Наконец, прибыли на место. Наш автобус остановился, но мы не спешили выходить и растерянно озирались по сторонам - существовала слишком большая разница между нашей, чеченской, и соседними базами.

Наша «маленькая Чечня под чужим небом»! И здесь она незащищена и брошена на произвол судьбы!

Но первое тяжелое впечатление тут же исчезло от теплого кавказского гостеприимства хозяина базы, нашего земляка Мусаева Увайса Омаровича, родом из поселка Алды. Впоследствии, когда мы вечерами собирались у него, он делился с нами своими воспоминаниями. Рассказывал, в каком запущенном состоянии он нашел эту базу, заложенную еще в 1966 году ГНИ. Последние трагические военные годы в республике отразились и на отдаленном уголке чеченской земли: резкое падение экономики поставило его существование под вопрос. Рассказывал, как он долго и настойчиво отстаивал этот клочок земли от яростных нападков местных коммерсантов, желающих заполучить этот райский уголок, золотую жилу у побережья.

Слушая его, мы вместе с ним переживали и лелеяли мечту, что к следующему приезду мы увидим нашу базу благоустроенной и процветающей. Ведь здесь,

в далеком крае, она представляет лицо Чеченской Республики.

А как нам хотелось войти сюда с гордо поднятой головой, с чувством превосходства, что мы богаче и лучше всех! Особенно - лучше всех.

Порою мы забываем, какая огромная ответственность лежит на нас, когда мы находимся далеко от родной земли. Мы уверены в том, что нас никто не увидит, не заметит наши безнравственные поступки, и никто не догадается, откуда и кто мы. И горько ошибаемся. Мы как на ладони. К тому же, о нас идет такая молва! И поэтому каждый из нас на чужой стороне должен быть во сто раз лучше, культурней и быть высоким идеалом и образцом нравственности и порядочности.

А быть и оставаться настоящим чеченцем, сыном или дочерью своего народа, ой как трудно!

Вокруг столько соблазнов и искушений! В свое время один мыслитель сказал: «Для того чтобы испытать веру и личность человека, его надо отправить в чужую страну, где он столкнется совсем с другим миром».

2002 год

ВЕЖЛИВЫЕ ЗАЧИСТКИ

Алади возвращался домой от друга, у которого гостил почти три дня. Ездил к нему, чтобы поплакаться на свою несчастную судьбу. Сын недавно женился, уже справили свадьбу. Только происходили все эти важные события без его участия: сварливый старик ни с кем не ладил и давно жил врозь со своей семьей. Он предпочел жизнь отшельника, уединился и не горел желанием воссоединиться с ними.

Перебирая в мыслях события последних дней, он незаметно подошел к своему одинокому, как и он сам, не обхоженному дому. Алади остановился у постройки соседнего дома из красного кирпича, критически окинул его взглядом. Дом хорош - ничего не скажешь. Послышалось легкое постукивание молотка: хозяин заботливо прилаживал крышу и не видел сверху старика, который прикидывал в уме, какую бы колкость произнести в его адрес. Нет, чтобы по-доброму пожелать счастья в новом доме: его душу снедала черная зависть.

Подбоченившись, он вытянул рябое лицо и, прищулив сильно косившие глаза, заорал снизу вверх, заглушая инструмент:

-Бог в помощь...

Хозяин прервал свою работу и только теперь заметил соседа-ворчуна.

- Спасибо.

- Да-а, - растянул Алади. - Ну и стройка! Это средневековые никто царскими палатами не назовет... Что это за халтура такая?!

- Дом-то что, он-то, на худой конец, от дождя укроет, - отпарировал тот. - Это ничего. Даст Бог, будут и палаты царские. А вот мать твоя действительно схалтурила, родив такого... «красавца».

Алади прикусил язык и недовольно направился к своей калитке. Ему показалось, что кто-то возился с замысловатыми крючками на его двери. Но кто мог прийти сюда?! К нему никто не навещается.

Открыл дверь и... ахнул.

В комнате было необычайно уютно: давным-давно не знавшая воды посуда блестела чистотой, окна вымыты, белоснежная постель аккуратно заправлена... Одним словом, чувствовалась женская рука.

Алади нервно задержался. Кто посмел войти к нему без спроса и копаться в его вещах? Он опрометью побежал в другую комнату: там такой же порядок. Взгляд упал на печку: ее аккуратно покрасили серебрянкой и еще умудрились водрузить на нее горшок с цветами. Стояло лето, поэтому печкой он пока не пользовался. Старик лихорадочно открыл дверце - там зияла черная пустота, не одной соринки. Его как будто окатили холодной водой - это дело рук жены.

Кто ее просил?

- Ах ты, стерва! - выругался он. - Ну, я ей покажу...

Алади выскочил, как ужаленный, и вприпрыжку выбежал на улицу. Сосед с крыши увидел растерянного старика.

- Что случилось? От кого бежишь? - крикнул он ему вдогонку.

- Черта встретил! - не оборачиваясь, отгрызнулся Алади.

- А зачем бежать? Встречать надо. Ведь не к чужому, к родному брату пожаловал.

Но тот был уже далеко и не слышал ехидных шуточек соседа. Он не вошел, а вихрем ворвался в дом к жене и заорал во весь двор.

- Женщина!

Никто не отвечал.

- Макка! - позвал он жену по имени. - Где ты, покажись!

На пороге появилась молоденькая девушка и, увидев старика, стыдливо повернулась к нему спиной.

- Где эта обезьяна? Позови ее... Макка! - надрывался он, потеряв всякое терпение.

Но девушка упорно молчала.

- Ты что, оглохла? Говори, кто дома? - наседали на нее Алади.

- Что случилось? Кто умер? - вышла из сарая Макка.

- Я умер, я! - взвизгнул старик.

- А ты только теперь это понял? - она смерила его удивленным взглядом. - Что это на тебя нашло? Явился, не запылился!

- Кто в мое отсутствие шарил в моем доме?

- Ты хочешь сказать, сделал уборку? Благодарить пришел? Это очень похвально, но не стоит, - махнула она рукой.

- Я спрашиваю, кто рылся в моих вещах?

- Ну что ты заладил: кто, кто? Вот она, - указала Макка на молчаливо застывшую девушку, - твоя невестка.

- Ах, она-а-а, - протянул Алади и гневно уставился на нее. - Вот почему она отворачивается от меня... Воровка!

Та испугано отпрянула назад и вопросительно посмотрела на свекровь.

- Да ты рехнулся на старости лет! -

разозлившись, Макка напустилась на мужа. - А я-то, дура, думаю, образумился! Она к тебе с добром и с уважением, а ты ее оскорбляешь! Что невестка у тебя украла? У тебя и красть-то нечего!

- Не отвиливайте от ответа! - задыхался от бешенства Алади. - Сговорились уже... Где мои деньги?

- Какие деньги? Что ты несешь? - охнула Макка.

- Ладно, - пытаюсь успокоиться, забежал он по двору. - Тогда пусть скажет, куда девала мусор из печки.

Макка повернулась к снохе. Та жестами пыталась объяснить.

- Да говори уж вслух. Лучше соблюдать обычай молчания перед нашим ослом, и то больше оценит. А этому все обычаи чужды, и живет он лишь по своим, особенным, меркам приличия.

- Я сожгла его прямо в печке, — тихо ответила сноха.

Свекор взвыл от отчаяния:

-Мои деньги!..

Сгорели его денежки! Деньги, которые он копил долгими годами. Макка вдруг заливисто расхохоталась. Так она никогда еще не смеялась.

- Дура! - взбесился Алади. - Чему ты радуешься?

- Чему радуюсь? - сквозь приступы смеха переспросила она. - Да ты посмотри на свою невестку... Видишь, как она удивлена?

Муж непонимающе воззрился на жену:

- Ну и что?

- А то, что ты самый щедрый свекор на нашем селе - подарил ей на свадьбу все свое состояние,

накопленное втайне от семьи за всю свою никчемную жизнь.

Алади прикидывал в уме, какой бы колкостью ответить развеселившейся жене, но не успел блеснуть злословием. Ворота открылись и перед разгоряченными супругами появились солдаты.

- Добрый день, хозяйева! — приветствовал их один из них, другие изобразили на лицах подобия улыбок. - Мир вашему дому.

Алади сморщился. Что-то они сегодня ведут себя слишком уж по-человечески. С чего бы это? Он подозрительно покосился на военных и повернулся к всполошившейся жене.

- Они что у тебя, квартиру снимают? - зыркнул ворчун глазами. - Больно тактичными стали и заходят, будто возвращаются в дом своих семи предков.

- Сватать меня пришли, - огрызнулась Макка. - Лучше уходи или помалкивай.

- Если вы не против, мы осмотрим дом, - обратился к женщине старший из солдат.

Макка удивленно уставилась на говорившего. О Аллах, он еще спрашивает, не против ли она? За этой добротой кроется что-то неладное, надо быть начеку. Алади тоже разинул рот от непривычного обращения и вдруг почувствовал себя человеком, хоть с какими-то правами гражданина.

- Значит, обыск учиняется? - осведомился он.

- Да, - вежливо ответил солдат.

Алади выпрямил плечи и, слегка раскачиваясь, подошел к нему и гордо вскинул голову.

- А ордер на обыск у вас имеется?

Солдаты переглянулись.

- Нет. Мы действуем согласно законам военного

времени, - терпеливо объяснили те.

- Ну а понятые где? Раз обыск, почему их не приглашают?

- Где вы этого наслушались, старик? - сдерживая смех, спросил его командир.

Алади разошелся:

- Я требую адвоката, а до тех пор буду молчать!

Солдаты не выдержали и дружно расхохотались.

- Небось, американских фильмов насмотрелся!

- снисходительно похлопал один старика по плечу. - Мы не в Нью-Йорке, деда, а в Чечне и действуем по вашим законам, волчьим...

Он не успел договорить.

- По нашим законам, говоришь? Тогда как ты смеешь так обращаться со стариком, сопляк? - прикрикнул Алади на военного и, широко размахнувшись, огрел его посохом по спине.

- Да ты что, дед, свихнулся? - замахал тот руками не то с обидой, не то со злостью в голосе.

Макка заметалась между ними, успокаивая обоих.

- Не обращайтесь на него внимания, ребята. У него сегодня горе, вот он и вне себя...

Алади вспомнил забытую, было, утрату, и с новой силой набросился на солдат, радуясь возможности сорвать на них свою злость.

- С обыском они пришли, порядочек наводить!

- топнул он ногой. — Это наша земля: что хотим, то и делаем! А вы езжайте к себе домой, в Россию, там и проводите свои чистки. Хватит работы на весь ваш век! Не можете расправиться со своей мафией, так на нас тренируетесь!

- Замолчи, старый! - подскочила к нему жена, пытаясь образумить взбунтовавшегося мужа. - Ты не на митинге. Они упрячут тебя, и поминай, как звали.

- Пускай забирают, - в истерике заорал тот. - Мне терять нечего, я сегодня лишился всего.

Макка безнадежно махнула рукой и обратилась к солдатам, молчаливо наблюдавшим за шумной перебранкой супругов.

- Вот видите. У него крыша поехала. Вы уж простите непутевого.

- Ладно, мы понимаем, - ответил командир. - Мы уходим. Счастливого оставаться.

Солдаты спокойно покинули двор. Алади проводил их изумленным взглядом.

- Что это было? - не понял он. - Что с ними случилось? Не орут, не стреляют, не бьют и не грабят. Или это такая вот система кнута и пряника?

- Я вспомнила! - просияла от осенившей ее мысли стоявшая поодаль невестка. - По телевизору передавали, что сегодня будут проводить вежливые зачистки.

Тут приоткрылись ворота, и просунулась голова только что попрощавшегося солдата.

- А с тобой, дедуля, мы потом поговорим! До следующих зачисток... Извините.

2000 год

ВОЗМЕЗДИЕ

Муслим сидел у окошка серой больницы, обратившись мыслями в прошлое своей жизни.

Плаксивая осень слезилась желтыми листьями, навевая грусть и тоску.

Для влюбленных она - «очей очарованье», а для таких разочарованных в жизни, как он - горькая слезинка по ушедшему призрачному счастью.

Он умел наслаждаться жизнью и получал все, что хотел от нее. Одно лишь не довелось ему испытать — любить по-настоящему, самоотверженно, жить ради другого, близкого. Сколько он ни листал страницы своей жизни, все они были безликими, бесцельными, бесцветными. Оказывается, он жил ради себя, не видел чужую боль, не ценил чувства самого близкого человека - жены Айны. Предал ее и бросил на произвол судьбы вместе с сыном.

Сколько лет он их не видел и, что самое ужасное, не вспоминал о них!

До сегодняшнего дня. Сын, наверное, подрос, возмужал.

Айна была первой красавицей села, и Муслим ловко отбил ее у многочисленных женихов. Женился, родился сын. Айна была не только красивой, но и умной, доброй женщиной. Помнится, как она ушла от него в первый раз.

Муслим тогда купил маленького, чудесного теленка, который вскоре заболел. Вызвали ветеринара, а теленок никак не поправлялся, чахнул с каждым днем

и глядел на него воспаленными слезящимися глазами. Однажды поздно ночью жена разбудила Муслима. Шел дождь, а больное животное находилось в огороде под открытым небом.

- Пойдем, Муслим, - тормошила его Айна. - Теленок простудится и ему станет еще хуже.

- Да пускай подышает, одной проблемой меньше станет!

Айна постояла и начала одеваться.

- Ты куда? - повернулся к ней муж.

- Пойду, отведу его в сарай, живое существо ведь.

Ворча под нос, он выбрался из теплой постели и пошел вслед за ней. Бедное животное дрожало от холода и было не в силах сдвинуться с места: как он ни погонял его, все напрасно.

- Ты возьми его на руки, он же маленький и не тяжелый, весь исхудал, бедняга, - посоветовала Айна, жалостно глядя на изможденное существо.

Муслим недовольно взял его на руки и, брезгливо зажмурившись, понес. У больного животного был понос, и Муслим почувствовал, как по его рукам, распространяя зловоние, стекает теплая струя. От злости он несколько раз чертыхнулся и бросил теленка в ясли. От неудачного падения тот сломал шею и тут же испустил дух.

Муслим оглянулся. Айна смотрела на него широко раскрытыми глазами и, не сказав ни слова, ушла в дом. А наутро он не нашел ее, не дозвался. Не было ее ни на второй, на третий день. Он злился на нее, но, делать нечего, пошел за ней: в доме было холодно и неуютно без жены.

Немного потоптавшись у ворот их дома, он вошел во двор. Отца у Айны не было, не было и братьев,

и жили они в этом большом доме одни с матерью.

- Что случилось? Чем я тебя обидел?

- Твой поступок той ночью потряс меня, - после долгой паузы ответила жена. - И я сделала из этого вывод.

- Какой вывод? О чем ты? - уставился на нее муж.

- Тебе чужда чужая боль, и нет в тебе ни доброты, ни жалости. Когда теленок был здоров и красив, ты любил, обожал его, а как только заболел - возненавидел и бросил. То же самое ты сделаешь со мной. Пока молода и красива, я нужна тебе, а если со мной случится беда, ты так же оставишь и меня.

- Так то животное, а ты человек - моя жена.

- Это не имеет значение. Все мы живые существа.

Муслим тогда смеялся над ней, и каждый раз, вспоминая этот инцидент, подшучивал над ней. А ведь права оказалась жена, права! Как будто предвидела судьбу.

Война непрошеным гостем вторглась в их безоблачную жизнь. Днем и ночью бомбили Грозный. Кошмар той ночи до сих пор стоит перед глазами. Айну тяжело ранили, и врачам пришлось срочно ампутировать правую ногу ниже колена.

А каково это женщине?! Любая предпочтет смерть, чем жизнь инвалида.

Муслим видел, как страдает и прячет от него свою боль жена. Ей дали протез, и она потихоньку привыкла к нему, опять занялась стряпней, домашним хозяйством, а ночью устало ложилась спать. Сын помогал матери, чем мог, а Муслим стоял в стороне и молча наблюдал за ними. Надолго исчезал и возвращался домой хмурый и злой. Айна понимала, что

это конец их совместной жизни. Она и не винила мужа, но так нуждалась в его поддержке и ласковом слове!

И вот однажды Муслим явился домой и прямо заявил, что хочет жениться. И женился. А Айну с сыном отправил к ее матери и больше о них не вспоминал.

Не вспоминал... Но сегодня он очень нуждается в них.

Ровно через шесть лет после второй женитьбы Муслим попал под огненный шквал ракет и оказался в больнице. Прошло уже больше месяца после операции, а его никто не посещает. Узнав, что он останется инвалидом, жена ушла от него на второй же день после ранения. Детей у них не было, и ее ничего с ним не связывало. Он постарел и настрадался за эти дни, но не от телесной раны, а от душевной.

Каждый день Муслим встречал как наказание божье за то, что не умел любить и жертвовать собой во имя ближнего, никогда не воспринимал чужую боль как свою собственную.

Эгоистом был.

И умереть суждено ему в полном одиночестве. Он отдал бы всю жизнь за одно лишь мгновение увидеть жену с сыном и вымолить у них прощение за нанесенную им боль, за предательство.

За стеной соседней палаты был слышен чей-то смех. «Наверное, кто-то пришел навестить больного», - с завистью подумал он и, тяжело вздохнув, опять уставился в окно. По больничному парку прогуливались больные, иногда подбирая опавшие желтые листья. Солнце светило ярко, и тепло его приятно разливалось по всему телу. Его товарищи по несчастью давно уже выписались, и вся палата теперь была в его распоряжении.

Дверь скрипнула, и в палату вошел энергичный хирург средних лет.

- Ну, Муслим, на что жалуемся? - усаживаясь рядом с ним, задал он привычный вопрос.

- Ни на что, - буркнул в ответ Муслим. - Все, что могло болеть, вы уже отрезали и выбросили.

- Тяжелый вы пациент, — улыбнулся врач. — Когда ты к нам поступил, умолял нас умертвить себя. А мы боролись за твою жизнь, боролись как могли.

Муслиму стало стыдно, и он, виновато посмотрев на своего спасителя, искренне ответил:

- Простите, иногда я бываю просто невыносимым, даже для самого себя.

- Ничего, ничего. Нам не привыкать. А я принес радостную весть, Муслим. Раны твои зажили и тебя сегодня выписывают.

У Муслима екнуло сердце.

- Что с тобой, Муслим? Ты бледен. Это, наверное, от радости.

- Нет, - выдавил он из себя. — Это не от радости. Я ... не могу...

- Что не можешь? - не понял врач.

- Мне некуда идти... У меня никого нет.

- Ошибаешься, друг мой. За тобой пришли, и ты скоро будешь дома.

Муслим растерянно взглянул на него. Может, шутит, хочет настроение поднять? Но разве этим можно играть? Или в Дом престарелых отправляют? Какой еще Дом престарелых? Жилые дома, и то не сохранились в этих проклятых войнах.

- Ну, я сейчас пойду, выполню кое-какие формальности и вернусь, - врач встал и вышел так же быстро, как и вошел.

Кто за ним может приехать? Он терялся в догадках, руки стали дрожать от волнения. Сердце вот-вот выскочит из груди. Неужели за ним пришла вторая жена? Нет, не верится... Да и не очень он этого жаждет...

Муслим жадно вперился глазами в дверь и замер в тяжелом ожидании. Прошла целая вечность, и вот в толстом, мутном стекле двери возник силуэт и на пороге появилась... Айна. Его Айна, брошенная им и забытая. Нет, он не мог поверить. Муслим был готов ко всему, но только не к этой встрече. Встретить свой самый большой грех, человека, которого он так унизил и предал!

Он приготовился выслушать обвинения. Пусть говорит, он заслужил, ведь все равно ему придется держать ответ перед судом Всевышнего.

Но услышал привычный бархатный, ласковый голос:

- Муслим, как ты? Пусть все горести останутся позади.

Он молчал в ответ и не смел поднять на нее глаза. Айна прекрасно понимала, что творится в душе у мужа, и старалась создать дружескую атмосферу, как будто между ними ничего не случилось и этот день всего лишь продолжение предыдущего после долгого перерыва.

- Мы сейчас пойдем домой...

- Я не могу, Айна, - наконец выдохнул он и умоляюще взглянул на нее. - Пожалуйста, кричи на меня, ругай и не жалея. Я понес заслуженную кару и не достоин твоей любви и сочувствия...

Айна смотрела на него, постаревшего и исхудавшего. Она столько лет носила в своем сердце обиду на него и была уверена, что никогда не простит мужа, но дрогнуло женское сердце, великодушное и всепрощающее.

- Муслим, что было, то было. Не будем вспоминать прошлое, подумаем о будущем. Мы не знали, что с тобой случилось. Мама давно умерла, а я с сыном была в Назрани, в лагере беженцев. Приехали, как только узнали.

Врач вернулся в палату и сконфуженно обратился к Муслиму:

- Я оставил тебе коляску, из тех, что привезли от «Красного Креста», но она исчезла. Как тебе помочь? Вы на машине? - повернулся он к Айне.

- Нет, но это не проблема. Мы доберемся, не беспокойтесь. Вы свой долг исполнили, спасибо вам большое. Я с сыном, он поможет.

С сыном... Муслим весь напрягся. Лучше бы он умер, чем дожить до этих минут стыда и раскаяния.

Сын вошел и встал у дверей. Не побежал к отцу, которого он не видел столько лет, не сказал дежурных слов. Отец сразу узнал его, он был удивительно похож на него. Только глаза добрые и открытые, как у матери. Они глядели друг на друга. В глазах отца беспомощность, а сына - спокойствие и уверенность в себе.

Врач, хлопотавший вокруг своего пациента, сдернул с него одеяло. Муслим весь съежился - вместо двух ног два обрубка.

- Ну, парень, - обратился он к сыну Муслима, - давай, я помогу тебе.

- Нет, спасибо, - вдруг грудным, сильным голосом заговорил Ислам, - я сильный и справлюсь сам.

Он подошел к отцу и, бережно взяв отца на руки, понес.

Муслим весь обмяк на груди у сына, губы предательски задрожали. Он был не в силах противиться

нахлынувшим чувствам: сердце утонуло в вихре страданий, горя и радости встречи, Из его груди вырвался глухой стон, из глаз потекли слезы. Ислам чувствовал состояние отца и, крепче прижав его к груди, уверенно спустился по ступенькам больницы и вышел на улицу. Мать шла следом, прихрамывая.

- Ничего, отец, - тихо заговорил сын, успокаивая поникшего головой отца, - не переживай. У меня и руки сильные, и ноги. Выберемся, выживем... Аллах нам поможет... Он добрый.

2003 год

НА ЧУЖБИНЕ

Безлунная ночь окутала село пушистым черным одеялом. Все живое замерло: звери притаились, птицы смолкли, прислушиваясь к тихому шепоту деревьев. Из дымоходов, заядлых курильщиков, валил дым, который, лениво зевая и потягиваясь, растворялся в ночи.

Шерип долго ворочался, пытаясь заснуть, но сон не шел. Ночная тьма и тишина давили, мысли путались. В темной комнате сиротливо тикали часы, шум их гулко отдавался в ушах.

Отбросив одеяло, Шерип встал и начал искать на ощупь сигареты.

- Что, не спится? - слышался голос жены.

В ответ он тяжело вздохнул.

- Тошно мне что-то. И света нет. Не жизнь, а каторга.

- Потерпи чуть-чуть. Скоро ты увидишь цивилизованный мир. Будет тебе и свет, и жизнь.

- М-да, - промямлил Шерип и замолчал.

Наступила пауза. Жена тоже встала и присела рядом с ним.

- Слушай, Шерип, что тебя гложет? Поделись со мной. Вроде бы сбывается твоя мечта - уехать из Родины за границу. Дом и машину ты продал, паспорта готовы. Осталось только выехать. А ты ходишь как потерянный.

Шерип долго молчал.

- Так-то оно так, - задумчиво заговорил он. - Но тревожно мне. Пугает неизвестность. Тысячами уезжают, а возвращающихся нет. Как будто канули в небытие.

- Посто́й, а я слышала, что одна семья вернулась из Германии.

- Вернулась? Куда?

- В Гудермес. Может, ты найдешь их и досконально расспросишь обо всем?

Шерип оживился.

- Ты права, жена. Завтра же отыщу эту семью, а там поглядим, что будет.

Они легли спать, но до утра им так не удалось сомкнуть глаз. Шерип встал чуть свет и отправился в Гудермес на розыски той семьи. Это не доставило особых хлопот, и вскоре он уже стучался в их ворота.

Вышел хозяин дома, человек высокого роста с приятной наружностью, и пригласил гостя в дом. После приветствий и сытного обеда он вопросительно посмотрел на гостя.

- Что тебя привело ко мне?

Шерип не знал, с чего начать.

- Я слышал, что ты ездил за границу, в Германию, - сразу же приступил он к делу. - Усман, если тебя не затруднит, расскажи мне, как там, за границей?

Усман пристально взглянул на него.

- А зачем тебе это?

- Я тоже решил уехать отсюда насовсем, - признался гость. - И тысячи сомнений одолевают меня. Бросить родину, родных и близких - это не так-то и просто.

- Конечно, не просто, - нахмурив брови, заговорил Усман. - Не понимаешь и осознаешь эту утрату слишком поздно и высокой ценой. Я тоже, как и ты, горел желанием уехать отсюда, спасти семью от войны и зажить по-человечески. Но от себя никуда не убежишь.

Не стану вдаваться в подробности, как мы туда добирались. Не в этом дело. Расскажу только, с чем мы столкнулись на месте. Не спору, город красивый, и народ прекрасный. Чистое, спокойное небо над головой, и по земле шагаешь уверенно, не боясь нарваться на мину. Нет войны. Никто тебя ни притесняет, не угрожает твоей жизни, не попирает твою свободу. Но есть много такого, что не можешь выразить словами. Ты внутренне опустошен и раздавлен. Каждый вечер засыпаешь и утром просыпаешься с мыслью о Родине. Не можешь вздохнуть полной грудью, тоска по родной земле съедает изнутри. Помнится, однажды вечером вдруг заиграла гармонь. Точнее, заплакала. Она поведала нам, слушателям, о своей горькой доле мухаджира, о том, как ей не хватает родного очага и величественных гор, орлов гордый полет и воя свободных волков, чистых родников веселое журчание и Терека буйный нрав. И чудилось нам, что в песне стонет родная Чечня, взывая о помощи, и зовет нас обратно домой. В эту ночь эта песня выжала из наших сердец кровавые слезы. И поняли мы, что наши души остались там, в Чечне. А зачем тело без души?

Нас временно приютили в спецлагерях для беженцев. Здесь было очень много народу, людей разных вер и национальностей. И сразу же нам поведали, что необходимо знать, чтобы претендовать на гражданство чужой для нас страны. Во-первых, изучить немецкий язык, конституцию страны, законы, и далее следовал ряд условий, при соблюдении которых нас могут принять на работу.

У меня было достаточно денег, чтобы на первых порах обеспечить семью и прожить без нужды. Детей у меня было пятеро... Было... А теперь осталось трое.

Двоих, сына и дочь, оставил там... На чужой земле похоронил их... - Усман на минуту замолчал. Шерип не торопил его. — А я ведь уезжал из пылающей родной Чечни ради детей, их будущего. Думал, выживут и выучатся, станут образованными и когда-нибудь вернутся на Родину полезными людьми, помогут своему народу вновь подняться на ноги. Но в жизни все не так. Как бы мы не мечтали, время все расставляет по-своему. Как говорится, человек предполагает, а Бог располагает. И вскоре я пришел к этой истине.

Случай свел меня с одним нашим соотечественником. Оказывается, он обосновался здесь еще со второй мировой войны, был женат, имел детей и внуков. Он пригласил меня к себе домой, и я с радостью согласился. И вот эта встреча в корне изменила мой взгляд на жизнь и дала понять, какую я допустил непростительную ошибку, приехав сюда, на чужбину.

Наш гостеприимный хозяин познакомил нас со своей семьей. Жена - немка, невестки тоже. Дети и внуки не знают ни одного слова на чеченском, их родным языком стал немецкий. В их манерах, образе жизни не было ничего, даже отдаленно напоминающего наше, родное. Наблюдая за ними, я с болью осознал, на что обрекаю своих детей и потомков. В будущем им уготована жизнь изгнанника - без родины, народа, без своих обычаев и традиций, без своей культуры. Посуди сам, разве когда-нибудь вернутся дети с таким будущим на родину отцов, где все им будет чуждо и дико? Во имя чего? Любви к родной земле? Ее не будет. Она впитывается с молоком матери. Зов крови? Она уже будет смешана и привязана к разным корням.

Я должен был немедленно вернуться на родину. Пока не поздно. Эта мысль крепко засела в моей глупой

голове. Но к тому времени, когда я наконец прозрел, деньги, что я привез с собой, незаметно кончились.

Усман еще долго говорил о своих мытарствах на чужбине. В каждом слове сквозила боль и утрата. И теперь, когда он рассказывал обо всем этом, видно было, как он заново переживал.

- Даже врагу не пожелаешь такое, - со вздохом закончил он свой печальный рассказ.

Шерип задумался. То, что он услышал от Усмана, для него не явилось полной неожиданностью. Менять родину - это предательство и измена родной земле, осквернение памяти отцов и дедов.

- Знаешь, Шерип, - вывел его из раздумий Усман. - Те, которые стремятся поскорее уехать из родины и видят в этом свое спасение, горько ошибаются. Наоборот, они приближают конец собственного «я» и лишаются чести называться частицей хоть и малочисленного, но гордого народа — вайнахов.

...Шерип возвращался домой. Он засиделся у Усмана и теперь очень спешил. Завидев издали ворота своего дома, он ускорил шаг.

Акации, белоснежные невестушки, надушили всю улицу, и их аромат приятно щекотал нос. Шерип с наслаждения вдыхал этот весенний запах. Он радовался жизни. Пусть нелегкая, суровая, но его жизнь. И эти горы, леса, реки, деревья, каждый листочек на них, небо над головой - это его родина — Даймохк. Он готов был целовать каждую пядь этой земли. Впервые в жизни он ощутил, как его корни глубоко и крепко врослись в эту землю. Куда он уедет? Разве можно бросить на произвол судьбы истекающую кровью Родину-мать? Кто будет любить ее и заботиться о ней, как не ее дети?

«Прости меня, Даймохк, мою минутную слабость. Я не достоин называться твоим сыном. Ты услышала мой первый крик при рождении на свет и, подхватывая его эхом гор, приветствовала и благословила своего сына. Ради тебя я готов умереть и сладко уснуть в твоей груди».

Он с трепетом открыл дверь и вошел в свой дом. В комнате был слышен детский смех и ласковый голос жены.

«О Аллах, - с ужасом подумал Шерип, - а ведь я чуть не погубил свою семью, оторвав их от родины, как дитя от матери». Он устало сел на диван и облегченно вздохнул, как после тяжелой операции.

- Что с тобой?

Шерип даже не заметил, как в комнату вошла жена.

- Что случилось? - снова спросила она.

Шерип взглянул на нее и слабо улыбнулся.

- Знаешь, жена, я сегодня побывал на чужбине и только что вернулся домой, — он зажмурил глаза и блаженно растянулся на диване. - И я самый счастливый человек на земле!

2000 год

ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ

Имран сидел под огромным дубом, устремив ясный взгляд в никуда.

С минуты на минуту придет отец и ему предстоит нелегкий разговор с ним. По строгим обычаям вайнахов сыну не полагается предъявлять какие-либо обвинения, высказать свое недовольство. Но он все равно выложит отцу все, что накопело в груди за этот последний год. Ведь существует еще и человеческий, сыновний долг перед родной землей.

Из леса показался отец. Он быстрыми шагами приближался к сыну.

Юноша весь вспотел, он пытался унять внутреннюю дрожь, легкий румянец выступил на щеках, уши горели, и сам он был готов воспламениться от охватившего его волнения.

Имран встал, приветствуя отца. Ахмед бросил на землю свою сумку с молнией и присел отдохнуть под тень векового дуба. Надвинув кепку на глаза, он растянулся на мягкой траве, вдыхая ее утренний запах.

- Люблю я это место, - чуть отдышавшись, сказал он. - Ведь я родился под этим деревом... Какая красота кругом и умиротворяющая тишина! А, сынок?

Имран не выдержал.

- Ну конечно. Ты любишь это место, дерево, красоту кругом и... губишь ее.

- Что? - не понял отец.

- А то, - продолжал тот. - Ты говоришь, что под этим деревом ты получил жизнь, а в благодарность за

это ты отнимешь у него жизнь.

- Ты о чем? — присел отец и удивленно уставился на взволнованного сына.

- Отец, я давно хотел сказать тебе. Ты знаешь, я не хотел и не одобрял способа зарабатывать деньги таким образом. Ты вырыл громадную яму, высасываешь нефть из-под земли и, что самое ужасное, варишь эту смесь, отравляя все живое вокруг. Мне стыдно смотреть людям в глаза, мы наживаемся на их здоровье. Они дышат отравленным воздухом. Мне стыдно любоваться красотой родной природы, мы губим ее. Мне стыдно становиться на молитву и вымаливать прощение у Аллаха.

Имран говорил, боясь, что его прервут и он не успеет высказаться. Сбивался с мысли, повторялся, голос его срывался от волнения. Ахмед внимательно слушал его. Он видел, как взволнован Имран, и понимал, сколько сил стоило сыну решиться на такой открытый разговор с отцом, и терпеливо ждал, пока тот выговорится.

Имран замолчал и перевел дыхание. Не смея взглянуть в глаза отцу, он приготовился встретить родительский гнев.

- Ты все сказал? - спокойно спросил Ахмед.

- Да.

- Теперь послушай меня. Я никогда не был алчным человеком. И всегда гордился своим честным трудом. Нельзя сказать, что мне деньги были не нужны. Они, проклятые, всем нужны и никогда не лишние. Все, что ты сказал — правда. Ты возмущен и страдаешь. Эта правильная реакция на наши преступные деяния против природы, народа и Всевышнего. Я знаю это, и тебя так же воспитал... А ты вспомни, что меня толкнуло на

такой грех? Ради кого я стараюсь? Ради себя? Взгляни на меня, — он вскочил с места и развел руками, демонстрируя свои давным-давно обносившиеся лохмотья, - разве я наряжаюсь, на джипе разъезжаю? Я из кожи вон лезу, чтобы тебя, своего единственного сына, вывести в люди.

- Я не просил тебя об этом, - побледнел Имран.

- Молчать! - вышел из себя Ахмед. - Как ты смеешь упрекать меня в бесчеловечности? Я был честным и правоверным мусульманином. А ты был самым лучшим учеником в школе и поехал поступать в мединститут. Что с того, что твой отец сама добродетель, а у тебя блестящие знания? Ни-че-го! У нас с тобой не было другого - де-нег. Все упиралось в это. Тебе указали на дверь. А как я могу заработать такие большие деньги на поле, размахивая лопатой и мотыгой? А?

- Отец, - сдерживая слезы, выдавил из себя Имран, - я очень хочу стать врачом, лечить людей и оберегать их здоровье. Но я не могу идти к своей мечте по кровавому пути - губя людей и природу.

- Не мы первые и не мы последние, — отрезал отец. - Многие так зарабатывают.

- Многие, но не все, - Имран умоляюще посмотрел отцу в глаза. - Отец, прошу тебя, во имя памяти моей матери, прекрати это варварство! Клянусь Аллахом и всеми святыми, - вдруг твердым голосом поклялся он, - я не пойду учиться на эти грязные деньги и не воспользуюсь ими ни при каких обстоятельствах... Умру с голоду, но не притронусь к ним.

Ахмед смотрел на сына, как будто видел его впервые. Он был очень похож на свою мать, которая умерла при родах, так и не успев взглянуть на свое дитя. Те же мягкие черты и та же застенчивость. Но в этот

момент Ахмед видел в своем сыне самого себя -упрямого и непреклонного в своем решении, и в глубине души остался доволен им.

- Хорошо, - сдался отец. — С сегодняшнего дня я завязываю с этим делом.

Имран перевел дыхание. Ахмед взял сумку и, не глядя на сына, буркнул:

- Сейчас сюда придет твой двоюродный брат, а я буду к полудню. Улажу все дела, и вместе пойдем домой. Ждите здесь.

... Ахмед торопился. Скоро вечер, а он слишком задержался. Имран прав, пора закончить с промыслом, пока его не засосала эта трясина «черной лихорадки». Лучи заходящего солнца светили прямо в лицо, слепя глаза. Вот показалось знакомое дерево, но вокруг не было ни души. Мальчики должны были дожидаться здесь, как условились. Наверное, где-то отдыхают. Какая-то непонятная тревога охватила его. Он ускорил шаг и вскоре побежал, опережая мысли, полные необъяснимого страха.

Под деревом их не оказалось. Значит они там, на рабочем месте, у самодельного котла, где варилась нефть. Это в трех шагах отсюда.

И вдруг, раздался взрыв. Земля как будто разверзлась под ногами, и в небо взвился огромный столб черного дыма. И вопли... Душераздирающие, полные дикой боли и страха. Ахмед рванулся с места, на ходу вызывая о помощи.

- О Аллах! Ты всемогущ, прошу Тебя, помоги сыну, не губи его. Он ни в чем не виноват. Накажи меня, заблудшего, брось в ад и не пожалей для меня огня...

И Он не пожалел огня... Бочка с конденсатом взорвалась, поднимая дымовую завесу, огонь пылал и

ревел. И вокруг этого костра, как два факела, в адских муках кружились два человека.

- Имран! - отчаянно закричал Ахмед и бросился к пылающему сыну.

- Отец! - побежал ему навстречу сын с диким ревом.

- Дядя! — послышался другой вопль.

Ахмед растерялся. Тяжелый выбор стоял перед ним. Кому оказать помощь первым? Сердце рвалось к сыну, но разум диктовал другое. Что скажут люди? Что он, спасая собственного сына, дал спокойно умереть племяннику, сыну брата?

- Потерпи, сын, я сейчас! - крикнул он сыну и подбежал к племяннику. Он схватил его, повалил на землю и начал тушить огонь, охвативший парня, своей рубашкой. Справившись с ним, он вскочил и бросился на помощь к сыну, который, обессилев от боли, корчился на земле.

...Огромное пламя, словно зарево, освещало небо, жадно пожирая ночную мглу. В абсолютной тишине слышалось только удовлетворенное гудение огня. Ахмед отрешенно глядел на зрелище. Глаза его ничего не выражали: ни боли, ни гнева, ни раскаяния. Ничего. Душа отделилась от него. Луна и звезды притаились за черной завесой облаков. На деревья черным снегом ложились хлопья пепла и копоти.

Ахмед перевел взгляд на землю, где рядом лежала два обуглившиеся тела. Сына и племянника. Никого не пощадил Аллах, забрал обоих. Ахмед хотел закричать, выплеснуть свое горе слезами, но голос пропал, легким не хватало воздуха, и он лишь шевелил губами.

В темноте засверкали две желтые точки. Глаза? Кто первым отозвался на его горе? Собака? Откуда она

взялась? Ахмед помутневшим взором посмотрел в ее сторону. И вдруг это четвероногое существо протяжно завывало. Да это же волк! Верный спутник одиночества. И несчастного как будто прорвало - глухой стон вырвался из груди, крик отчаяния прорезал ночную тишину. Этот звук походил на рев раненого хищника и вскоре перешел в бессильные рыдания.

Ахмед винил и проклинал себя. По-че-му? За один день он лишился всего в этой жизни -единственного сына, доброго имени и милости Аллаха. Из-за чего? Ахмед раскрыл сумку - она была полна денег. Из-за них, проклятых! Зачем они теперь ему? Простые бумажки. И ради них он, отец, принес в жертву сына.

Ахмед с этой сумкой подошел к огню и, размахнувшись, бросил ее в самое пекло.

Огонь жадно проглотил сумку и удовлетворенно облизнулся. Казалось, он исполняет дьявольский танец, отбрасывая вокруг пугающие тени.

И лишь утром огонь прекратил свои бесовские движения, уступая силе и свету яркого солнца.

1997 год

СУДНЫЙ ДЕНЬ

Грязные серые стены кабинета хмуро уставились на худощавого паренька лет шестнадцати, еле держащегося на ногах перед тучным бородатым чиновником. Каждый резкий вопрос отскакивал, будто рикошетом, от молчаливых свидетелей человеческих страстей.

- Это последний допрос, Ризван, - внес ясность слуга правосудия. - Через два дня состоится казнь, а ты теряешь драгоценное время... Ну что ты вылил на меня? Говори!..

- Я никого не убивал, - еле слышно ответил обвиняемый и беспомощно уставился на своего мучителя.

- Это мы уже слышали, но, к великому сожалению, все против тебя. Например, жена убитого видела, как ты остервенело бросился на ее мужа, найдено орудие убийства - твой нож ... Ну, что там такое опять? - заорал он во всю мощь здоровых легких, услышав за дверями невообразимый шум, сопровождаемый звучными проклятиями и ответными ругательствами.

Дверь широко распахнулась, и в кабинет ввалились два охранника, тащившие за шиворот изрядно подвыпившего рослого здоровяка: густая шевелюра с проседью, злобные глаза, приплюснутый нос с широкими ноздрями, через которые он с шумом вдыхал спертый воздух казенного дома. Вся одежда его была в грязи, рубашка изорвана и висела на теле

лохмотьями, волосатая грудь тяжело вздымалась от возмущения.

- Тьфу! - брезгливо сплюнул в сторону начальник. - От него разит, как от свиньи. Ну, красавец, где так налился? Ведь было же сказано на

человеческом языке, что пить нельзя - это большой грех.

- До меня эти слова еще не дошли, - зло сверкнул покрасневшими глазами задержанный.

- Это исправимо, сейчас мы тебе это наглядно объясним: всыпать ему сорок ударов, - обернулся начальник к исполнителям решений шариатского суда. Стражи трезвого образа жизни с завидной сноровкой потащили отчаянно сопротивляющуюся жертву в соседнюю комнату и при помощи еще двух охранников силой повалили его на широкий стол, специально сколоченный для подобных наказаний.

- Вы не имеете права, - взревел верзила от дикого негодования.

- Имеем-имеем, - сухо ответил подошедший бородач, встав над поверженным любителем алкоголя.

- По законам шариата мы угостим тебя порцией ударов дубинкой. Надеюсь, твое отменное здоровье позволит тебе выдержать такое испытание.

Последние слова утонули в глухом вопле несчастного.

- Вы превратили шариат в шуры-муры, - подобно раненому хищнику зарычал он. - Ничего! Я запомню ваши рожи, вы все ответите за мое унижение... сволочи ... скоты... ублюдки... - с каждым ударом все больше и больше распалялся мужчина, уже не обращая внимания на тупую боль в спине.

- Довольно с него, уберите эту тушу... Давайте следующего.

Но охранник медлил с выполнением приказа. Он озадаченно почесал за ухом и вопросительно посмотрел на своего начальника.

- В чем проблема?

- Какого-то писателя утром приволокли... не знаем даже, какому наказанию его подвергнуть.

- Это уже не ваше дело. А за что его сюда притащили?

- Уж больно ловко поносил нынешнюю власть, ну и всякую чушь насчет Шуры⁶ городил.

- Ах, вот как! - следовательно потер мясистые руки в предвкушении удовольствия. - Что же, посмотрим, как он запоет под ударами! Давайте сюда нашего гения.

Подчиненный поспешно вышел и вскоре вернулся с человеком среднего роста и плотного телосложения. Он ничем не выдавал свое волнение и лишь открытым взглядом ясных глаз выражал полное презрение к окружающим. Блюститель шариатского правопорядка театральным жестом широко развел руками и с особым наслаждением приступил к словесному издевательству над представителем интеллигенции.

- Я слышал, что ты трепался языком по телевизору. Видать по всему, он у тебя без костей и хорошо подвешен.

- Не жалуюсь, - невозмутимо отвечал писатель.

- Жаль, что я не имел чести слышать твою пылкую речь, но не можешь ли ты сейчас доставить мне удовольствие, усладив мой слух своими мудрыми изречениями?

- Я уже обращался к народу...

⁶ Шура - исламский Совет; реакционная организация сторонников шариатского правления в Ичкерии.

- Нет, мой друг, ты ошибаешься - отныне я представитель народа и власти. Так что, вольнодумец, сделай последнее усилие, ознакомь меня со своими бунтарскими мыслями по поводу создания в республике шариатского правления - Шуры.

- Я тоже правоверный мусульманин и вовсе не против шариата, - спокойно возразил тот, - просто я высказал свое негодование по некоторым вопросам его исполнения, к примеру такими вот массовыми наказаниями и публичными казнями без суда и следствия.

- А что тут такого, за преступлением всегда следует наказание?!

- Но наш народ еще не готов к таким методам наведения правопорядка. Даже в тех мусульманских странах, где лежат истоки ислама и в старину прочно придерживались суровых наказаний по шариату, давно отошли от подобных самосудов. Мир изменился, изменились и человеческие взаимоотношения.

Появились новые понятия, такие как демократия, Конституция, цивилизация. Шамиль и то во времена своего правления не смог навязать чеченцам его некоторые аспекты, а с тех пор народ мало чем изменился - слишком прочно в нем сидят традиции и обычаи предков, и подобные наказания приводят не к смирению и страху перед шариатской карой, а, скорее, рожают в нем возмущение, злость, непокорность и чувство кровной мести к своим палачам.

- М-да-а, очень интересно! - протянул

следователь и, чуть подавшись вперед, тоном, не терпящим возражения, громко воскликнул. - Но тут следует отметить, что по шариату все народы в равной степени должны отвечать за свои прегрешения перед

Аллахом, невзирая на свои обычаи и традиции.

- Вы неверно подошли к проблеме искоренения зла в нашей республике, - не сдавался писатель, - и вы убедитесь в этом, самое большее, через год. Этот ваш безумный психологический эксперимент над целым народом обречен. И вы, его исполнители и палачи, ответите за содеянное вами беззаконие.

- Эти твои суждения исходят из теории или практики? - шариатский судья деловито засуетился вокруг упрямого обвиняемого. - Что замолчал? Ты сегодня будешь иметь редкую возможность испытать на себе прочность и живучесть адатов народа, за которого ты столь рьяно радеешь. Что ты скажешь на это, брат мой по вере?

- Я не боюсь вас - это вы меня боитесь, иначе не притащили бы сюда после моего выступления. Правда глаза колет и слух режет?

...За время своего пребывания в стенах этого мрачного дома Ризван не первый раз наблюдал за телесными истязаниями людей, но сегодня впервые стал свидетелем безупречной стойкости духа и высокой морали. С каждым ударом увесистой палки наказуемый все сильнее и сильнее прикусывал нижнюю губу, пока не хлынула изо рта алая кровь: этот на вид хрупкий человек демонстрировал железную выдержку, он не издал ни звука, несмотря на нестерпимую физическую и моральную боль. В мертвой тишине были слышны лишь монотонные звуки отбиваемых ударов и хладнокровный голос охранника, отсчитывающего их количество. Совершалась экзекуция над правдой.

Первым не выдержал следователь. Разочарованный в своей надежде увидеть очередное падение человеческого достоинства, он громко хлопнул дверью и вернулся к прерванному разговору с притихшим Ризваном.

- Ну, вспомнил что-нибудь? - наехал он на беззащитного юношу.

- А мне и вспоминать-то нечего, - вдруг окрепшим голосом проговорил парень. - Если решили казнить меня, пожалуйста. Что предначертано судьбой, того не миновать.

- Ишь, какой смелый, небось, от того идиота набрался храбрости, - кивнул он в сторону соседней комнаты, где еще не прекратилась пытка над правдолюбом.

- Вам этого никогда не понять, - слабая улыбка промелькнула на осунувшемся лице паренька.

...Последнюю ночь перед казнью Ризван провел в горьких размышлениях о своей нелегкой жизни и каждый раз ежился от неприятных воспоминаний, обдающих холодком и одиночеством. Ему было четырнадцать, а сестре двенадцать лет, когда они лишились матери. Отец все время болел и однажды утром проснулся с полным хаосом в голове: он сошел с ума, не узнавал детей, для него мир принял совсем другое обличье.

Точно в такой же хаос погрузилась и Чечня: нескончаемые воззвания, бессмысленные лозунги, крики, беготня, беспорядочные автоматные очереди, взрывы, плач и хохот, изматывающие зикры⁷ в бешеном темпе, беспощадная схватка лидеров за власть, полное

⁷ Зикр - религиозный обряд коллективного восхваления Бога.

отсутствие работы и доходов, навязывание призрачного счастья одурманенному народу. Республика напоминала пороховую бочку, готовую взорваться в любую минуту.

Вскоре дети лишились отца. Неуправляемый в своих безумных поступках, он погиб в первые дни войны. Их взяла под свою опеку родная тетя по отцу. И без того трудная жизнь детей стала просто невыносимой. И в один прекрасный день бессердечная родственница просто выдворила их из родного дома, и бедным сиротам ничего не оставалось, как податься в суматошную столицу, где каждый выживал, как мог.

Случай свел Ризвана с одной женщиной, из-за которой начались все его злоключения, впоследствии вылившиеся в эту драму.

Зейнап жила в микрорайоне в девятиэтажном доме и имела в собственности две квартиры: двухкомнатную на первом этаже, которую она милостиво предоставила сиротам, и трехкомнатную на пятом, где она проживала со своим мужем. Они были бездетной четой. Внешне красивая и энергичная, Зейнап слыла среди людей женщиной буйного нрава. Вместе с сестрой она тайно промышляла наркотиками, что приводило в ярость супруга, тихого, правоверного мусульманина. Ахмед - так звали этого добрейшего человека - искренне жалел осиротевших детей и проявлял к ним всяческое внимание: подбадривал ласковым словом, приглашал на чаепитие, и Ризван с благодарностью принимал его отеческую заботу.

В ту злополучную ночь они засиделись допоздна. Ахмед сослался на внезапную головную боль и ушел в свою комнату. Ризван тоже собрался уходить.

Все, что произошло потом, парень помнил смутно. Зейнап чем-то его напоила, отчего Ризван

почувствовал сильное головокружение, в глазах потемнело, и он потерял сознание. А когда пришел в себя, ужаснулся от увиденного: на полу, все в крови, лежало бездыханное тело Ахмеда, с торчащим из груди ножом. Его ножом! Ризван не успел даже осознать весь ужас произошедшего, как услышал дикие вопли женщин за дверьми, и тесное пространство комнаты заполнила вызванная на место происшествия опергруппа. Они обступили ничего не понимавшего паренька и без лишних слов упекли в этот зловещий дом.

Ризван был уверен в причастности Зейнап к смерти мужа, которого она жгуче возненавидела после крупной ссоры, в ходе которой женщина получила хорошую взбучку от Ахмеда. Он при этом поклялся сдать ее властям за продажу наркотиков. И Зейнап вероломно убила супруга, втянув в это темное дело наивного парня.

Но как доказать свою невиновность? Как оправдаться перед судом? Ризван был в полной растерянности. Вскоре его обвинили в преступлении, которого он не совершал, и приговорили к смертной казни через расстрел. В правоохранительных органах работали случайные люди и далеко не профессионалы. Он был не первой и не последней жертвой дикой расправы нового шариатского суда.

Завтра на площади состоится его публичный расстрел. Ризван пытался представить себе процесс казни, но его разум отказывался верить в реальность предстоящей казни. Почему она называется публичной казнью? Разве там будет публика? Кто может из праздного любопытства прийти на площадь, чтобы поглазеть на бесчеловечную расправу над несчастным?

.. Но публика пришла.

Ризван на какое-то мгновение даже забыл о страхе перед смертью при виде этой колыхающейся массы. Неужели эти люди собрались здесь, чтобы вызволить его из беды и восстановить справедливость? Впервые за эти кошмарные дни в его душе, загнанной в угол, затеплилась робкая надежда, что еще не все потеряно в этой безрадостной жизни и, наконец, на истерзанной земле восторжествует правда, а загостившемуся злу придется уступить место долгожданному добру. От внутреннего потепления изможденное лицо обреченного просветлело и озарилось слабой улыбкой.

Но этот мгновенный проблеск тут же погас, душа опять погрузилась в холодный мрак, лицо вновь затянулось пеленой безысходного горя и отчаяния: Ризван вдруг с невыносимой болью в сердце осознал истинную причину этого столпотворения. Нет, от ревущей толпы не веяло ни сочувствием, ни даже элементарной жалостью.

Парень беспомощно оглядел всю площадь.

Может, он спит или бредит? Или он сошел с ума, как и его родитель?

Бедный отец! Наверное, такой же головокружительный кошмар царил в его затуманенном сознании.

- Встань к стене, - донесся до его слуха суховатый голос охранника.

Ризван послушно шагнул вперед и тут же невольно отступил назад: его взгляд упал на кровавые пятна, зловеще выделяющиеся на сероватом фоне стены. Приговоренный растерянно уставился на багровые пятна, которые стали причиной медленного возврата

подавленного разума в жестокую действительность. Рев взбудораженной толпы с новой силой окатил несчастного волной бешеного страха. Вся кровь отхлынула от лица, тело свело судорогой, ослабевшие ноги подкосились, и ценою неимоверного усилия он заставил себя выпрямиться и встать у стены.

Ризвана изнутри давила глухая боль и, казалось, закричи он или заплачь, выплеснется она наружу и освободится стесненная грудь от непосильного груза.

Но он не сделает это, назло этим нелюдям, собравшимся здесь, чтобы поглумиться над его несчастной душой.

А толпа все орала и гудела... Ризван напряг свое зрение в поисках родного лица или хотя бы чужого, но полного сочувствия и понимания.

Нет, все тщетно. Ни того, ни другого.

На площадь съехались каменные сердца, холодные, безучастные существа - зомби, манкурты.

Нормальные люди остались дома.

А нормальны ли те, что безропотно закрылись в четырех стенах и замкнулись в себе, как последние отшельники?

А что они могут сделать, чем помочь?

Парень вспомнил того мужественного писателя, который пострадал за дерзкое свободомыслие. Но он был одинок в своей борьбе, и силы были слишком уж не равны. И вообще, трудно достучаться до дремлющего сознания народа.

- Подвинься, пополнение прибыло, - опять донесся до его притуплённого слуха тот же сухой голос. К стене встали новые смертники: двое мужчин и ... женщина. Она оказалась рядом с Ризваном, который

потрясенно смотрел на нее, широко раскрыв черные глаза от удивления. Даже женщин начали расстреливать! Куда катится мир, наши обычаи и традиции?!

И вдруг растерянность и страх молодого человека сменились обидой за себя и гневом за эту беззащитную женщину, которая годилась ему в матери. Она стояла вся бледная, не рыдала и не стенала.

- Не бойся, - чуть охрипшим голосом попытался Ризван успокоить ее.

- Я уже отбоялась, мне больше нечего терять, - тихо ответила женщина, чуть заметно качнув поседевшей головой. - Смерть для меня самый лучший выход.

Ризван не мог знать, за что осудили несчастную к смерти, но он был уверен в том, что она так же, как и он, лишается жизни безвинно. Постепенно ее сила духа передалась и ему, внутренняя дрожь перестала его лихорадить.

- Вы сгорите в аду, убийцы! - надрывно донеслось с площади. Ризван прошелся по толпе презрительным взглядом в поисках «доброжелателя».

- Ничего, нам не привыкать! - выкрикнул он в ответ. - Как говорится, из огня да в полымя.

К приговоренным поспешно подошли два человека с какими-то мешками в руках.

- Нет, не стоит, - женщина наотрез отказалась от «головного убора». — Мне не страшно смотреть в глаза смерти, а свои глаза мне прятать не от кого.

Раздалась команда, а вслед за ней беспорядочная пальба из автоматов.

Первыми рухнули двое мужчин и задержались в предсмертных конвульсиях на окровавленной земле.

Стена заалела пятнами свежей крови. Ризван почувствовал легкое жжение в плече и обомлел от ужаса. Вокруг творилось что-то невообразимое. Женщина упала на колени, а затем медленно повалилась на землю. Парень растерянно кинулся ей на помощь, но тут же был сражен новой автоматной очередью и, смертельно раненный, оказался лицом к лицу с умирающей женщиной. Ризван неотрывно смотрел в ее глаза, уже затягивающиеся пеленой смерти. Вспомнились материнские глаза, полные нежности и доброты. Куда-то исчезли страх и боль. Он уже ничего не чувствовал, не слышал ни дикого рева беснующейся толпы, ни резких автоматных очередей.

Его слабеющий разум удерживал лишь тяжелое, сиплое дыхание смерти, холодеющий взгляд женских глаз и ...небо.

Бесконечную синеву неба, которая вскоре обрушилась на него черным саваном.

1998 год

БРИЛЛИАНТОВАЯ РУКА

- Сколько стоит эта ткань?
- А сколько вы можете уступить?
- Да вы с ума сошли, за такую цену можно и магазин приобрести...
- Вчера одна цена, сегодня другая...
- А что вы хотите, это же базар...
- Как пройти к крытому магазину?

Сотни вопросов и сотни ответов. Это - центральный рынок города Грозного, столицы Чечни. Сверху он напоминает огромного, пестрого, огнедышащего китайского дракона. Каждая часть базара своеобразна, и здесь можно найти все, что душе угодно. Бойко торгуют и стар и млад. Тяжелое послевоенное время вынудило многих зарабатывать себе кусок хлеба таким образом. Здесь можно встретить специалистов всех профилей, оказавшихся безработными: врачей, учителей, инженеров, архитекторов, деятелей искусств, вплоть до докторов наук. Работы нет, а жить надо.

Очень много детей, которые бросили школу и по мере своих возможностей помогают родителям выжить в этой кутерьме. Как и Иса. Он перепробовал все способы подработать и теперь стоял, понуро опершись на прилавок, и лихорадочно думал, куда пойти и как пополнить скудную выручку сегодняшнего дня.

-Иса!

Мальчик мгновенно обернулся на зов - его звала знакомая продавщица.

- Что, тетя? - заторопился он к ней.

- Иса, дорогой, сбегай в камеру хранения и принеси красную сумку с товаром... Подожди, на, возьми за услугу, - женщина протянула десять рублей.

Мальчик просиял от удовольствия.

- Я мигом.

Иса торопился. Он активно двигал руками и ногами, чтобы проложить себе дорогу сквозь тесную людскую толпу. Сегодня он заработал ровно столько, чтобы купить килограмм мяса. Он выберет лучший кусок для больного отца, которому врачи рекомендовали все самое жирное. Иса больше не в силах смотреть, как он с каждым днем угасает.

А что делать?

Ему всего лишь пятнадцать лет, мать неотступно находится при больном, ухаживает за ним, а он не может заработать больше, чем на еду. Он видел, как его сверстники вместе со взрослыми зарабатывают на наркотиках, выпивке или просто занимаются воровством. Это претило ему. Отец много рассказывал о жизни и смерти. Говорил, что все земные трудности -это испытание веры. Глядя на отца, у Исы сжималось сердце, и он невольно задавался вопросом: «А не многовато ли испытаний на нашу долю и не слишком ли затянулось испытание веры?»

Иса не успел добежать до камеры хранения, как его оглушил адский грохот взрыва, и он отлетел в сторону, больно ударившись об угол лавки. Сначала он ничего не слышал, лишь видел, как люди, топча друг друга, в паническом страхе убегали от чего-то ужасного. Затем внезапно слух вернулся к нему.

Еще взрыв... В небо взлетали куски досок, осколки и части человеческих тел. Огонь, дым... Люди обезумели от страха, не зная куда бежать, спрятаться,

откуда падают смертоносные ракеты и будет ли им конец.

Иса вскочил и, раскачиваясь, как пьяный, побежал вперед, слившись с людским течением. Но выбраться из этой сутолоки оказалось не так просто. Шла что ни на есть настоящая борьба за выживание: сильные топтали слабых и по их распростертым телам пробирались к спасительным укрытиям.

Иса тоже разделил участь поверженных слабых, но ему чудом удалось отползти в сторону, под разбитый прилавок. Он перевел дыхание. Что-то больно упиралось ему в живот, и он, повернувшись на бок, вытащил предмет, мешавший ему лежать, и тут же в страхе отпрянул назад: перед ним лежала рука, оторванная ниже локтя, вся в крови и... в бриллиантах. Все пальцы руки были нанизаны драгоценными кольцами, по два, три на каждом. Иса даже узнал эту руку по огромной родинке на запястье: она принадлежала продавщице золотых украшений. Он многих из них знал в лицо, потому что долго любовался красотой ювелирных изделий, интересовался ценами, втайне мечтая однажды подарить матери одно из этих чудесных колец.

Иса с отвращением отполз от страшной находки и, не в силах оторвать от нее взгляд, неподвижно замер. Солнечные зайчики заиграли на камнях, переливаясь всеми цветами радуги и завораживая взгляд оцепеневшего мальчика. Говорят, что блеск золота отравляет душу и разум человека и начинается внутренняя борьба добра и зла.

Так или иначе, они возымели гипнотизирующее действие и на него. Но не алчность руководила его стремлением заполучить драгоценности. Голова

кружилась от вихря мыслей и сомнений.

«Аллах испытывает нашу веру», - звучали в ушах слова отца. А затем мольбы матери: «О Аллах, внимли моим молитвам, дай исцеление мужу и продли его жизнь!»

Если он не подберет, то другой воспользуется ими ради наживы. А им, Исой, двигают благие намерения, он хочет спасти отца от смерти, вывезти его на лечение в Москву. А для этого ему нужны огромные деньги.

И вот эти деньги и спасение лежат перед ним, а он не может просто протянуть оледеневшую от страха руку и взять их. Он никогда не простит себе эту слабость, если отец умрет от одолевавшего его недуга... Видит Аллах, он никогда не зарился на чужое и зарабатывал свой кусок хлеба честным трудом.

Мальчик оказался в положении одного правоверного из легенды, который посреди океана ждал от Всевышнего спасения. К нему три раза подплывала лодка, предлагая помощь, а он все отказывался, уповав на помощь свыше. Он умер и, представ перед Всевышним, пожаловался: «Я так ждал и так верил в Тебя!» На что Бог ответил: «Я три раза посылал тебе помощь, а ты все время отвергал ее».

Может, это тот случай? Но какой ценой!

Иса уже не видел и не слышал, что творится вокруг, он разрывался на части перед выбором между честью и бесчестьем. Мальчик бессильно заскрежетал зубами и, разорвав цепь сомнений, схватил «бриллиантовую» руку и бросился прочь от этого проклятого места. Он бежал сломя голову, спотыкался, падал, но, не чувствуя боли, снова вскакивал, крепко прижимая к груди кровавую находку.

Иса даже не понял, как очутился дома. Запыхавшись от безумного бега, он ворвался в дом, весь растрепанный, в крови. Одежда на нем висела лохмотьями, глаза лихорадочно сверкали от пережитого страха и дикого поступка, совершенного им и не вполне еще осознанного.

- Сынок! - подбежала к нему мать. - Я так волновалась за тебя! Что там случилось? Что это были за взрывы?

Сын стоял как вкопанный и глядел на нее отрешенным взглядом.

- Да ты весь дрожишь. ...и в крови! - запричитала она, ощупывая его. - Ты не ранен? Но ... что это? - только теперь она заметили ужасную находку в руках сына.

Иса вздрогнул... Мать вскрикнула и в страхе отшатнулась от него: глаза ее были широко раскрыты, губы побелели.

Дверь открылась, и на пороге появился отец. Услышав испуганный вскрик жены, он, хватаясь за стены и еле передвигая непослушные ноги, вышел на шум.

- Что за крики? - слабым голосом спросил он и беспокойно взглянул на жену и сына. Взгляд его упал на окровавленную руку, и в первую минуту он даже не понял, что это. На лице сына не было ни кровинки, он стоял бледный и потерянный.

- Ты ранен? - близоруко прищурился бедный отец. - Подойди сюда... Что ты стоишь, мать, помоги мальчику...

Но она не шелохнулась, а сын испуганно уставился на него. Отец почувствовал что-то неладное.

- Да что это с вами такое?... - и тут он понял все. Бедняга от неожиданности ошолбенел. — Что это?

Ему никто не отвечал.

- Что замолчали? Я вас спрашиваю?

Иса беспомощно взглянул на мать, ища в ней поддержку, но она как будто превратилась в холодную льдинку. В глазах ни тепла, ни сочувствия, ни любви.

- Отец! Я... я... - пролепетал он охрипшим голосом.

Он видел, как у отца подкашиваются ноги и он вот-вот упадет. Сын бросился ему на помощь.

- Не подходи ко мне! - в ярости прошипел отец.

Иса замер.

- Отец, - снова заговорил он, - я хотел помочь тебе, вылечить... Я случайно... наткнулся на нее... - мальчик запинался и не знал, что делать со своей находкой и нелепо держал ее. - Клянусь Аллахом, я только хотел... спасти тебя... от смерти.

- Не упоминай имя Аллаха, отступник! Ты... хотел спасти меня? - голос отца прерывался от боли и страдания. Он закрыл лицо руками, и из его иссохшей груди вырвался глухой стон. - Ты... убил меня!

Силы оставили больного, и он рухнул на колени. Наступила тишина, слышны были лишь всхлипы матери, забившейся в угол, и учащенное дыхание отца.

- Ты убил меня! - снова и снова повторял он сквозь сиплое дыхание. И вдруг уничтожающим взглядом посмотрел на сына. — Ты не мой сын...

Иса похолодел от ужаса.

- Женщина! - повернулся отец к съежившейся от горя матери. - Это не мой сын... Мой сын не мог так поступить... Это не моя кровь... — опираясь на дверь, он с трудом встал на ноги и указал рукой на дверь. -

Вон из моего дома!

Иса попятился к дверям.

- Вон! - из последних сил выкрикнул отец и бессильно упал на пол, задохнувшись от нового приступа кашля. На губах появились капли крови.

Иса выскочил из дома и, как угорелый, понесся обратно на место трагедии. Он задыхался от стыда и раскаяния за содеянное, от обиды, что не поняли его сыновних порывов, от горя, что отец отверг его, сына, который любил отца и готов был умереть ради него. Слезы ручьями текли по его лицу, он проклинал себя за то, что вообще родился на этот свет. Он, который считал себя настоящим мужчиной, кормильцем и опорой для родителей, сейчас бежал что есть силы по улице и плакал навзрыд. Никто из прохожих не удивлялся его слезам, не шарахался от него при виде кровавой ноши в его руках. Многие плакали в этот день и навидались жутких картин.

Две российские ракеты класса «Земля - Земля» с разрушительной силой ворвались в безмятежную жизнь базара и оставили после себя ужасные последствия. Раненых спешно отправляли в больницы, а погибших складывали на площади в один ряд. Иса решительно зашагал в эту сторону. Он внимательно вглядывался в лица погибших женщин, отыскивая среди них хозяйку «бриллиантовой» руки. Лица многих были обезображены и просто неузнаваемы. Но он все равно нашел ее. Она лежала, устремив безжизненный взгляд в синее небо. Лицо опухло, один глаз потек. С трудом, но он узнал ее. Так и есть - это она. Не хватает правой руки.

Рядом с убитой сидела женщина, сломленная горем. Ее мать.

- Тетя! - тихо позвал он.

Женщина подняла заплаканные глаза. Мальчик положил возле убитой ее оторванную руку и, не глядя на мать несчастной, тихо заговорил.

- Я знал ее, а это... - указал он глазами на руку, - случайно нашел и узнал по родинке... Пусть Аллах смилостивится над ней! И... надо мной...

1999 год

ЦЕНА ЖИЗНИ

Они лежали ничком на земле и не смели ни двинуться, ни шелохнуться: холодное дуло автомата и думать об этом не позволяло. Счет времени был потерян. Тело онемело от неподвижности, и страшно ныли кости от недавних побоев.

Ночью сделали облаву на их село, и вот они здесь, у самого леса. Полураздетые, в холодное осеннее утро на сырой земле. Их человек двадцать вместе с подростком, который посинел от холода и пытался справиться с дрожью.

Отец сурово взглянул на сына:

- Ты что дрожишь?

- Холодно, - еле выговорил мальчик оледеневшими губами.

- А они подумают, что ты испугался, - кивнул он в сторону солдат.

- Я их не боюсь, дади, - зло сверкнул глазами сын и часто задышал.

- Разговорчики там! - донеслось до них. Опять потянулось время напряженного ожидания. Утренний туман рассеялся, солнце неуверенно выглянуло из-за туч и тут же скрылось, словно испугалось увиденного.

Лечи вдохнул пряный аромат травы, доживающей свое цветение.

- Подумать только, - тихо проговорил он, - не успел пройтись хозяином по дедовскому ирзо, а оросил его уже своей кровью и, видать по всему, сложить мне здесь голову...

Он не успел закончить свою горькую мысль.

- Не облажайся, - донеслось до его слуха. - Ирзо не примет твою кровь и никчемную жизнь! Это земля моих отцов.

Лечи по голосу узнал своего заклятого врага из рода аллерой Юнуса. В 1991 году Чечню захлестнула тейповая и земельная лихорадка. Некогда конфискованные советской властью частные земли крестьян своевольно возвращались им по собственной инициативе, что сопровождалось кровавыми распрями и тейповыми раздорами.

- Была вашей - стала нашей, - не преминул уколоть его оскорбительным словом Леча. - Будь вы мужчинами, отстояли бы свою землю.

- Прекратите оба, - в гневе зашипел на них Сулейман, оказавшийся свидетелем их перебранки. - Стыдитесь... Будь вы мужчинами и имей хоть чуточку ума, не вертели бы колесом нашу родную землю и не оказались бы мы сегодня здесь, распластавшись на ней, как ковры на сушилке.

Оба спорщика замолкли.

- Дади!

Хамзат повернул голову к сыну.

- У меня живот свело, что мне делать?

Отец посмотрел в сторону солдат. Те бдительно стояли на страже.

- Слышишь, солдат? - окликнул он одного из них.

- В чем дело?

- Разрешите мальчику сходить по нужде.

Солдат окинул побледневшего парня.

- Давай отпустим его, - обратился он к своему товарищу. - Ведь совсем еще мальчонка.

- А что скажет начальство? — тихо ответил тот. -
Как мы им объясним его исчезновение?

- Может, не заметят?

- Как же, не заметят! Ты что, нашего лейтенанта не знаешь?! От его острых глаз ничто не укроется. И нас вздернет на первом суку и помолиться не даст.

Солдат на секунду задумался и решительно кивнул головой.

- Будь что будет, отпущу его... Эй, малец, - повернулся он к мальчику, - можешь идти... и не возвращаться.

Мальчик встал и юркнул в лес.

- Зря ты его отпустил, - проследив за ним взглядом, вздохнул солдат. - Попадет тебе. Ты его пожалел, а кто над тобой сжалится? Ведь мы на войне.

- Да ладно тебе, - отмахнулся тот. — Может, это и война, но мне непонятная. И вообще, человечность никогда и нигде еще не являлась плохой чертой... У меня дома младший братишка примерно его возраста.

Минут через пять вдруг послышался треск ветвей. Солдаты вздрогнули и приготовились к бою. Из лесу показался тот самый мальчик, которому они великодушно предоставили возможность бежать.

- Ты что, — охнул солдат-благодетель, - не мог найти дорогу домой? Ты зачем вернулся, мальчик?

- Я не мальчик, я - мужчина, - буркнул в ответ тот и опять распластался на земле рядом с отцом.

- Ты зачем вернулся? - задал тот же самый вопрос Хамзат на чеченском языке.

- А как бы я объяснил дома свое возвращение? - вопросом на вопрос ответил сын. - Когда забирали, им показалось, что я мужчина, а впоследствии убедились в обратном? Так, что ли?

- Долго еще будут нас так держать? - не выдержал юноша восемнадцати лет. - Сил больше нет так лежать.

- Потерпи, - утешил его сосед по несчастью, - ничто не вечно под луной.

Молодой человек тихо вздохнул.

- А знаешь, что меня больше всего гложет? - через какое-то время снова тихо заговорил он.

- Что?

- Когда солдаты ворвались в дом и забирали брата, я был с бабушкой в соседнем доме. Меня схватили прямо в постели и, полузадушенного, поволокли через сад, бросили в машину и заткнули рот кляпом... Я слышал, как мама бросилась за старшим братом, не догадываясь, что младшего уже взяли, - у парня на глаза навернулись слезы, голос предательски задрожал. - Она так и не узнала, что я схвачен и... не звала меня по имени, не плакала по мне...

- Может, оно и лучше, - прошептал лежащий рядом сосед, - а то ее бедное сердце не выдержало бы сразу два удара. А где твой брат?

- В конце ряда.

По ряду прошел легкий шорох.

- Они возвращаются!

- Кто? - не понял парень.

- Начальство.

Из лесу шумно вышли офицеры в окружении солдат.

- Ну, - окинул колючим взглядом лейтенант беспомощно лежащих чеченцев, - отдохнули? Теперь в путь. Всем встать!

Несчастные с трудом выпрямились и встали в ряд.
- Руки за голову... Ковальчук, води их на условленное место.

-Есть!

Почти у всех пленников промелькнула одна и та же жуткая мысль: «Ведут на расстрел». Но они ошиблись. Их погнали по узкой лесной тропинке, и вскоре они прибыли на место, где стояли огромные емкости для нефти.

- Залезайте по одному, - скомандовал офицер и прикладом автомата подтолкнул первого к железной дверце массивного котла. Остальные послушно последовали за ним. Последним оказался мальчик, не пожелавший сбежать еще там, в лесу.

- Товарищ лейтенант, разрешите обратиться! - раздался нерешительный голос солдата.

- Разрешаю.

- Может, отпустим парня, ведь мальчонка совсем...

- Ты где находишься, рядовой Ерохин? - повысил голос офицер.

Солдат вытянулся стрункой и вдруг звонким голосом отрапортовал:

- На территории Чеченской Республики, субъекте Российской Федерации, где выполняю интернациональный долг по защите мирного населения от бандформирований и иноземных террористов.

Лейтенант сверил его долгим изучающим взглядом.

- Похвально, похвально, но на что вы намекаете?

- В данный момент я вижу перед собой беззащитного мальчика, а не врага.

- А устав что гласит насчет исполнения приказа командира?

- Приказы не обсуждаются, а беспрекословно выполняются.

- Ну так действуйте по инструкции, рядовой Ерохин, и не забываетесь.

Но мальчика рядом уже не было: не слушая их, он давно присоединился к остальным. За ним лязгнула железная крышка, и в кромешной тьме, спотыкаясь, он пошел на голос отца и устроился рядом с ним. Хамзат воспользовался темнотой и крепко прижал худощавое тело сына к груди. Зря он не настоял на его возвращении, но уже поздно. Мальчик страдал от астмы и теперь обречен на смерть. Хотя емкости для нефти давно пустовали, но запах сохранился и был смертелен для больного. А сколько их тут продержат? И выпустят ли вообще?

Все молчали, и лишь дыхание и легкое покашливание выдавало присутствие людей.

- Зачем нас сюда привезли? - прозвучал вопрос в темноте. - Могли бы и там, на месте расстрелять.

- А ты что, так и не понял? - ухмыльнулся другой. - Кайф ловить. Раз мы не боевики, значит токсикоманы. Так что, дыши глубже и балдей дольше.

- Надо было там же, в лесу, наброситься на этих солдафонов и сбежать. Их всего было ничего, а нас вон сколько... лежали и спины грели ... как на пляже в Сочи.

- Тоже мне, Джеки Чан выискался, - с издевкой начал другой, - говорить - одно, а делать - другое.

- Да, мы героизм проявляем тогда, когда дело касается чего-то личного. Помните, какие страсти разгорелись между родами, когда землю делили... Вот это была борьба! Сулейман, расскажи. Хоть посмеемся

перед смертью.

- А ну, тихо, - раздался предостерегающий шепот.

- Слышите?

Все напрягли слух.

Снаружи беспокойно забегали военные. Там что-то происходило. Теперь отчетливо стали слышны голоса.

- Я понял, - тихо проговорил кто-то в бочке, - это наши женщины пришли на выручку.

.. Лейтенант и бровью не повел при виде толпы женщин. Это не первый спектакль за время его службы здесь, в Чечне: женщины кричат, плачут, умоляют, протягивают грудных детей. Что они только не делают, чтобы отпустили их мужей, сыновей, братьев?! Иногда это им удается.

Офицер презрительно выпятил грудь и занял выжидательную позу. Но что-то заставило его насторожиться: толпа надвигалась непривычно дерзко, самоуверенно. Он мысленно сосчитал численный состав солдат - пятнадцать. Маловато. Но скоро должно подоспеть отделение сержанта Горохина.

- Смотрите, товарищ лейтенант, женщины скачут на лошадях! - охнул один из солдат.

- Красная Армия пожаловала, - офицер криво усмехнулся.

- Откуда у них лошади?

- Они же горные жители, и эти животные - главный транспорт передвижения для них.

- О Господи, да они вооружены до зубов, - растерялся сержант и посмотрел на реакцию командира. Тот стоял, лихорадочно размышляя о надвигающейся грозе.

- Они стрелять-то из них, наверное, не умеют, - постарался он казаться спокойным.

Толпа женщин быстро приближалась. Здесь не наблюдалось ни привычной истерики, ни паники, ни слез, ни выкриков - это была не стихийная, а вполне организованная атака отчаявшихся людей. Впереди уверенно гарцевали всадницы.

- Командир, что будем делать? — опять подал голос сержант.

- Сохранять спокойствие. В крайнем случае, стрелять... по моему приказу.

- Стрелять... в женщин? - дрогнувшим голосом спросил рядовой Ерохин.

Офицер лишь зло взглянул на него и смачно сплюнул в сторону.

От толпы отделилась одна всадница и величественно подняла руку, призывая к порядку. Все остановились, и наступила гробовая тишина.

- Ну прямо Жанна д'Арк! - неловко пошутил сержант. Никто не засмеялся.

- Где наши мужчины? - прозвучал вопрос, который эхом прокатился по ущелью.

- Здесь они. Живы и здоровы, - офицер кивнул в сторону котла.

- Они что вам, нефтяные отходы? Немедленно освободите их!

- Езжайте обратно, бабы, и пришлите более достойных послов.

Люди недовольно загудели. Женщина опять подняла руку, успокаивая взволнованную толпу.

- Мы не бабы, офицер. Бабы и мужики у вас в России. Мы-женщины-горянки, и прошу вас вести себя подобающим образом. Вы требовали выкуп за наших

мужчин — по барану за каждого.

Лейтенант был ошарашен происходящим и не нашелся, что сказать.

- А где бараны?

- Покажите наших мужчин и получите выкуп. Хотя мы и женщины, но дети гор, и умеем держать слово.

Пленникам, заточенным в бочку, все было слышно, и они сидели, удивленно разинув рты.

- Вот как, - недовольно заворчал Лечи, - оказывается, моя жизнь оценивается в стоимость барана. Вот почему во времена идолопоклонничества человека приносила в жертву богам. А я-то метил себя к потомству львов.

- Не отчаивайся, мы принадлежим к их семейству, только стали мельче - превратились в кошек.

Тем временем люк со скрежетом открылся, и их вывели на божий свет. Хамзат поднялся последним, таща за собой задыхающегося сына.

- Что с ним? - бросился ему на помощь Сулейман.

- У него астма, - тихо ответил отец.

- И ты молчал? Ведь он мог умереть?

- Мы все могли погибнуть.

Лейтенант подошел к ним.

- Идите, - сухо, сквозь зубы процедил он.

Усталые, изможденные, они заковыляли к своим спасительницам и вскоре растаяли в гуще людей.

«Эх, - думал лейтенант, наблюдая за довольной своей победой толпой, - будь нас чуть больше, я показал бы вам, где раки зимуют! Чертов Горохин! Где тебя носит?»

- А вот ваши бараны. Принимайте!

Толпа мгновенно расступилась, и он чуть не задохнулся от увиденного - перед его изумленными глазами предстало отделение Горохина во всей своей красе: обезоруженное, связанное по рукам, пьяное в доску.

-Лейтенант, Серега, братишка, мы прибыли в твоё распоряжение, - лопотал Горохин непослушным языком.

- А трофейное оружие мы пока оставим у себя, - на ходу крикнула «амазонка» и вызывающе помахала автоматом.

Какой позор! Лейтенант готов был придушить Горохина и смерил его уничтожающим взглядом. Но ещё больше удивил его Ерохин.

Солдат освободился от навешенного на него оружия и подбежал к восседавшей на коне женщине.

- Постойте, можно вас спросить?

Та удивленно повернулась к нему:

- Что вам надо?

- Скажите, - солдат даже побледнел от волнения, - вы не из Алхазурово?

- Допустим.

- Живет ли там Магомадов Сулейман?

Женщина нахмурилась:

- А зачем вам это знать?

- Понимаете... я... я - его сын, — выпалил он тихо и добавил: - И приехал-то сюда, чтобы разыскать его...

Она сначала изумленно вскинула брови, а затем от души засмеялась.

- Да вон же он! Целый день издевался над ним, в бочке душил и не узнал! Вы даже похожи друг на друга... Сулейман! - окликнула она немолодого мужчину.—У тебя здесь сын объявился!

Сулейман вздрогнул. Детей у него не было, все они умерли в младенчестве, и жену схоронил два года

назад. А тут вдруг, как снег на голову, взрослый сын! Грех давней молодости... Вспомнился Томск, хрупкая Надя, Киевская улица, прощание на вокзале...

Они смущенно смотрели друг на друга.

- Я из Томска, - пролепетал солдат. - Надю помните?

- Ты Адам... - прошептал Сулейман.

- Да, я Адам Ерохин.

- Здравствуй, сын!

- Отец!.. Я так долго шел к тебе!

Адам знал, что по обычаям чеченцев отец и сын при людях не обнимаются, не проявляют чувства, и еле сдерживал свой порыв.

- Пойдем домой, - отец зашагал вперед.

- Ерохин, что это значит? - раздался грозный голос командира.

Солдат посмотрел на него просиявшим лицом.

- Это значит, товарищ лейтенант, что я дома, с моим народом, чего и вам желаю от чистого сердца, - и, повернувшись к нему спиной, зашагал прочь. Вдруг, спохватившись, вернулся, подобрал с земли брошенное им оружие. - Война не кончилась, может пригодиться, - подмигнул он побелевшему от злости командиру и побежал за отцом.

Лейтенант в гневе схватился за пистолет и прицелился ему в спину.

- Не надо, командир, - тихо предостерег его подоспевший сержант. - Вы все испортите. Они не простят вам этого выстрела... Кавказ всегда остается Кавказом.

2000 год

НЕВЕСТЫ НА ВЫДАНИЕ

Всеми уважаемый в селе мулла Магомед каждую пятницу, в день рузбы, рассказывал собравшимся в мечети правоверным мусульманам чудесные истории из жизни пророков и праведников, читал отрывки из священного Корана и тут же переводил их на родной язык, приводил примеры из жизни и учил извлекать уроки из прошлого. Он был прирожденным оратором, способным тронуть сердца слушателей, и говорил ровным, бархатным голосом.

После совершения намаза все собравшиеся встали с позволения муллы и вышли во двор мечети. То, что они увидели, заставило их вздрогнуть. Двор сельской мечети был заполнен толпой незнакомых женщин: несколько пожилых, остальные все молодые девушки, красивые, стройные. По тому, как они держались и были одеты, легко можно было догадаться, откуда они прибыли; высокий стан, гордая осанка, простенькие, длинные до пят платья - это горянки. Потупив взор и стыдливо прикрывая лица, они стояли, низко склонив голову. Горянки. Без сомнения. Но зачем они здесь? Что побудило их проделать такой длинный и небезопасный путь?

Женщины терпеливо ждали, когда с ними первыми заговорят мужчины. Эту честь предоставили мулле Магомеду, который неторопливо вышел из мечети. Мужчины почтительно расступились перед старейшиной, и он нетвердой походкой направился к самой старшей из женщин.

- Добро пожаловать, женщины! - приветливо обратился он к ним. — Да будет ваш приезд свободным! Судя по всему, вы приехали издалека, и, думается, довольно веская причина вынудила вас оставить свои очаги и проделать такой длинный и, по нынешним временам, опасный путь. Чем мы можем вам помочь? Мы сделаем все, что в наших силах. Говорите.

Наступила тишина. Женщина справилась с овладевшим ее волнением и окинула собравшихся здесь людей печальным взглядом.

- Да ниспошлет Аллах вам и вашим детям свою милость и благословение, - заговорила женщина. — Вы правы, мы проделали длинный путь не ради потехи. Большое горе привело нас к вам, чужим людям. Война вошла в каждый дом, принесла горе и страдание всему живому. Но особенно немилостива война-мачеха к нам, жителям горной Чечни. Мы все вытерпели: голод, холод, непрерывные обстрелы... Кладбища наши переполнены, мы не успеваем хоронить наших погибших. Молодые ребята взяли за оружие и ушли в леса, чтобы отомстить за поруганную честь и достоинство. В аулах остались лишь немощные старики и... вот эти девушки, она указала рукой на сгрудившихся девушек, побледневших от волнения и усталости. - Некому больше заступиться за них, позаботиться. Военные совсем обнаглели. Они силой увели двух девушек нашего села в неизвестном направлении. Их матери обезумели от горя, женщина на минуту смолкла, слезы душили ее и, немного успокоившись, продолжала с мольбой в голосе.

- Люди добрые, не поймите нас превратно и не судите строго. Я привела этих девушек... в качестве невест... Мы не требуем за них калым, достаточно простых формальностей по шариату. Поверьте, мы пришли к этому

унизительному решению, переборов в себе достоинство и гордыню, нарушив вековые традиции наших отцов. Эти девушки любили и были любимы, но время распорядилось по-своему. В минуту отчаяния эти несчастные даже хотели наложить на себя руки, но испугались гнева Всевышнего. Наложить на себя руки - значит, отступить от Аллаха. Вы - наши судьи и в ваших руках судьба этих девушек.

Женщина кончила говорить. Притихшие девушки стояли поодаль и не слышали, о чем говорят старшие, но догадывались, о чем идет речь. Они страшились общественного мнения о них и с трепетом ожидали свой приговор.

Среди мужчин пронеслось легкое оживление. Это был первый подобный случай в истории чеченского народа и потому привел присутствующих в замешательство. Мулла Магомед задумался. Он призвал себе на помощь весь свой жизненный опыт и мудрость, пытаясь найти верное решение. Все ждали его последнего слова.

И вдруг в этой напряженной тишине послышался чей-то пискливый, скрипучий голос. Это был шестидесятилетний старик Саид, известный в селе болтун и скряга.

- А что? Неплохое предложение, односельчане. Лишняя жена никому не мешает. Прокормить их мы в силах... Прямо сейчас выберем себе по душе и... - бессвязно говорил он и даже сделал шаг в сторону растерявшихся девушек. Эти слова прозвучали для них как пощечина.

- Стой, Саид! - остановил его властный, гневный оклик муллы Магомеда. - Стыдись... Ты позоришь всех нас перед нашими гостями. Что они могут подумать о

нас? Что мы воспользовались их горем и втоптали в грязь честь? Нет. Мы не настолько низко пали. Наши обычаи и традиции спасали наш народ в любых ситуациях, оберегали нас от всего низменного и чуждого. И благодаря тому, что мы свято чтим и следовали им, мы сумели выжить и сохранить свою самобытность... Ты сказала, женщина, — продолжил он, обращаясь к гостье, - что вы пришли к чужим людям. К незнакомым - да, но не к чужим. Горе сплотило нас, и мы стали как одно целое. Чужих нет, все здесь свои. Вы правильно поступили, приехав к нам. Эти девушки не только ваши и наши, но и дочери всего чеченского народа и наша общая боль. И мы примем их, как родных дочерей. Пусть здесь проживут, сколько надо, они найдут опору и заботу... А насчет замужества... Парни у нас хорошие - может, встретят свою судьбу. Но в одном можете быть уверены, мы их никому в обиду не дадим.

В толпе пронесся одобрительный гул.

- А тебе, Саид, — обратился мулла к обескураженному «жениху», — все неймется. Дома две жены, куча детей, а еще и на третью заришься? Видно, до тебя не доходят все мои нравоучения. Ну ничего, Аллах тебе судья, - затем он повернулся к притихшим женщинам. - Сейчас за вами придут наши женщины. Ни о чем не беспокойтесь, все будет хорошо.

Девушки благодарно взглянули на него. Они облегченно перевели дыхание, будто у них гора с плеч свалилась. Самое тяжелое испытание они преодолели, не запятнав свою честь и достоинство. Они опять уверовали в завтрашний день, в хороших людей и в силу прекрасных обычаев своего народа.

1995 год

ЗАПОЗДАЛАЯ ПУЛЯ

-АгузубиллаахИминаш-шайтТоонир-рожим.
БисмиллахИirroхъмаанир-рохъиим... - с неподдельной чистотой звучал в лесной чаще голос, от которого веяло праведностью. Затем нежный тембр переходил в полусшепот, будто уступая место птичьей трели, сливающейся в оркестр мироздания. Все живое с упоением окунулось в сладостный нектар жизни. Ласковая весна робко вступила в свои права и щедро одарила все живое вокруг теплом и красотой.

Седобородый старик склонился к самому роднику, струившегося живительным молоком из недр кормилицы земли, и неторопливыми движениями совершал ритуал омовения перед полуденной молитвой. Некогда рослое и стройное, тело теперь согнулось в три погибели и поддерживается верным дорожным спутником - посохом. Лицо, окаймленное глубокими морщинами, выражает тихую грусть и покорность, а меж глаз пролегает ложбинка избитой судьбы.

Вахид часто бывал на этом месте, так же, как сегодня, становился перед столетним буком и совершал молитву. Это дерево он воспринимал как живое существо и, бывало, вслух делился с ним своим самым сокровенным. А бук молчаливо слушал, расправив могучие плечи, иногда, в знак согласия, шумно раскачиваясь от потоков шаловливого ветра.

Вахид сегодня не может сосредоточиться и обратиться мыслями к Аллаху. Что-то недоброе, холодное тяготеет над ним. Он далеко не молод.

Восемьдесят девять лет. Шутка ли? А жизнь его не баловала. Детство и отрочество прошли в лихие годы становления Советской власти, когда над осиротевшей страной витали ленинские идеи. Затем Великая Отечественная война, где он выказал завидную доблесть. А как он бился с ненавистным фашистом, посягнувшим на их родную Советскую землю! Тогда Родина была общая, и кровь за нее проливали все вместе.

А когда в 1944 году узнал, что его несчастный народ с корнем вырвали из родных мест и погнали на чужбину, с позорным клеймом «изменник Родины», он чуть с ума не сошел. Молодой чеченец рвался в самую гущу сражений, показывая безрассудную храбрость, пытаясь заглушить в себе обиду и отчаяние. Вспомнил, как всем полком защищали его от посягательств на его достоинство и представляли к боевым наградам под чужой национальностью.

Да, тогда не страшно было идти в бой, потому что рядом всегда чувствовалось надежное плечо друзей-однополчан и они были как единое целое. Вахид узнал на той войне ребят стольких национальностей!.. Он даже не подозревал о существовании таких народов.

- Аллах!умма а!т!ни китаби бийямийни ... -струйка родниковой воды скользнула до локтя вытянутой правой руки - натруженной, со вздутыми жилами, выпирающим из-под кожи, как струны на дечиг-пондуре⁸. Лет шестьдесят назад он мог бы похвастаться их исполинской силой. Как сейчас помнит, в 1943 году, под Курском, он на этих вот руках вынес из окружения своего смертельно раненого товарища.

⁸ Дечиг-пондур - национальный трехструнный музыкальный инструмент.

И, странное дело, за всю войну, где ему доводилось участвовать в самых ожесточенных боях, он не получил ни малейшего ранения. «Пуля смелого боится», - подшучивали над его неуязвимостью боевые друзья.

Сегодня майский праздник - 9 Мая, День Победы. Раньше, кажется сто лет назад, до этой заварухи, он ежегодно отправлялся в далекое путешествие, в Москву, где его ждала незабываемая встреча с однополчанами. И каждый раз старик возвращался оттуда домой помолодевшим, полным сил и энергии. Сколько лет он их не видел! Даже во сне зовет их. Но не может дозваться. Эта проклятая война, как затянувшаяся гнойная рана, оборвала все нити жизни, связывавшие с внешним миром. Теперь больше никуда не приглашают: его из славного героя-орденоносца «возвели» в ранг бандита и террориста.

Эта война намного тяжелее той, далекой Отечественной. Там хоть знали врага в лицо. А тут не разберешь, между кем идет война, за какие идеи, во имя чего погибает столько людей.

Вахид отложил в сторону снятые носки и вдруг под босой ногой почувствовал слабое шевеление: «Наверное, муравей или другое насекомое». Осторожно поднял ногу. Но нет, ни то, ни другое. Это был изогнутый кольцом стебелек хрупкого растения, рвущийся к новой жизни. Старик наклонился и чуть размягчил почву вокруг него. Сколько же упорства понадобится слабому растению, чтобы вот так вот раздвинуть затвердевший грунт земной коры и выбраться наружу, к солнечному свету! Сколько же в нем силы воли и жажды жизни!

Да-а, на все воля Аллаха.

Вахид закончил омовение и
выпрямил

непослушное тело. Что-то ему нехорошо сегодня. И всякие мысли лезут в голову. Чего доброго, если станет ему плохо, или еще хуже - умрет, его не скоро найдут. В лес никто не смеет сунуться: везде расставлены мины, всюду разбросаны неразорвавшиеся снаряды и ракеты. Сколько молодых ребят, ушедших за дровами, полегло тут или просто пропало без следа! Лес превратился в гиблое место. А кому он, старый пень, нужен? С давних пор он совершает богоугодное дело: расчищает родники, обхаживает молодые саженцы, помогает попавшим в беду лесным обитателям. Сколько раз его отговаривали домашние от этих рискованных походов! Нет, он не может без леса!

Особенно без этого места у родника, такого дорогого сердцу. Его отец, дед и вековым буком и совершали намаз. И он свидетель их тайных исповедей.

- Бисмиллах! Иррохъ маниррахъийми, алхъамдулиллах! И раббил Иаламийн, аррахъ маниррохъийми, малики йовмиддий... — Вахид на мгновение задержал сложенные руки слева, поближе к сердцу, прислушиваясь к его гулкому биению. У отца было слабое сердце, что ускорило его смерть. И почему Аллах создал человека таким уязвимым? Вспомнил последние минуты, проведенные рядом с больным отцом. Дедушку, беспомощно глядевшего на столь рано умирающего сына, последней опоры на закате его жизни.

- ...ан! амта Иалайх! Им, г! айрилмаг! Изуби Иалайх! Им валадззоллийна... Аллах! у акбар... - старец лбом коснулся священной земли. В памяти воскресли живые образы друзей, с которыми он прошагал полземли, приближая День Победы. Наконец, дошли до

В лесу, среди деревьев, солдаты
охраняли пленного. Один из них
сидел на земле, а другие стояли
вокруг него, держа в руках оружие.

Солдаты стояли в лесу, держа
оружие. В переднем плане
написан портрет старика.

Берлина, и его ликующее «ура!» слилось в единый победный хор однополчан. С каждым годом их оставалось в живых все меньше и меньше. Редели ряды героев. В последний раз он ездил в Москву в 1993 году и встретил там из своих лишь рослого сибиряка Михаила, которого они прозвали Потапычем, узкоглазого бурята и неунывающего хохла Ивана. Как ему их не хватает! Интересно, живы ли они? Вспоминают ли его? Ну конечно, вспоминают, как же иначе!

- Аттахийатул мубаракатус
салаватут

ткьайбату, лиллахИи... - Вахид поймал себя на мысли, что вокруг вдруг установилась подозрительная тишина - внезапно оборвалось птичье пение, казалось, деревья «амерли в ожидании неизбежной драмы. Старик настороженно прислушался, но молитву не прервал. Он интуитивно почувствовал сзади чужое присутствие - будь он своим, то давно подал бы какой-нибудь знак.

... Их оказалось четверо. В маскировочных военных костюмах, лица тоже разукрашены в зеленый цвет - разведгруппа. Они молча обступили сидящего в молитвенной позе старца и уперлись в него любопытными взглядами.

- АллахИу акбар... - выпрямился ВахИд и снова повторил заученное движение.

- Ты смотри, старик даже не реагирует на нас - ноль эмоций!

«Он из Сибири, - машинально сделал для себя вывод Вахид, - окает, как Миша-Потапыч», - а вслух продолжил:

- ... АшхИаду аллаилахИа иллалахИу ва ашхИаду
анна Мухьаммадар расулуллахИи...

- Может, он глухой и слепой?

- Да нет, просто при молитве этих басурман ничем не отвлечешь, и они полны мыслями о своем Аллахе.

- И все-то ты знаешь!

- Нет, серьезно, я слышал историю от одного из их единоверцев, будто однажды некий мусульманин совершал молитву у реки, а в это время его малолетний сын упал в воду и начал тонуть. Его отец даже не посмотрел в сторону ребенка, жалобно взывающего о помощи, и закончил свой намаз. А малыш утонул...

-Дикий народ, дикая вера! - шепеляво протянул один из солдат.

- А вот сейчас мы посмотрим, насколько устойчива вера этого басурманина, - Вахид почувствовал прикосновения холодного дула автомата к виску. - Пристрелим его и тут же зароем.

- ... аллах!ума солли Iала Мухьаммадив ва Iала али Мухьаммадив ва саллим, - подходила к концу молитва старика. - О Аллах, Ты всемогущ и милосерден, защити нас от зла и коварства... Эти дети не ведают, что творят, прости их, образумь...

Патиха!

Бисмиллах!иррохьманиррохьийми... валадззоллийна, - провел он рукой по снежной бороде и только тогда поднял свои старческие, слезящиеся глаза на неожиданных гостей. Вахид долгим взглядом изучал каждого из них, ища в их лицах дорогие его сердцу знакомые черты своих далеких друзей-однополчан, и живых, и мертвых. Тот рослый здоровяк с гортанным говором удивительно похож на Мишку-Потапыча. В узкоглазом солдате искал своего бурятского друга, в других солдатах тоже находил до боли знакомые черты.

Может, они внуки или правнуки его друзей, с которыми они бок о бок прошли всю войну, подставляя

плечо друг другу? Неужели они с таким трудом шли к долгожданной победе, чтобы однажды дожить до этой братоубийственной войны?

Вахид не успел ответить своим мыслям: его оглушил выстрел. Земля пошла кругом, в глазах потемнело, все смешалось: та война, затем унижительная жизнь изгнанника родины, потом эта война с ее новыми потрясениями. Неужели ему еще придется держать ответ перед Всевышним Создателем за прожитую жизнь? Да разве это жизнь? В этом тленном мире он прошел все муки ада! Перед глазами вдруг отчетливо возникли образы друзей-однополчан с грустными, виноватыми лицами. Как он им обрадовался!

- И яму рыть не надо, вон воронка от снаряда, бросайте его туда и засыпьте землей, - смутно услышал старик голоса своих палачей. Его поволокли за ноги и небрежно толкнули куда-то вниз. Он несколько раз перевернулся и неуклюже распластался на дне воронки. Но, странное дело, он не чувствовал боли от пулевого ранения, а где-то далеко в глубине душе заныла другая боль, еще более мучительная... Почему? За что такой бессмысленный конец? В течение стольких ожесточенных боев за долгие годы Отечественной войны он не нашел смерть, не достала его вражеская пуля, а сегодня все-таки догнала. С запозданием на целых пятьдесят лет. И кем пущенная?! Но точно не фашистом. Эх, Россия! Не смогла ты защитить своих сынов-героев! И в каком государстве мы живем?

- Смотрите, он еще живой и что-то бормочет, - склонился над смертельно раненым стариком здоровый сибиряк.

- И что?

- Он говорит: «Дикая страна, дикие нравы»...

- Придурок... А что у него там из переднего кармана торчит?

- Какая-та железяка... Смотрите! - вдруг ахнул солдат.

- Да это же боевой орден Великой Отечественной... Ребята, мы уколошили ветерана, Героя Советского Союза...

- Да ладно тебе, эти туземцы и в войне-то не участвовали. Наверное, у кого-то на поезде спер или купил... Хватит, уходим!

- Он еще дышит, может, добьем дедулю...

- Нет, не будем поднимать лишнего шума. И так сдохнет, быстрее зарывайте, мы не должны оставлять следов.

И земля приняла еще одного сына, истерзанного этой жизнью и принявшего мученическую смерть. Теперь она никому не даст его в обиду. Дикая страна, дикие нравы!

2001 год

САМОСУД

Сегодня, чтобы доехать до нужной точки, требуется уйма времени и нечеловеческое терпение.

На дорогах Чечни военное положение сильно изменило простую арифметику о времени прибытия транспорта из пункта «А» в пункт «Б». Теперь между этим промежутком отсчета сплошные «Х». На каждом посту ты должен изобразить на лице довольную улыбку, произнести вежливые слова. Похвастаться паспортом, где подчеркивается, что тебе, «чечмеку», выпало огромное счастье быть гражданином России, предъявить документы на автомобиль и «по-братски» поделиться содержимым багажника.

Затем легкий пробег к регистрационному пункту, поздравление чинно восседающих «защитников» с благополучно прожитым днем службы у «черта на рогах», т.е. в ЧР, и пожелание им всех земных и неземных благ. Потом садишься в автомобиль, добродушно киваешь заботливому «защитнику» и, отъехав в сторону, выплескиваешь всю злость и раздражаешься проклятиями в их адрес.

И так до следующего поста.

Довершает картину невозмутимое шествие саперов по дороге, сопровождаемых боевой техникой. Ежедневный парад войск, демонстрирующий силу и мощь армии великой страны. За ними следом, как стадо провинившихся баранов, плетутся, уткнувшись в широкие штанины солдат, автомобили.

- Куда прешь? - осадил самого нетерпеливого служивый.

Водитель за рулем сунул ему под нос красненькое удостоверение.

- Я первый заместитель прокурора ЧР! - не без гордости произнес он.

- И что мне прикажете? - перебил его федерал и, широко перекрестившись, громко пробасил: - Молиться на вас?

-Я тороплюсь...

- Все мы спешим. Тише едешь - дальше будешь.

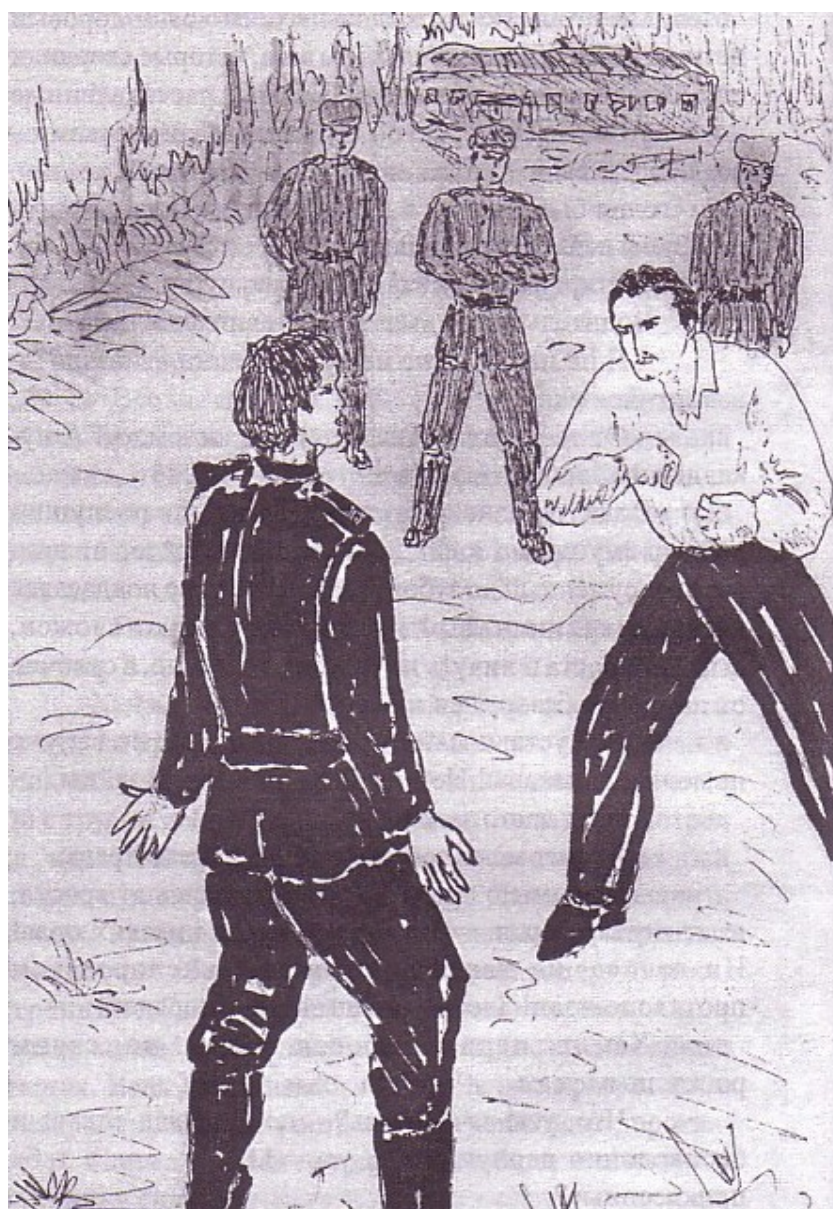
Через минуту перед его глазами замелькала бумажка, теперь уже купюра в сто рублей. Солдат удовлетворенно сверкнул глазами и, с ловкостью фокусника спрятав ее в карман, милостиво махнул рукой вперед:

- Господь услышал мои молитвы... Проезжайте с миром.

Хамид наблюдал за всем этим спектаклем и злился на проехавшего вперед человека. «Приучили к деньгам, - думал он с досадой, - и посадили на шею!» Он с трудом добрался до последнего поста и посмотрел на часы. Оpozдал. Сегодня решался очень важный вопрос, и он не успел к месту встречи. Дальше и спешить некуда. Эта дорога измотала его: частые остановки на блокпостах, бесконечные проверки, одергивания, утренний обход дороги саперами-минерами. Одни ставят мины, другие снимают - так сказать, военные учения. Ведь давно известно, что Чечню превратили в учебный полигон. Он остановился у обочины дороги.

Хамид открыл дверцу автомобиля и откинулся на спинку сиденья.

- Документы! - гаркнул подошедший военный.

Он устало посмотрел на него. Это был здоровый детина. Наглые пронзительные глаза, которые сверлили его ненавидящим взглядом. Широко расставленные ноги, автомат, за который он держался обеими руками - вояка всем своим видом показывал, кто здесь хозяин. Он сегодня был явно не в духе. Хамид молча протянул ему бумаги. Они были в порядке.

- Открой багажник! - там было пусто. - Ты пьян!

Водитель непонимающе уставился на верзилу.

- Я не пью и даже не курю. С чего вы взяли? - помутился он.

- От тебя пахнет алкоголем за километр! А ну-ка, дыхни...

Водитель заскрежетал зубами, но послушно дыхнул ему прямо в лицо. Он знал, чего ждет от него этот вооруженный до зубов бугай, и назло не поддавался на провокацию. Хамид тоже был крепко сложен, высокого роста и ничуть не уступал в силе, но, в отличие от него, был безоружен и бесправен.

- Что уставился? Волком смотришь, но вы уже не волки, а шакалы! Нет - зайцы, трусливые зайцы.

Хамид часто задышал.

- Хватит меня оскорблять! Не имеете права.

Я не имею права?! - задохнувшись от ярости, птиц пул федерал. - Это вы не имеете никаких прав! Ни голоса, ни взгляда, и чистый кислород вам противопоказан! Здесь мы ваш закон и порядок!

Хамид нервно провел рукой по своим роскошным усам.

- Что, усы зачесались? - не отставал солдат и беспардонно дернул его за ус. - Может, они у тебя приклеенные?

Хамид кипел от негодования. Он просил у Всевышнего терпения, которого ему и так еле хватило за целый день, но последней каплей стало то, что салдофон грубо толкнул его к машине и начал бесцеремонно обыскивать, сопровождая свои действия сочным мигом.

Чаша терпения переполнилась. Весь пунцовый от гнева, он решительно выпрямился, просверлил своего деспота с ног до головы горящим, ненавидящим взглядом и прошипел:

- Это тебе с рук не сойдет!

- Ой, боюсь, боюсь, боюсь! - скороговоркой пробасил тот в ответ и приставил автомат к груди. - Пикнешь и конец тебе!

Ситуация обострялась. Глазевшие на них солдаты, услышав перебранку, поспешили вмешаться.

Хамид, уняв свой гнев, обратился к ним.

- Где ваш командир? Проводите меня к нему.

Солдаты замешкались и под злым, властным взглядом своего товарища, виновника этой шумихи, опустили головы. Хамид понял, что они боятся своего строптивого сослуживца, и презрительно повернулся к ним спиной.

- Трусы вы. Армия называется!

- Пойдемте, - вызвался солдат с большим «фонарем» под глазом, что говорило о его упрямом характере и, не обращая внимания на лютый взгляд своего сослуживца, твердой поступью зашагал вперед.

Он многих таким образом достает, - по дороге рассказывал он.

- Видно и тебе досталось, - перебил его Хамид.

- Да, - потрогал тот синяк под глазом, — но не на того напал... Начальство однажды наказало его, но, как

видите, это на него не подействовало.

Командир внимательно слушал его, иногда прикусывая нижнюю губу, и смотрел на говорившего голубыми, ясными глазами. Когда он закончил свой рассказ, машинально провел рукой по лысине, посмотрел в окно и виновато проговорил:

- Извините, товарищ, мы накажем его по уставу, и больше такое не повторится.

Хамид полез в карман своего костюма и молча положил перед ним на стол толстую пачку американских долларов и ключи от своего автомобиля «Волга».

Офицер вопросительно взглянул на него.

- Я объясню, - сказал Хамид. — Эти деньги и машина - все, что у меня есть, и все это я дарю вам взамен на ваше разрешение проучить вашего подчиненного.

- Что вы хотите сказать? - опешил офицер.

- Я хочу ответить на оскорбление, нанесенное мне вашим солдатом, да так, чтобы он на всю жизнь запомнил этот день: драться, один на один, без оружия.

Офицер прошелся по комнате из угла в угол и после недолгой паузы повернулся к нему.

- Хорошо, я согласен. Но... без смертного исхода.

- По рукам!

...Это было необычайное зрелище: солдаты встали в плотный круг и внимательно наблюдали за происходящим. Никто из них не болел за товарища, и было видно, что все их симпатии на стороне незнакомого чеченца. Они оба были рослыми, мускулистыми. Хамид изо всех сил сдерживал свои эмоции, и лицо его стало холодным и непроницаемым. Его враг и теперь не переставал издеваться: паясничал, улюлюкал, и последнее, что он членораздельно

выговорил за этот бой, было оскорбление в адрес матери воинственно настроенного чеченца. От сильного удара кулаком в челюсть он откусил кончик своего длинного языка и, отлетев в сторону, грузно грохнулся на землю прямо у ног своих товарищей. Последние удовлетворенно загудели. Кровь хлынула изо рта и носа. Он в бешенстве бросился на ненавистного чеченца, норовя вцепиться ему в горло, но тот ловко увертывался и наносил удар за ударом.

Бой длился недолго. Хамид бил его с душой, и гот уже потерял прежнюю самоуверенность и наглость. В глазах стоял мальчишеский страх и растерянность, он проклинал себя за то, что связался с этим буйным чеченцем, и готов был провалиться сквозь землю от стыда и унижения перед сослуживцами. Они не любили его и боялись, а он презирал их и держал в страхе. Конец его авторитету. Он побежден и унижен.

Хамид, как перышко, приподнял его и, прошипел и лицо:

- Ты называл меня козлом, шакалом, бабой... Так кто же я?

Избитый до полусмерти вояка что-то невнятно пробормотал.

- Что? Говори громче, я не слышу!

Ты - мужчина... - пролепетал он.

- Еще... Кто я еще?

- Волк... Чеченец...

- Я - человек... и хозяин на своей земле! - Хамид отпустил обмякшее тело выдохнувшегося авторитета, и он рухнул на землю под общий хохот довольных солдат.

- Так его...

- Получил все-таки...

-Нарвался...

Хамид подошел к командиру, свидетелю расправы над его своенравным солдатом, и благодарно произнес:

- Спасибо вам, товарищ командир! Я отвел душу, теперь можно жить.

И, сбивая с себя пыль, поправляя волосы на голове и вытирая пот с лица носовым платком, пешком зашагал по дороге.

- Эй, джигит, постойте, -донеслось вслед. Хамид обернулся и увидел командира, который быстрыми шагами приближался к нему. Офицер протянул ему ключи от машины и нетронутую пачку долларов.

- Вы мужественный и благородный человек, - сказал он, - и я это ценю. Но я тоже джентльмен. Возьмите ваши ключи и деньги и будьте счастливы, - сказав это, он крепко пожал ему руку и отдал честь.

Офицер не уходил и ждал, пока он сядет за руль и отъедет, и долго провожал его задумчивым взглядом.

2000 год

ТРАКТОРИСТ

В священной книге говорится, что Господь сотворил человека из глины.

Может этим и объясняется тяга человека к земле, его непреодолимое желание разгадать тайну ее недр, добраться до самой ее сердцевины, что чревато природными катаклизмами и влечет за собой непоправимые бедствия. Этим он уподобляется червю, пожирающему плод изнутри: это одна из сторон черной неблагоприятности творения Всевышнего - человека.

А как приятно смотреть на человека, самозабвенно работающего на поле! Он весь сливается с землей, полон мыслями о ней, надеждой, что она завтра щедро воздаст за его усердный труд и заботу.

И Хасан верит в этот час. Он уже потерял счет времени. Вчера утром к нему приехали представители местного фермерства, выделили этот плодородный надел и новенький трактор. Широкое поле, непривычно ровное для горца. Оно будто стрижено искусным парикмахером: дорожки вдоль полей тоже без рытвин и ухабов, деревья и то в один рост. В этой стране царит необычный порядок во всем: и в природе, и в обществе, и в труде. Закон писан для всех, и каждый его соблюдает. Жизнь - как шахматная игра, где строго запрещен неверный ход. Не то что там, на родине, в Чечне, где жизнь как жестокий бой без правил.

Ох, как он сейчас поработает!

Хасан покажет здешним холеным чистюлям, на что способен настоящий чеченец! Он докажет всему

миру, что он не бандит и не террорист, а всего лишь свободолюбивый гражданин, истосковавшийся по труду, по земле.

Трудяга работал даже ночью и не успокоился до тех пор, пока не вспахал весь доверенный ему надел. А сегодня наводил последние штрихи: приравнивал вспаханную землю, подбирал сорняк и редко попадающиеся мелкие камешки. Вот здесь, на этом самом месте, его трактор резко подпрыгнул. Он даже сделал отметку. Что это? Хасан взял лопату и начал копать. Из-под рыхлого чернозема показались деревянные зубья. Корень! Наклонившись, дернул его за конец, но тот слишком глубоко ушел в землю и не хотел отрываться от прижитого места. Хасан прибег к помощи инструмента и с силой ударил по корню лопатой. Но она всего лишь скользнула по ее морщинистой коре, оставляя после удара белую царапинку.

Чеченец устало присел рядом с заупрямившимся корневищем и вытер пот с лица.

Человек и Корень!

Сколько в них общего и противоречивого!

Корень так легко не выкорчуешь, он крепко держится за землю и пускает все новые и новые побеги. А Хасан легко позволил вырвать себя с корнем из родной земли и даже не оказал сопротивления, в отличие от этого бездушного корневища. Теперь он глеет здесь, на чужой стороне, как последняя труха.

Хасан отошел в сторону, под тень дерева, одиноко раскинувшегося посреди поля, грузно повалился на землю и закрыл уставшие от напряжения глаза. Сердце бешено колотилось, в горле пересохло, обильно струившийся пот неприятно раздражал нервы.

Разгоряченная кровь хлынула к голове, его слегка тошнило.

Солнце сегодня грело беспощадно. Как же он устал! Хасан злится на себя - дома он горбатился до изнеможения, а такой усталости никогда не чувствовал. Нет того источника, что питает тебя и дает силы. Помнится, распластаться вот так вот на земле, зажмуришь глаза, глубоко вдохнешь чистый горный воздух — и словно крылья вырастают. Усталость мигом улетучивается, и сам ты тоже готов взмыть ввысь, окинуть восторженным взором необъятные просторы родного края.

Эх, Родина-Мать! Даймохк!

Как ты сейчас далека, недосыгаема!

Кто бы мог подумать, что однажды ты превратишься в розовую мечту для своего же сына?!

Хасан уставился на землю. Удивительно, вроде бы живем на одной земле, под одним небом, а душа рвется туда, где родился и вырос.

Хороша тут земля, плодородная, сочная, хоть камни сажай, и те, кажется, побеги пустят. Хороша, да не своя. Даже мысль о том, что после смерти (а это неизбежно) его похоронят на чужой стороне, бросает Хасана в дрожь. Не сумели жить по-людски на своей земле и скитаются здесь мухаджирами⁴.

В памяти всплыли события недавних лет, когда после развала страны народ ринулся возвращать земли, принадлежавшие когда-то их предкам, но незаконно отобранные советской властью. Однажды старикам села взбрело на ум вернуть земли, принадлежавшие испокон веков их отцам. Встретились на границе Бешал-ирзо. О Аллах, что они там вытворяли! Спор перешел в драку, молодежь разнимала ополоумевших стариков.

Принесли Коран, истерзанный ложью за последние годы, на котором обе стороны поклялись в своей правоте. Невероятно, как священная Книга выдержала кошунство этих умалишенных! Наконец, спор разрешил подъехавший к полю боя уважаемый всеми в округе и известный своим необузданным характером одноногий Иса. В одно мгновение он разрешил этот затянувшийся спор, в результате чего старики не только не получили оспариваемых ими земель своих соседей, но даже вынуждены были смиренно уступить бешал-ирзойцам часть своих владений, на которые те даже и не думали претендовать.

После того курьезного случая они вернулись домой, а на вопрос, чем разрешился земельный спор, заводи́ла этой суматохи широко развел руками и прошамкал беззубым ртом: «Хорошо, что у этого Исы ноги нет, а то пришлось бы все село отдать и поблагодарить за оказанную честь».

Да-а, все тогда были одержимы дьяволом.

Из горьких раздумий его вывели внезапно возникшие над ним громадного телосложения весельчак и балагур Чала, односельчанин по далекой родине, и его двоюродный брат Аюб.

- Ассалам-алейкум, - поздоровались они и устроились рядом с ним под сенью молодого деревца.

- Ты что такой кислый?

Хасан ответил не сразу:

- А чему радоваться?

- Ну, скажем, тебе выделили землю, новенький трактор: работай - не хочу. Это во-первых, а во-вторых, у тебя недавно сын родился, богатырь...

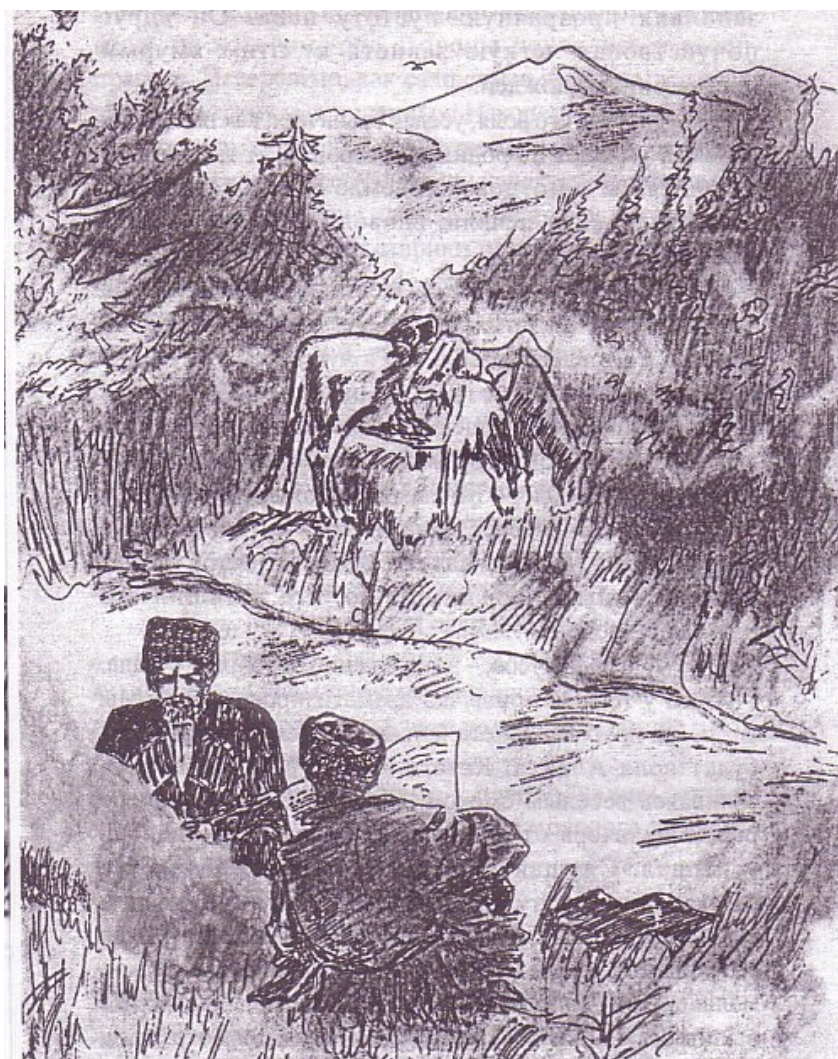
Хасан прищурился от солнца и взглянул в синее небо. Сгущались тучи. Они неумолимо летели вперед,

заполняя прозрачную пустоту неба. Он вдруг почувствовал легкую зависть к этим хмурым предвестникам дождей.

Эх, будь его воля, уселся бы на них, как на бравых коней, и умчался на родимую сторонку! А там ливнем разлился бы по отцовской земле соленым дождем, полным тоски и печали, вдоволь пролитых и еще невыплаканных слез.

- Землю, конечно, выделили, - после долгой паузы ответил он затихшему Чале, — но нет в ней той радости и удовлетворения, что я чувствовал на нашей родине. Чужая она и не греет, не питает. - Шумная стая ярких, крошечных птишек с веселым гомоном уселась на ветку дерева, под которым они разлеглись для отдыха. - Смотри, у этих воробушек здесь больше прав, чем у нас с тобой... А насчет сына... если честно, я ему не особенно рад. Просто жаль его... Меня изнутри гложет чувство вины перед ним за то, что я лишил его настоящей родины...

- Да ладно тебе, — раздраженно перебил его Чала. - И что у тебя за привычка драматизировать все? Мы же не на другой планете живем, вернемся, если на то будет воля Аллаха. Кстати, - вдруг оживился он, заливаясь веселым смехом, - я тебе свежий анекдот расскажу, вчера от вновь прибывших переселенцев услышал. Слушай: приехали однажды Дудаев с Масхадовым к другу, чтобы поздравить его с рождением сына. Взял президент ребенка на руки, посмотрел на его большие, оттопыренные уши и воскликнул: «Ушами, малыш, тебя Аллах не обидел. Смотри, Аслан, ну прямо вылитый ты!» А Масхадов не растерялся, посмотрел под пеленку и тут же ответил: «Нет, друг мой Джохар, он больше смахивает на тебя: нагадил кругом на всю

катушку и в ус не дует».

Однако Хасана эта история совсем не рассмешила, а наоборот, он недовольно заерзал на месте.

- Вот мы все время смеемся над другими, а чем лучше их? - нотки сарказма засквозили в интонации его голоса. — А ведь мы сбежали с Родины, как последние трусы, и не нам судить и смеяться над другими...

- Ты просто невыносим! - вскочил с места раздраженный Чала и уперся шальным взглядом в Хасана. - Зачем нас с ними сравнивать? Мы не участвовали в разбое и грабеже республики, не мы затеяли эту войну...

- Вот-вот, не участвовали, - не дал ему договорить Хасан. - Мы ни в чем не принимали участие и преспокойно сидели по домам, пока эти события не привели к великой трагедии нашего народа. Мы не вняли пророческим словам наших старейших мудрецов, когда они со слезами на глазах умоляли своих соотечественников опомниться. Мы остались глухи к выступлениям тех немногих ученых и писателей, которые пытались открыть нам глаза на лживую политику великой державы, уговаривали нас не поддаваться ни на какие провокации и сделать все возможное и невозможное, чтобы предотвратить надвигающуюся угрозу войны. Но нет, мы вприпрыжку бегали от одного митинга к другому, рукоплескали «братьям по оружию». Чего стоили одни грабежи поездов? Нет, чтобы дать достойный отпор какой-то кучке карьеристов и охламонов, наоборот, мы сами вызвались добровольно претворять в жизнь их кровавую политику... - Хасан встал и стал нервно расхаживать вокруг угрюмо сидящих товарищей.

- И в результате мы оказались здесь, в этой дыре, где нет места для таких изгоев, как мы.

- Мы вернемся, - не нашелся что ответить Чала.

- Вернемся? - опять вскинулся разгоряченный Хасан. - А как мы посмотрим в глаза наших родных? Ведь у нас там остались матери, отцы, сестры, братья. Вон моя жена только вчера узнала, что у нее мать умерла еще год назад. А почему до сих пор скрывали? Видите ли, не хотели волновать ее бедное сердечко. А стоило ли ее жалеть, я спрашиваю? Мы ведь их не пожалели - бросили близких людей на произвол судьбы, спасая свои собственные шкуры, прекрасно зная, что им каждую минуту грозит смертельная опасность. Я вообще к телефону не подхожу. А знаете, почему? Мне стыдно подать свой голос через тысячи километров и спросить, как они там, здоровы ли, а если да, удивиться, каким образом они до сих пор остались живы... При первой же возможности жену и детей отправлю на родину, но сам домой не вернусь. Пусть это будет мне наказанием до конца жизни.

Он еще долго изливал бы накопившуюся горечь перед пригорюнившимися земляками, но шум подъезжающей машины прервал его горькие размышления.

- Господа пожаловали, - встал Аюб. - Ну, Хасан, покажи им, что значит быть настоящим чеченцем в ратном труде.

Но фермеры, а их было трое, элегантно одетые и пахнувшие далеко не потом и скотиной, не подошли к ним, как обычно, с добродушной миной на лице, а замерли на месте, растерянно уставившись на свежевспаханное, за одну ночь, поле. Хасан в душе ликовав - он хотел их удивить, и это у него неплохо

получилось.

- Ну, Хасан, братец мой, - дружески хлопнул его по плечу Чала, - за эту работу тебе, минимум, орден дадут и премию в придачу.

- Я бы не отказался, — не скрывал радости трудяга.

Дальше произошло совсем неожиданное: австрийские господа вдруг часто-часто затараторили на своем языке. Хасан и его товарищи смогли понять одно: они чем-то недовольны и очень сильно. Из машины на свет божий вытащили русского, который служил здесь переводчиком между чеченскими беженцами и местной властью. Он сконфуженно подошел к ним вместе с всполошившимися фермерами.

- Чего они там лопочут? - недоуменно спросил его Хасан.

- За какой срок вам сказали вспахать это поле?

- Ну, ровно за неделю... - замялся Хасан, все еще не понимая причину такого переполоха.

- Вот и надо было управиться в заданный срок, - объяснил ему переводчик.

- А что тут плохого? - вышел из себя чеченец. - У нас там, дома, за это поощряли, фотографию на Доску Почета вешали за успешное выполнение трудового плана...

- Это тебе не СССР и не СНГ. Это - Австрия.

В это время самый вспыльчивый фермер подался вперед и с решительным видом заявил о чем-то на своем гортанном языке.

- Что? - Хасан совсем растерялся.

- Он требует уплатить штраф в денежной форме за трактор, который ты слишком загрузил, и

предупреждает, что в дальнейшем тебе это с рук не сойдет и за подобную самодеятельность привлекут к суду.

- М-да, - почесал за ухом энтузиаст, - действительно, это не СССР, не СНГ и даже не Ичкерия...

Вдруг всех присутствующих ошарашил внезапно раздавшийся ружейный залп, нарушивший австрийскую тишину. Чуть погодя показались виновники этой шумихи: из леса вышли трое довольных чеченцев с охотничьими ружьями. Один тащил за длинные уши только что сраженного пулей мертвого кролика. Эти существа наносили большой урон сельскому хозяйству, и власти пришлось спешно создавать группы местных добровольцев по истреблению длинноухих. За каждого убитого зайца давали по два доллара. В этой операции особо отличились чеченцы.

При виде гордых охотников фермеры досадно сморщились и пуще прежнего замахали руками, выражая тем самым свое крайнее возмущение.

- Чем они теперь недовольны? - буркнул Чала.

- Вашими охотниками, - ухмыльнулся переводчик. - Больно уж перестарались ваши соотечественники с зайками.

- Да ведь они по их же просьбе... - попытался выгородить своих земляков Аюб. Тот перевел. Фермеры разразились новыми проклятиями.

- Но не до такой же степени их истреблять. Скоро придется заносить их в Красную Книгу, - фермеры круто повернулись к ним спинами, сели в машину и укатили восвояси.

Чеченцы сгрудились в кучу и молча проводили удаляющуюся машину.

- Им не угодишь, - тяжело вздохнул один из охотников. - То стреляй, то не стреляй...
Хасан засунул руки в карманы широких штанин и тихо присвистнул:
- Хорошо там, где нас нет...

2002 год

НА ЗАКАТЕ

Мовсар и не подозревал, что в нем столько силы духа и стойкости.

А ведь на его долю выпало столько ударов судьбы, что можно было свалить даже очень сильного человека. Правда, он падал, и очень больно, но вставал с горделивой осанкой и упрямо, стиснув зубы, нет, не плелся, а твердой поступью продолжал свой путь, предначертанный свыше, уповая на волю Всевышнего.

Старик возвращался домой, если его еще можно называть таковым. Прежде прекрасный, добротный, сегодня дом находился в плачевном состоянии. Это-то что?! Дом можно строить еще и еще раз, но невосполнима утрата семьи, которой он лишился на закате жизни.

Дорога домой... Лишь однажды надолго заросла травой тропа к нему.

Сколько раз он был в пути! Самой долгой была дорога к родному очагу из далекого Казахстана.

Пьянящую радость от той мысли, что, наконец, состоится долгожданная встреча с родиной - Даймохк, - отравляла другая: здесь в молчаливой грусти сиротливо застыли чурты⁹ умерших соотечественников, которые до последнего вздоха бредили Кавказом и с тоской в глазах устремляли последний взгляд в чужое небо.

⁹ Чурт (чеч.) - стела, надмогильный камень.

А сколько их было?! Не перечесть! Мертвых не успевали хоронить. Смерть косила людей как траву. И стар, и млад...

Недавно власть издала указ о выплате компенсаций всем тем, кто невинно пострадал из-за вероломной политики тогдашних правителей.

Мовсар тяжело вздохнул. Разве откупится государство этими несчастными десятью тысячами рублями за ту печальную участь, на которую оно обрекло несчастный народ?!

Конечно, нет!

Они не были свидетелями горестных причитаний и слез несчастных женщин по родным и близким, последнего взгляда отчаявшихся людей, брошенному в сторону быстро исчезающих вдали до боли знакомых снежных вершин родных гор.

Не слышали плач детей, просящих еду и с этой мольбой хватающихся за подол беспомощных матерей.

Никогда не забыть, как его сосед Али в момент ужасного голода питался мясом умершего сына. Потом бедняга потерял рассудок, и сам вскоре скончался.

Им не понять и не оценить тех лишений, которые претерпел народ вдали от родины, на чужой стороне.

А как он, совсем еще ребенок, сам умирая от голода, кормил последними крохами чурека¹⁰ младшую сестру. Сколько нужно было иметь выдержки и любви к ближнему, чтобы старательно разжевать во рту хлеб и, преодолевая жгучее желание проглотить это восхитительное лакомство, послунявив и размягчив таким способом порядком зачерствевший хлеб,

¹⁰ Чурек - лепешка из кукурузной муки.

заботливо переложить в ротик годовалой сестренки, наблюдавшей за ним в томительном ожидании?! А ведь мог съесть все это сам. Какой спрос с десятилетнего ребенка?! Но этому мешала заложенная в крови ответственность за жизнь младшего, более слабого и беспомощного.

И благодаря таким вековым традициям и обычаям народ выстоял и выдержал в тот судьбоносный период, когда вступали в схватку добро и зло, мужество и малодушие, благородство и коварство.

Десять тысяч рублей!

И это цена за все те ужасы, что перенес народ в то кошмарное время?!

Это и не компенсация, а насмешка над искалеченными душами и судьбами тысяч чеченцев. И самое горькое то, что и эту мизерную сумму не могут выплатить вконец измученным людям, второй раз подвергнутым еще большему геноциду уже в наши годы. Не слишком ли много на одну жизнь?!

Помнится, в недавнем прошлом, правительство России предъявило денежный счет Германии, потребовав возместить моральный и физический ущерб советским гражданам, насильно угнанным в их страну в годы Великой Отечественной войны.

А чеченцы что, совершали турпоход по степям Казахстана?

Ведь им тогда было во сто крат тяжелее и горше от одной мысли, что они гонимы в собственной стране, которой служили верой и правдой!

Мовсар, наконец-то, преодолел крутой подъем и устало выпрямил сгорбленную спину, которая изогнулась уже колесом под грузом безрадостно прожитых лет. Он окинул старческим взглядом всю

живописную красоту родной земли и с упоением вдохнул живительный горный воздух.

Аллах! Как прекрасна жизнь! И как ее трудно прожить!

Не умеем жить! А может, не дают? Скорее всего, не умеем.

Мовсара до сих пор бросает в краску стыда от воспоминаний из совсем недавнего прошлого, когда старшее поколение, казалось бы, самое мудрое, проявило непростительную близорукость.

В том числе и он, Мовсар. И что тогда на них нашло?! Это было какое-то наваждение. Из уст у почтенных стариков чаще звучало имя Джохара, чем Аллаха.

С высоких минаретов мечетей вместо традиционного призыва к очередному намазу все чаще слышались пламенные воззвания до хрипоты орущих стариков к священному газавату.

- Настало наше время - время правоверных мусульман! Вокруг царит сатанизм. Безбожники топчут нашу землю и несут раздор и ересь. Наши отцы и деды никогда не были трусами. Так неужели мы предадим их память и не окажемся достойными их славы?! Аллах с нами! Он все видит и не допустит, чтобы мы, его покорные рабы, безропотно склонили головы перед вопиющей несправедливостью русского падчаха¹¹.

Один за другим, охая и припадая на непослушные колени, дряхлые старики поднимались на трибуну, наспех сооруженную на центральной площади села. Говорили об одном и том же: о непревзойденной храбрости чеченцев, о создании заслуженной ими

¹¹ *Падчахь (чеч.)* - царь, президент, правитель.

независимой Республики Ичкерия, об освобождении от власти двуглавого орла, о новоявленном пророке Джохаре, ниспосланном Всевышним якобы для спасения избранного Им народа.

Каждое выступление стариков, на которых так внезапно снизошли красноречие и политическая «зрелость», шумно приветствовалось слушателями - такими же великовозрастными детьми.

Молодежь больше молча стояла в стороне и из уважения к старшим не встревала в горячую дискуссию, от которой веяло неизбежной войной и в жертву которой принесут их молодые жизни.

- Но у врага столько воздушной и наземной техники, - все-таки нашелся среди них один. - О живой силе мы и не говорим. Справимся ли?

Этот вполне справедливый вопрос молодого человека вспоилил седобородых «воинов газавата».

- Сам Всевышний нам помощник в этом святом деле!

- А наши молитвы на что?

- Настало то время, о котором говорили наши шейхи — все святые будут незримо участвовать в этой праведной войне...

- Вот этими посохами мы будем сбивать воздушные машины варваров...

- Если вы, молодые, такие трусы, мы пойдем за вас сражаться с врагом...

- На таком потомстве и кончается добрая слава народа...

- Какой стыд, до чего мы дожили...

- Мы покажем вам, какими должны быть настоящие конахи¹²

¹² Къонах (чеч.)- мужчина, молодец.

- А вы сидите дома, прячась за юбки своих жен...

Молодой человек, задавший столь «неуместный» вопрос, теперь растерянно озирался по сторонам, подвергнутый яростным нападкам воинствующих ораторов.

- Я не то хотел сказать...

- А как еще понимать твои трусливые слова? Ты не веришь в мудрость наших седин?

Вот-вот, мудрость седин, а не мозгов. Только жди горя от этой мудрости.

Трагические события не заставили себя долго ждать. Война черной тучей нависла над крошечной страной чеченцев. Но такой поворот истории никого не удивил. Здесь не было новых политических изобретений и хитросплетений. Все шло по старой, как мир, испытанной схеме российской империи.

Первое оглушающее эхо войны и первые ее жертвы - десять молодых жизней, даже не успевших взять оружие в руки - охладили боевой пыл стариков, одурманенных манией величия. Вмиг исчезли и патриотизм, и напускная готовность принять смерть в праведном бою.

Притихшие и присмиревшие, они чинно простаивали на похоронах и провожали в последний путь на кладбище все новых и новых погибших, за смерть которых они тоже были в ответе.

Да-да, в ответе! Но чувствовали ли они за собой вину?

Нет, что-то незаметно было.

Мовсар, углубившись в свои горькие воспоминания, даже не заметил, как очутился у калитки своего дома. Никто не бросился ему навстречу, некому радоваться его возвращению. Никого из близких не

осталось в живых. Теперь он один, как перст.

Военные события последних лет вновь, уже второй раз за его жизнь, осиротили его. Оставили без крова и без единой надежды на будущее.

А ведь здесь еще недавно кипела жизнь, мирские заботы и хлопоты старших сопровождались веселым перезвоном детского смеха. Радовались каждому мгновению жизни, и каждый радужно мечтал о счастье и делал все, чтобы внести какую-то лепту в общую копилку семейного благополучия.

Мовсар жил ради своих детей. Затем ради внуков. Жил их радостями и огорчениями. Успех сменялся неудачей, неудача - успехом. Он прилагал все усилия, чтобы в семье было больше праздников. Трудно было, но он не чувствовал усталости.

Сам, своими руками, построил добротный дом. Всю свою душу вложил в него, чтобы дети и внуки с благодарностью чтили его память после смерти.

Да-а, пути Всевышнего неисповедимы!

Разве мог он полагать тогда, что ему одним из первых придется оплакивать смерть родных и, подобно каменному изваянию, замереть в горьком одиночестве над руинами разрушенного дома.

В тот трагический день его не оказалось дома. Он ездил в дальнее село на похороны старого друга. Даже там были слышны отдаленные глухие взрывы. Где-то безжалостно истребляли села, мирных людей.

Тогда Мовсар даже в мыслях не допускал, что весь гнев военного смерча обрушится на его родное село. Правда, где-то на секунду закралась в сердце тоска, полная тревоги и необъяснимого страха, но он быстро отогнал ее прочь.

Но весточка, особенно плохая, быстра как ветер, сметающий все на своем пути. Опасение старика подтвердилось: только что его село подверглось жесточайшему артобстрелу, что повлекло неисчислимые человеческие жертвы.

Мовсар даже не помнит, как очутился у своего дома, который не успел догореть и все еще продолжал тлеть. Война за считанные секунды уничтожила плоды его многолетнего труда.

Ничего, дом - дело наживное. Хорошо, что он своевременно отправил всех домочадцев в безопасное место, к своим аварским друзьям. Успокоенный этой мыслью, старик облегченно вздохнул и стал расхаживать вокруг тлеющего дома. Земля была вся изрыта колесами бронетехники, а на пороге еще сохранились следы солдатских кирзовых сапог.

Наверное, прежде чем сжечь дом, вынесли из дому все ценное. Мовсар горько усмехнулся. Не особо-то они нажились! Богатством они не блистали, да и не стремились к нему. Сокровищницей их дружной семьи было согласие, почтение к старшему, уважение и любовь друг к другу: здесь все дышало здоровой атмосферой.

Как они там? Наверное, уже наслышались всяких ужасов о том, что здесь произошло, и беспокоятся за него. Он завтра же поедет к ним и успокоит их.

Вдруг протяжный вой собаки заставил екнуть старое сердце Мовсара. Бедняга, она осталась жива. Человек и то завоет от увиденного здесь. Он направился в сторону, откуда слышался жалобный визг одинокой собаки. Она понуро лежала на земле и лизала рану, на которой запеклась алая кровь.

- Борз! - хозяин кликнул собаку, и та заскулила с такой тоской и горечью, что Мовсару стало просто не по себе. - Ну что, дружок, и тебе досталось? То ли еще увидим! Ты должна радоваться, что не принадлежишь к роду человеческому и не несешь ответственности за то, что происходит на этой земле. Люди стали хуже зверей, они не успокоятся до тех пор, пока не утопят мир в собственной крови... Но что это? - прервал он свои горестные причитания, заметив рядом с собакой любимую игрушку трехлетней внучки - лохматого мишку. Он прекрасно помнит, что она была в ее руках, когда они уезжали. Страшная догадка промелькнула в голове. Не может быть! Они что, вернулись?

...Он нашел их - точнее, то, что от них осталось - в подвале. Их просто закидали гранатами и уничтожили, как каких-то крыс. Одним движением руки загублены невинные жизни.

Почему выбор пал на них? Им бы жить да жить. И для чего остался он? Что еще может связывать его с этой жизнью? За какие грехи воздаются ему эти наказания? Значит, есть за что. Причину беды, постигшей его, каждый должен искать в самом себе.

В данном случае Мовсар винит себя за то, что в свое время, хотя бы словом, не выступил в защиту мира, а делал все, что могло привести к трагедии - бегал по митингам вместо того, чтобы призывать к благоразумию заблудших. Нет, чтобы заняться нравоучением молодежи и напоминать им о горьких уроках прошлого! Наоборот, он подстрекал неопытных юнцов к участию в бессмысленной войне. Сидеть бы ему тогда дома с четками, вымаливая прощение у Всевышнего за все свои грехи.

Нет, все лезли на рожон! Вот и пожинают все плоды своей «мудрости». Оказывается, годы не всегда прибавляют ума, они могут и отнимать его. Если, конечно, он есть.

...Как же он устал от этой жизни!

Теперь государство обязалось выплатить компенсацию за разрушенные в ходе военных действий дома в сумме трехсот пятидесяти тысяч рублей.

Воистину! То кнут, то пряник!

А кто возместит ему смерть его семьи? Четырнадцать человек канули в небытие, будто их совсем и не существовало. Какой ужасный конец! Оборвалась жизнь не только этих четырнадцати дорогих его сердцу людей, но и прервалось продолжение его рода. Ведь могли быть и еще внуки, правнуки, праправнуки...

Это во сколько, выходит, оценили жизнь каждого из убитых членов его семьи? В двадцать пять тысяч ровно. Какая дикость! Компенсацию дают за дом, за неодушевленный предмет, а человеческая жизнь не в счет.

Значит, Мовсару причитается десять тысяч за тот февральский геноцид 1944 года и триста пятьдесят тысяч за этот. Еще два таких геноцида - и он станет чуть ли не миллионером. Теоретически.

Вначале он тоже маялся с другими бедолагами, днями простаивая в длинных очередях за государственной милостыней. Но вскоре понял, насколько наивна его вера в земную справедливость, и прекратил свои хождения по мукам.

Сегодня человек потерял соль души - доброту, а вместе с ней и совесть. Раньше сильный всегда уступал слабому, а теперь наоборот - слабого безжалостно

топчут. Компенсации не видать ему, как собственных ушей, она тоже достается сильным мира сего.

А он кто? Или что?

Старый иссохший дуб, вырванный с корнями из земли и давно уже истлевший.

Мовсар грузно встал с деревянной скамейки, медленно поднялся на небольшой пригорок и еще раз окинул затуманенным взором раскинувшийся перед ним волшебный узор горной фантазии.

Прозрачные, голубые облака будто перевернутое лазурное море в небесах — вот-вот расплещется под легким дуновением ветра и разольется по земле.

А горы!? Как они красивы! Будто замерли в вихре зажигательного танца.

Из-за склона горы игриво вынырнуло заходящее солнце. Целый день оно греет человека, но так и не смогло согреть его оледеневшее сердце, зажечь в нем утраченные искорки жизни.

Аллах! Как прекрасна жизнь! И как ее сложно прожить!

Не умеем жить.

Или не дают? Не дают жить!

Впрочем, и не умеем...

2004 год

КОМПЕНСАЦИЯ

Азиму много лет. Столько, что и не сосчитать. Он не знает не только дня, но и года своего рождения. Друзья и большинство его ровесников уже покинули этот мир. Только вот за ним смерть не спешит. В каждой своей молитве он просит о ней, как о милости, но она его обходит, являясь за душами других.

Старик, опираясь на привычный посох, вынес свое придавленное старостью и ревматизмом тело на солнце.

В хибаре, бывшей когда-то сараем и приспособленной теперь под жилье, было не очень светло, тем более для ослабевших глаз Азима.

В последних войнах в этом дворе уцелел лишь старый, как сам старик, дуб да большой, с человека, шероховатый камень, наполовину осевший в землю. Про этот камень существует легенда. Во времена нарт-орстхойцев два брата влюбились в одну девушку. Братья попросили ее выбрать одного из них, и девушка ответила им, что выйдет за того, кто бросит камень дальше. Камень такой же величины лежит в долине Яссы, служащей границей между этими двумя селами, а этот брошен выигравшим состязание младшим братом.

- Добрый день, Азим! - подошел сосед.

- Будь любим Богом, Юсуп! - вытер слезящиеся глаза платком старик.

Он внимательно посмотрел на соседа, ему показалось, что тот как-то побледнел лицом.

- Дома все хорошо? Я слышал ночью какой-то шум у нас.

- Удивляться в этом мире ничему уже не приходи тем. Азим, но все же поражает, что люди никак не насытятся друг другом, - глубоко вздохнул сосед. - Как видишь, дом мой разрушен, как и твой, жить негде. Целый год я хлопотал, и два-три дня назад мне удалось получить компенсацию - триста пятьдесят тысяч рублей. Однако я не успел пустить эти деньги в дело: вчера ночью в дом ворвались какие-то вооруженные подонки и отобрали все, до копейки.

Как? Почему? - Азим перестал перебирать четки и вытаращил глаза на Юсупа.

В самом начале, когда я готовил документы, мне дали знать, что я должен отдать им половину из денег, выделенных государством за разрушенное жилье. Скачали, что так положено. Но соглашались с этим положением в основном только те, чьи дома не пострадали, - Юсуп указал рукой на машину, покачавшуюся на улице: -Видишь, вон? Один из таких. Они сразу покупают машину на деньги, полученные от государства просто так. А потерявшим, как мы, все нечего надеяться построить за такие деньги хоть какое-то жилье.

Юсуп, мы бессильны что-либо изменить, - Азим не знал, как утешить соседа. - Будем надеяться на милость Всевышнего.

- Мы изводим Бога просьбами о помощи в бедах, которые сами же накликali. Ему не поспеть разбирать людскую жадность и жестокость. У Него и так много дел, хватит того, что Он оберегает наш мир, который человечество так рвется разрушить.

- В чем же обвиняли тебя ночные посетители? -
задал Азим заботивший его вопрос.

- Сказали, что я нарушил соглашение. Эти твари обобрали меня, заявив, что в наказание за то, что не отдал им половину, заберут все.

- Надо было выполнить свое обещание, Юсуп, сегодня другое время. Шутки с властимущими плохи. Если бы взял, что дают, до этого не дошло бы.

- Не вынес несправедливости, решил не делиться с ними.

- Что ты можешь противопоставить целой вооруженной своре?!

В это время, поднимая клубы пыли, пронеслась новенькая машина.

- Смотри, Азим, эта машина тоже куплена на компенсацию. Такие называют К-350. Президент России Путин сказал, говорят: «Война, оказывается, разрушила в Чечне не дома, а машины». Нет между нами понимания, этим мы выставим себя на посмешище перед всем миром.

- Власть здесь не при чем, эта болезнь зарождается в семье. Ведь чиновники тоже вайнахи, выросшие в своих семьях.

- Слышал, что случилось в Аргуне? Отец по дороге из мечети зашел в отдел и попросил сына, который там работал, вернуться домой пораньше, сказав, что чувствует себя неважно и хочет поговорить с ним. Через какое-то время сын пришел домой и, заглянув в окно, увидел, что два бандита в масках, угрожая, требуют с его старых родителей деньги. Те на днях получили компенсацию. Медленно отступив, парень передернул затвор автомата. Грабители, услышав щелчок, бросились бежать. Однако ему удалось их

остановить: выстрелом он ранил одного, второго свалил ударом по голове. И знаешь, кем оказались грабители?.. Родная дочь и зять! - Юсуп расхохотался.

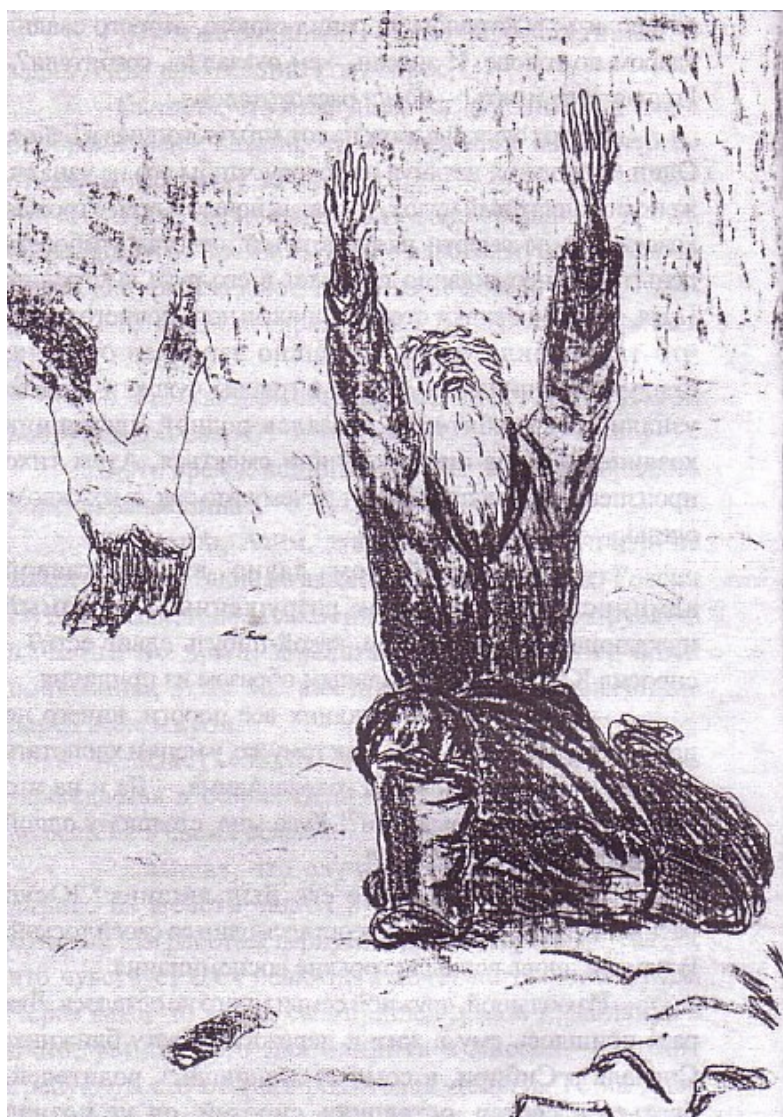
- Этот случай похож на тот, что произошел в Беное. Один «молодец», натянув на голову, чтобы его не узнали, женский шелковый чулок, ворвался ночью в дом. Угрожая хозяевам и до смерти напугав детей, он стал требовать деньги. Но неожиданно пистолет в его руке выстрелил. Пуля, от ricochetив от стены, попала в ногу ночного гостя, что так любил деньги. Истошно закричав от боли, придурок машинально стянул с головы чулок, и хозяева узнали его: грабителем оказался родной племянник хозяина! - когда они закончили смеяться, Азим тихо произнес: - Радоваться-то тут нечему, это так, смех сквозь слезы.

- Азим, твой дом давно внесен главой администрации в список разрушенных, ты самый нуждающийся в этом селе, какой-нибудь сдвиг есть? - спросил Юсуп старика, главным образом из приличия.

- Если у вас, обивающих все пороги, ничего не получается, куда там мне?! Да к тому же, у меня и хлопотать некому, - опустил седая голова Азима. - Да и на что мне эти деньги, новый дом?! Куда мне, стоящему одной ногой в могиле, девать их?!

Поняв, что вопрос его был лишним, Юсуп распрощался и ушел. Старик остался один со своей тоской. В памяти вновь всплыли горькие воспоминания.

Из большой, дружной семьи много не осталось. Два раза пришлось ему в жизни пережить утрату близких. Сначала в Сибири, в ссылке: лишившись родителей, братьев и сестер, оставшись сиротой, он не познал радостей детства, юности. Во второй раз теперь: эти две войны унесли всю его семью, разорвав его сердце на куски.

Когда боевые действия придвинулись к горам, обезумевшие люди разбежались кто куда: одни в соседний Дагестан, другие - дальше в горы, третьи — на равнину. Старуха не выдержала грохота бомб и скончалась в первые же дни войны. Азим усадил в грузовую машину, стоявшую во дворе, единственного сына и семьи двух внуков и отправил из села. Он хотел уберечь их, хотел, чтобы они уехали подальше от опасности. Не думал он в тот день, не гадал, что толкает их прямо в объятия смерти!

Никогда не забыть той страшной картины!

Дом Азима стоит на холме, с которого ясно проглядывается дорога, ведущая в село. С трудом выпроводив домочадцев, он стоял и провожал их взглядом. При виде людей, потянувшихся из села на легковых автомобилях, мотоциклах, подводах - любом подручном транспорте - сердце его обливалось кровью. Цепочки несчастных людей напоминали о черных страницах в истории чеченского народа, так часто повторяющихся из-за неумения извлекать прок из уроков прошлого. В итоге виновным всегда оказывается народ, и это завершается его наказанием властью, которая и породила это зло. Куда теперь пристать этим людям? Лишенные своих жилищ, не имея на руках ничего, кроме детей, им ведь тоже не хочется становиться для кого-то обузой.

Беженцы давно скрылись, но Азим не заметил машины со своей семьей. Неужели вернулись? Сколько домочадцы ни упрашивали, Азим, привыкший стоять на своем, отказался выезжать с ними. Нет, он запретил им возвращаться. Может, машина сломалась? Сердце Лзима сжалось от недоброго предчувствия.

Наконец, из-за пригорка показалась машина,

которую Азим так ждал. Он внимательно следил за ней. Военные всего на день открыли дорогу. Дали время с утра до восьми вечера. Скоро шесть. Как он ни торопил их, не смогли собраться быстрее. О Бог, вручаю их тебе! Только бы через Яссу перебрались, там бы они уже были в относительной безопасности! Азим заставил их вывесить прибитую на длинное древко простыню, как свидетельство, что едут мирные жители. Даже отсюда было видно, как оно развевается на ветру, подобно знамени. По мере того, как машина отдалялась, Азим все больше успокаивался, и скоро он уже решил было подготовиться к омовению перед вечерней молитвой, как отдаленный гул самолетов прошиб холодный пот и он застыл на месте. Что-то рано они вылетели! Нарушив обещание, что до восьми вечера им ничего не угрожает, ни с земли, ни с воздуха.

Бедняга поискал взглядом удаляющуюся машину. До границы осталось не далеко. Азим мысленно подталкивает машину. Рев самолетов все приближается. На длинной дороге виден только их грузовик.словно сокол, подбирающийся к добыче, самолет закружил над ним. У Азима подогнулись колени. Самолет резко взмыл вверх. Азим ясно осознает, для чего этот железный враг набрал высоту: он собирается выпустить ракеты.

- Кыш, кыш! - не понимая, что делает, Азим замахал на него посохом, словно пытаясь отпугнуть сокола от своих цыплят. Потом, собрав все силы, стал кричать сыну: - Вахид! Выбирайтесь из машины! Отбегайте подальше! -продолжая размахивать посохом, старик, обезумев, кидался из стороны в сторону.

Пламя, вспыхнувшее, словно спичка, при выпуске ракеты, вырвал крик из иссушенной бедами груди Азима. Его сердце оказалось крепким. Как гранит.

Если бы это было не так, оно в тот же день разорвалось бы, не выдержало.

...Машина загорелась. Хотя они были далеко, в его ушах стояли их истошные крики, их стоны. Он чувствует и жар этого пламени.

- Вахид! Ваха! Дауд! — носился он с криками, «они каждого по имени. Отбросив посох, он заскочил в дом и выбежал с ведром воды. Он думал погасить огонь. Виденное помутило разум старика. Затем, отбросив в сторону ведро, стал подбирать с земли камни и швырять их в самолет, который, удовлетворенный своей работой, делал в воздухе победные круги.

- Я тоже здесь! Пускай свою ракету, не жалея спой смертоносный огонь! — сквозь слезы кричал несчастный. — Почему я дожился до этого дня-?! Почему мне суждено было стать свидетелем гибели всех родных?!

Услышав крики старика, двое односельчан силой затащили его в какой-то подвал. Скоро кружившие в небе самолеты уничтожили половину села, оставив от дома Азима одни развалины.

Вот уже семь лет Азим влачит это жалкое существование. Остался один, как перст. Не осталось никого из родных, даже чтобы похоронить его. О смерти-то он и не беспокоится, найдется кому похоронить. Он готов встретить смерть с распростертыми объятиями, как долгожданного гостя. Не понятно только, почему она его щадит, обходит стороной, ведь в жизни не осталось ничего, что не выпало на его долю.

Азим долго сидел, погруженный в печальные мысли. Прозвучал призыв к полуденной молитве. Азим сверяет время с этим азаном, который звучит с минарета в определенный час. Не нужны ни календарь, ни часы.

Он доволен прошедшим днем, который длится больше века, и не возлагает никаких надежд на предстоящий день.

Азим с трудом шевельнул непослушными ногами. Опершись одной рукой на шероховатый камень, распрямил спину.

- Как схожи наши судьбы! —
медленно

поглаживая камень, тихо произнес он. - В тебе нет жизни, этим только и отличаемся. Я даже завидую тебе.

Неожиданно он обнаружил на камне трещину. Своим ослабшим зрением рассмотреть ее он не смог бы. Проведя рукой по этой трещине, он понял, что камень треснул. Как его сердце.

- Э-э-э, бедняга! — ему стало жаль этот безжизненный камень. - Тебе тоже досталось от этой войны! Что поделаешь, время ныне такое, что и камни плачут. Богу виднее...

2004 год

*Перевод с чеченского
С.Мусаева*

ОБРАТНАЯ СТОРОНА ЖИЗНИ

Бислан открыл глаза и попытался оглядеться, чтобы понять, где находится. Только глаза ему и подчинялись, тела своего молодой человек не чувствовал вообще. Было какое-то странное, подвешенное состояние. Он тщетно силился вспомнить, что с ним произошло, и никак не мог сосредоточиться. Даже то обстоятельство, что душное помещение, в котором он находился, напоминало - насколько можно было судить в царившей вокруг кромешной тьме - холодный могильный склеп, действовало на него удручающе и парализовывало ослабевший разум.

А может, его действительно похоронили заживо?

От одной лишь этой мысли его охватил ужас. Надо позвать на помощь. Но язык точно прилип к засохшему небу, и как только он попытался открыть рот, ощутил во рту такой отвратительный привкус, что его едва не вырвало. Было такое ощущение, что в рот ему налили краску или ацетон... Он сделал слабую попытку встать и тут же застонал — его тело представляло собой одну большую рану, и малейшее движение вызывало мучительную боль.

Кто-то подполз к нему в темноте и молча притронулся к его голове. Бислан попытался повернуть голову, чтобы разглядеть, кто это. Человек, наклонившись, пристально взглянул в глаза и, убедившись в том, что он жив и пришел в себя, издал радостный гортанный звук. И этот возглас, мало похожий на человеческий, словно молния, озарил

память Бислана, и он сразу вспомнил все, до мельчайших подробностей, что с ним произошло до того момента, как потерял сознание. И от этих воспоминаний он весь покрылся холодным потом.

...Как обычно, рано утром он вышел из дома и отправился на работу. Стоя на автобусной остановке, Бислан с нетерпением поглядывал на часы. С транспортом было туго, а опаздывать на работу он не хотел: безработица являлась одной из главных проблем в республике, и поэтому работой, пусть даже физически тяжелой и низкооплачиваемой, очень дорожили. Кругом разруха, люди, брошенные на произвол судьбы, в отчаянии метались в поисках хоть какого-нибудь заработка. Особенно мужская половина. У них всего лишь две возможности заработать: либо идти в лес и примкнуть к боевикам, либо идти против них, устроившись в милицию.

Ожидание транспорта довольно затянулось, и солнце начинало потихоньку припекать. К Бислану присоединились еще трое: женщина на склоне лет с двумя здоровенными парнями лет тридцати, удивительно похожими друг на друга. Близнецы. Женщина поздоровалась с Бисланом, а парни лишь добродушно улыбнулись и молча кивнули. По тому, как они стали жестикулировать, повернувшись друг к другу лицом, стало ясно: глухонемые.

Бислан исподтишка наблюдал за ними. Удивительно, у людей такой категории глаза излучают теплый свет доброты. В них нет ни злобы, ни зависти, ни даже обиды за то, что они родились на этот свет не такими, как все. Открытый взгляд небесной синевы - в них действительно было что-то от небес, — нетронутая чистота детской души.

Раньше, до войны, вдоль дороги с обеих сторон росли стройные деревья, провожая и встречая путников шелестом своей зеленой листвы. А теперь от них остались одни пеньки, высохшие или почерневшие от пожара. Солдаты безжалостно вырубали эти деревья для топки своей полевой кухни, и теперь осиротевшая дорога напоминает уползающую змейку в пустыне.

- Что-то машин долго нет, - не выдержала женщина. - И куда они все запропастились?! Что такое? Что случилось? - повернулась она к заволновавшимся сыновьям, которые лихорадочно указывали руками в сторону леса. - Ах, вот оно что! Не бойтесь, это всего лишь БТР, он проедет мимо...

Говорят, глухонемые интуитивно чувствуют приближение опасности. Наверное, это им и подсказало, что сейчас произойдет что-то ужасное, неотвратимое. А может, их, как и Бислана, насторожило то, что БТР неся на полной скорости, виляя из стороны в сторону, - это наводило на мысль о том, что бравый экипаж сегодня навеселе и ищет дорожные приключения.

Вскоре их опасения подтвердились. Летевший на полной скорости БТР, поравнявшись с автобусной остановкой, резко затормозил, подняв тучи пыли. Военнослужащие, сидевшие на броне, спрыгнули на землю и направили оружие на Бислана и его попутчиков. Один из солдат, рослый детина с рыжей бородой, подошел к ним вплотную и, разя перегаром, спросил:

- Куда едете?

- В Грозный, по делам, - ответил Бислан за всех.

- А вы куда? - вопрос был обращен к немым.

- Они тоже, - опять заговорил Бислан.

- Ты что за всех отвечаешь? Они сами за себя скажут... Вы что на меня вылупились?

Бедняги упорно молчали.

- Они глухонемые, - заступился за них Бислан.

- Да, да, немые, не трогайте моих сыновей! - мать близнецов вся побледнела от страха за своих детей.

- Ну, конечно, сейчас они глухонемые, завтра будут слепыми. Артисты! Сейчас мы вышибем из вас эту дурь, заговорите, как миленькие! — невзирая на отчаянные крики и вопли испуганной матери, солдаты скрутили близнецов, которые глухо мычали и упирались, и потащили их к БТРу.

- Вы совсем с ума сошли! - кинулся Бислан к военным. - Вы что, не видите, это же больные люди!

- Больные? - дико захохотали солдаты. - Да они здоровее всех нас взятых... Э-э, а ты что за них так беспокоишься? Может, они своим молчанием

покрывают тебя, своего полевого командира? А?.. Сейчас разберемся...

Дальше события разворачивались, как в кошмарном сне. Не обращая внимания на громкое возмущение Бислана и истерику бедной женщины, они начали избивать свою жертву с той холодной жестокостью, с которой гиены разрывают на куски бьющуюся в предсмертной агонии еще живую добычу.

...Молодой человек даже не успел оказать хоть какое-то сопротивление. Ему связали веревкой руки и привязали к БТРу.

- Мать, уходи отсюда, - Бислан не мог спокойно смотреть, как бедная женщина мечется между ним, беспомощно распластанным на земле в ожидании бесчеловечной пытки, и БТРом, куда упрятали ее сыновей. - Гады, фашисты, отпустите хоть женщину с сыновьями...

- Ребята, смотрите, он уже нам условия диктует, заткнем ему рот... Хочешь вина? Ах, не хочешь, мусульманин, значит... Ты обижаешь нас, ведь мы званые гости на вашей поганой земле... Выпей за нас, старших братьев, за нашу победу...

- Это вы испоганили, осквернили нашу землю... Будьте вы прокляты!

- Ты не хочешь за нас выпить?! Толик, давай сюда ту баночку... Открой рот, звереныш! - Бислану насильно разжали челюсти и влили в рот нитрокраску с удушающим острым запахом. Затем БТР резко рванул с места и потащил по каменистой земле извивающегося парня, тщетно пытающегося уберечь от ударов хотя бы голову.

Женщина некоторое время бежала вслед за ними, но вскоре отстала и обессиленно упала на дорогу. Последнее, что помнит Бислан, это как его подбросило на очередном ухабе и он ударился головой о какую-то железную трубу, торчащую из земли, после чего потерял сознание.

...Бислан, преодолевая тупую боль, все-таки нашел в себе силы сесть, правда, не без помощи своего нового товарища по несчастью. Тот всячески старался показать, что он искренне жалеет его, но не знает, чем помочь. Затем, с той же жалостной миной, указал на брата, безжизненно затихшего в самом углу подземелья. Бислан с трудом подполз к нему и, удостоверившись, что в нем еще теплится жизнь, сделал подбадривающий знак его отчаявшемуся брату.

Молодой человек уже окончательно пришел в себя и теперь напряженно размышлял над тем, что с ними случилось. Что их ждет впереди? Конечно, ничего хорошего. Это однозначно. Если ему повезет - сразу

же расстреляют. Это не первый случай. Ежедневные похищения, избиения и убийства, исчезновение мирных, ни в чем не повинных людей стало обычным явлением на земле несчастных чеченцев.

Родственники пропавших без вести кидались на их поиски и после долгих мытарств, унижений, оскорблений и даже угроз со стороны военных беспомощно опускали руки. А в тех редких случаях, когда удавалось установить местонахождение похищенного, его родственникам приходилось собирать баснословную, по меркам нищенствующего чеченца цену для выкупа. Возвращали полуживого человека, искалеченного физически, с расстроенной психикой.

Или находили останки зверски убитых людей, которых порою просто невозможно было опознать.

Бислан тяжело вздохнул. У него так мало надежды на спасение. Конечно, родственники и односельчане сделают все возможное, чтобы найти его. Но на это уйдет уйма времени, а он находится не в санатории, и каждая минута, проведенная здесь, это угроза его жизни и здоровью. А если и найдут, все равно не смогут выкупить. Он был единственным кормильцем в семье, и его скудного заработка еле хватало на пропитание. Отца он лишился еще в первую войну, когда их село обстреливали и с земли, и с воздуха.

Бислан никогда не был слабым человеком. Присутствие силы духа никогда не покидало его, впрочем, как и всякого, кто имел честь называться настоящим чеченцем.

А чеченец никогда не был баловнем судьбы.

Исторически доказано, что чеченский народ по своей природе очень доверчив, добродушен и удивительно трудолюбив. У него сильно развит

тайповый уклад жизни, но в момент общей беды он проявлял поразительную сплоченность и давал яростный отпор своему врагу. В результате многовековой борьбы за выживание у чеченцев выработалась удивительная способность адаптироваться к любым, порой даже нечеловеческим, условиям жизни.

И при всем этом чеченцы никогда не опирались ни на какие государственные органы власти и всегда полагались только на свои собственные силы. И выживали, сохраняя чувство собственного достоинства. На разных этапах истории действующие органы правления никогда не уделяли должного внимания чеченскому народу, защите их человеческих прав.

Мало кто выдержал бы стольких испытаний на свою долю. Другой народ на его месте давно бы безлико растворился, растеряв корни своего древнего происхождения.

Душа чеченца всегда была и остается загадкой природы. И понять ее, оценить может только настоящий ЧЕЛОВЕК.

А пока что на земле чеченцев лютуют нелюди, и им просто наплевать на эту бесхитростную душу, на честь и достоинство ее обладателя.

Бислан сейчас о себе мало думает. Дома остались сестры и больная мать. Что с ними будет?! Из невеселых раздумий его вывел шум приближающихся шагов. Вскоре раздался лязг металлических засовов, дверь заскрипела и в их темную обитель вошли двое солдат. Они, не говоря ни слова, прикладами автоматов погнали узников куда-то в глубь тесного коридора и бросили в другую камеру. Массивная дверь с грохотом закрылась за ними, и Бислан бессильно упал на холодный пол. Кто-

то подошел к нему и бережно уложил на деревянные нары. Немного придя в себя, Бислан поднял голову и огляделся. Через маленькие зарешеченные окна пробивался слабый свет.

Их было здесь около десяти мужчин разных возрастов. Самый старший - седобородый старик лет семидесяти, самый юный узник - юноша семнадцати лет. На всех следы пыток. Особенно тяжело было смотреть на полуживого мужчину, на теле которого не было живого места. Лишь потом Бислан на собственной шкуре узнал, от каких изощренных пыток могут оставаться такие ужасные следы.

- Откуда родом? - обратился к нему старик, присаживаясь рядом.

- Из Урус-Мартана, - это были первые слова, произнесенные им в этом зловещем месте, и он даже не узнал собственный голос. Надтреснутый, чужой.

- Спрашивать за что, нет смысла. Мы сами не знаем, за какие прегрешения здесь нас держат. Наверное, за то, что имели несчастье родиться чеченцами. Но ты, главное, не отчаивайся. На все воля Аллаха!

Да, действительно, ему трудно было бы объяснить, за какие преступления он сюда попал. Человек, который за всю свою сознательную жизнь не пролил ни капли людской крови и старался всегда следовать священным законам Пророка. И даже был законопослушным гражданином этой непонятной страны, где на каждом шагу попирали его свободу и права.

Но он все равно не роптал, прекрасно осознавая свое бесправие.

Кому пожаловаться, кто его выслушает и кому какое дело до какого-то голодранца-чеченца?! Кругом

правит беззаконие, дьявол во плоти. Остается одно - смириться с волей Аллаха и уповать только на Его милость.

- А где мы находимся? — Бислан задал вопрос, давно его терзающий.

- В Ханкале! - услышал он зловещий ответ.

Ханкала... Фильтрационный лагерь...

О нем ходило столько фантастических слухов, что просто человеческий разум не в силах был поверить в их правдоподобность. Что это вовсе не домыслы, Бислан вскоре почувствовал на собственном опыте.

Поэтапно.

Первая ночь прошла, как в кошмарном сне. Душераздирающие стоны и вопли, доносившиеся даже сквозь толстые стены, не давали сомкнуть глаза ни на минуту, и каждый раз сердце обливало кровью. Эти крики чуть не сводили с ума.

- Да когда же это кончится?! - не выдержал Бислан, обеими руками схватившись за голову и безуспешно пытаясь заткнуть уши, чтобы не слышать крики, перешедшие в звериный рев. Но все было бесполезно, от этих криков некуда было деться, они сводили с ума, наполняя сердце яростью и отчаянием.

- О Аллах, дай нам мужества и терпения, чтобы все это вынести! - тихо приговаривал старик.

... Теперь Бислан про себя сам молил у Аллаха о том же, стоя на еще неокрепших ногах перед сворой нелюдей в камуфляжной форме. Тесная комнатуха, запах гари, вина и крови. Один вид лежащих на столе орудий пыток приводил в ужас.

- Присаживайтесь! - офицер великодушно предложил ему сесть на кресло, подозрительно отодвинутый в самый дальний и темный угол

помещения.

- Нет, спасибо, я постою, - почувствовав что-то неладное, наотрез отказался Бислан.

- Какие мы, однако, гордые! - двое солдат грубо подтолкнули его и насильно усадили на этот, как он в дальнейшем убедился, трон пыток.

- Кому служил?

- Служил в рядах Советской Армии в 1992 году...

- Ты прекрасно знаешь, о чем я спрашиваю, - офицер в ярости стукнул кулаком по столу. - Не строй из себя идиота. Кто был вашим командиром?

- Никто, я никогда не брал оружие в руки, никого не убивал и не терроризировал... - он не успел закончить - тяжелый удар в челюсть свалил его со стула. Еще удар, еще. Он уже не разбирал, кто его бил и чем. В ход пошли и кулаки, и пинки, и приклады. Кровь хлынула изо рта и носа. В полубессознательном состоянии его вновь водворили на злополучное кресло.

- Ну, вспомнил?

Бислан упрямо замотал головой. Он уже горько сожалел, что не вступил в ряды боевиков, не убивал и не резал безбожников вроде этих, что сейчас истязали его. Им овладела бессильная злоба за свою беспомощность. Он вспомнил себя, совсем еще недавно наивно верившего в то, что добро обязательно победит зло, главное, свято верить в это.

Каким он был глупцом!

И вдруг он разразился диким хохотом, отчего привел в бешенство своих палачей.

- Ему смешно... Посмотрим, как ты теперь запоешь, - выругавшись, офицер приступил к своему излюбленному ремеслу палача.

Бислан по фильмам знал, что человека сажают на электрический стул и бьют током, а то и убивают. Но всегда воспринимал эти ужасы за художественный вымысел. Но он и в мыслях допустить не мог, что однажды сам испытает на себе подобное.

К его ушам прикрепили провода и, не связывая ни рук, ни ног, пустили ток, отчего его начало бросать по все стороны. Боль была неопишуемой. Он даже не мог кричать, все тело парализовало, во рту образовалась пена, глаза едва не вылезли из орбит.

От сильных толчков из стороны в сторону провода отскочили, и он, обессиленный, измученный, грохнулся на пол. Лишь только открыл глаза, его вновь начали бить.

Еще не отошедший от воздействия электрического тока, несчастный даже не чувствовал удары и лишь безмолвно глядел на своих мучителей.

В последний момент, перед тем, как потерять сознание, Бислан обратился к Всевышнему с мольбой ниспослать ему смерть и тем самым освободить от земных мук.

...Когда он снова открыл глаза и убедился в том, что он все еще живой, им овладело не облегчение, а горькое разочарование: значит, ему еще не раз предстоит пройти уже пройденный этап жесточайших испытаний, моральных и физических. Выдержит ли он?

Прошел еще день, затем второй, третий. Дни непрерывных пыток. Ежедневных, ежеминутных. И приходилось не только выдерживать собственные мучения, но и сопереживать за других несчастных, вопли которых были слышны и днем, и ночью. Бислан никак не мог привыкнуть к этой душераздирающему крику израненной души...

Уже не стало троих из заключенных, но камера не успевала опустеть: на их места приводили новых несчастных.

Двое глухонемых, над которыми издевались с особенным усердием, чудом были до сих пор живы. Братья почему-то тянулись к Бислану, будто он был в силах их защитить. У обоих бедолаг вырвали ногти рук и ног, пытали током и даже жгли паяльником. Притихшие и опустошенные, они устроились рядом с ним на полу и замерли в полусогнутой позе.

Глядя на них, молодой человек забывал о своей боли, и ему становилось невыразимо жаль их. Непогрешимых и чистых созданий, которые даже словом не осквернили этот ожесточившийся мир, в который они пришли как живое напоминание человеку о никчемности их земной суеты.

Бислан искренне жалел их и ... завидовал.

Жалел за то, что вынуждены безропотно терпеть все эти изощренные зверства и надругательства над человеческим достоинством, не имея возможности выплеснуть боль, хоть словом излив душу.

Завидовал тому, что они не способны слышать то, что творится вокруг: стрельбу, стоны, вопли, проклятия, злословие. Тому, что они не способны ранить словом, самым острым оружием низменных страстей, порою убивающим наповал.

Но, странно, пройдя весь этот путь адских мучений, они не утратили того притягательного света в глазах, что поддерживало и успокаивало окружающих, напоминало о незримом присутствии Бога.

В их лучистых глазах поселилась тихая грусть и печаль.

Семидесятилетний старик, который все время подбадривал несчастных Божьим словом, поднимал силу духа рассказами о легендарных народных героях, теперь лежал в темном углу, как на смертном одре. Вчера он навечно замолчал.

Нет, не по причине смерти.

Ко всем прочим пыткам, подвергаемым заключенных, у многих вырывали зубы, ногти, и старика однажды дернуло состричь во время допроса, что, мол, он облегчил работу своим палачам - зубов у него нет, они давно повыпадали, ногтей тоже, он лишился их во время тяжелой болезни.

- Зато язык у тебя острый, его и вырвем, - взбесила тех его невозмутимость.

К смрадному запаху, заполнявшему их камеру, заключенные давно уже привыкли. Нужду справляли тут же, в ведрах. Через каждые два дня к ним заходили двое чеченских юношей, на которых было просто жалко смотреть. Подавленные, не глядя никому в глаза и не произнося ни слова, они, своим истощенным видом и потухшим взглядом напоминая больше мертвецов, входили к ним и выносили эти смердящие ведра.

Бислану казалось, что за проведенное здесь время он постарел лет на двадцать. В этих застенках, скрытых от глаз всего мира, шло плановое физическое и психологическое уничтожение человека.

В Чечне не было необходимости прибегать к методам психотропного воздействия. Обостренное чувство собственного достоинства, которое впитывалась каждым чеченцем с молоком матери и которое являлось основой для формирования высоконравственной личности, в то же время оказалось уязвимым местом в его характере, своеобразной болевой точкой. И оно было

подвергнуто сильнейшему давлению. Для настоящего чеченца не столь страшна физическая боль, как моральная.

Калечили душу человека.

- Не можете вытрясти из них признания? - это орал новый следователь в тюрьме. Он приказал вызвать упрямых узников — двадцати мужчин - и выстроил их в один ряд.

Несчастные еле держались на ногах и, безразличные к своей участи, без признаков жизни, равнодушно замерли на месте, как тени.

- Вы просто не знаете, как с ними обращаться, - чеканил он каждое слово. - Не знаете на чем поймать этих полудиких тварей.

Заключенные переглянулись - на них все испытали, их больше ничем не удивишь. Расстрелом тем более не испугаешь: они только и мечтают о скорейшей смерти.

Но то, что эти изверги уготовили для них, превзошло все их ожидания и заставило просто остолбенеть: в камеру ввели новых заключенных - двенадцать женщин. Бледные, без кровинки на лице, измученные, шатаясь от слабости, они встали прямо напротив своих собратьев по несчастью.

...И они подписались и признались во всех смертных грехах.

Единогласно.

Признались в том, от чего они столько времени отрекались под невыносимыми пытками.

Признались во всех злодеяниях, что им предписывали эти дьяволы во плоти.

Признались в терактах, убийствах, похищениях.

В причастности ко всем катаклизмам в мире, во всех преступлениях, которые они не только не совершали, но и не слышали о них.

Признавались под горестным взглядом чеченских женщин, чьих-то сестер, дочерей, матерей, перед которыми они действительно чувствовали себя виноватыми во всех бедах, обрушившихся на их народ.

Признавались, чтобы оградить их от бесчестья, на которое их подвергли бы на их глазах.

Боже, эти женские глаза, в которых отразились все страдания человечества!

Мужчины готовы были живьем сгореть в синем пламени ада, лишь бы не видеть этих глаз. Казалось, они прожигают их насквозь как электрическим током.

Это была последняя капля. Опустошенные, окончательно сломленные, они буквально свалились и затихли в своей опостылевшей камерке. Не осталось ни сил, ни даже желания думать о чем-либо.

...Так крепко Бислан давно не засыпал. Он полностью отключился от всего земного, и душа его витала где-то в небесах, наслаждаясь космическим простором и полной свободой.

Какое счастье освободиться от бремени изможденного тела, муками и болью которого так терзалась плененная душа!..

Лететь ввысь, все выше и выше, не оглядываясь назад и не думая ни о чем. Наслаждаться этой восхитительной невесомостью, легкостью полета. Не отягощенный тяжелым прошлым и смутной тревогой за будущее. Беззаботно кувыряться в мягких пуховых облаках.

И вдруг душа, нежившаяся в небесах, встрепенулась от оглушающего шума, нарушившего

блаженство тишины, и в страхе юркнула обратно в свою оболочку.

Бислан чувствовал себя, как после длительного наркоза. Его куда-то опять потащили, а он даже не пытался утруждать себя догадками, куда и зачем. Ему было все равно, жив он или мертв. Будут ли снова пытаться или расстреляют.

Все равно!

Наверное, Бислан уже полностью превратился в манкурта - бесчувственное существо, не реагирующее ни на какие проявления жизни. Но в кабинете следователя его ждал сюрприз:

- Вот, подпиши, и пошел вон!

Бислан тупо уставился на исписанный лист бумаги и прочел лишь последнюю строчку: «К физической боли не подвергался и к начальству никаких претензий не имею». Ему протянули ручку, и он довольно долго возился с ним, безуспешно пытаясь подписаться под этой вопиющей ложью: одеревеневшие пальцы отказывались слушаться. Наконец, он вывел там какие-то иероглифы и все так же равнодушно уставился на офицера.

- Теперь дуй отсюда и попробуй проболтаться о том, что здесь ... Ну, ты понимаешь...

И он «подул» домой. Оказывается, нашелся благодетель и защитник, сумевший вытащить его из этого ада. Кто и каким образом, он еще не знал.

- Дальше найдешь дорогу сам, - наградив напоследок пинком, его выбросили из машины на обочину дороги. Резко развернувшись, военная машина укатила обратно в Ханкалу.

Глубокой ночью, больной, избитый до полусмерти, беспомощный, потерянный между жизнью

и смертью, Бислан не пошел, а пополз.

И не вдоль дороги, а в лес. В спасительный лес, куда его потянуло как матерого волка, только что вырвавшегося на долгожданную свободу.

Поток свежего воздуха, от которого он уже успел отвыкнуть, вскружил ему голову. Молодой человек довольно далеко отполз от рокового места, но надолго его не хватило...

Говорят, время лечит раны, и душевные, и телесные. Но раны бывают разные, и этот, испытанный временем, рецепт не всегда может быть панацеей.

Именно такой неисцелимой раной и таким исключением явился и случай с Бисланом. Возвращение домой не радовало его. Он даже думать ни о чем больше не мог, кроме как об отмщении за поруганную честь.

За что?

Он никак не мог найти ответа на свой, казалось бы, простой вопрос.

А может, специально ожесточают народ, чтобы вызвать у него соответствующую реакцию, чтобы продлить этот беспредел? Другого объяснения и быть не может. В таком случае, врагу удалось добиться желаемого результата. Ведь злоба и ненависть охватывает не только жертву, подвергнутую бесчеловечному надругательству. Это касается и его близких. Целый род воспринимает содеянное зло как личное оскорбление и встает на защиту своей чести и свободы.

Эти военные бездарные стратеги, но великолепные психологи: они прекрасно изучили нравы чеченского народа.

Чеченец слишком предсказуем и уязвим, поэтому им очень легко манипулировать.

Лишь в последние годы достоянием общественности стал тот факт, что во время Великой Отечественной войны по приказу генштаба Красной Армии были созданы специальные карательные отряды, которые под видом фашистов сжигали целые села и деревни. Зверски убивали собственных граждан с одной лишь целью: разжечь огонь ненависти к врагу в сердцах остальных, с новыми силами поднять их на борьбу с проклятым фашистом. Это был эксперимент на чувствах патриотизма. Жестокая психологическая игра.

А как они остались верны этой системе!

И Бислан не выдержал. Побывав на той стороне, где не действуют человеческие законы, он теперь не мог спокойно воспринимать ее другую сторону: люди ели, спали, как ни в чем не бывало, суетились в мирских заботах. А там, на той стороне жизни, ни в чем не повинные люди, будучи еще на этой земле и не успевшие умереть, проходили все муки ада, уготованные человеку на том свете. Уготованные тем, кто их действительно заслуживает за непростительные земные грехи.

А он в чем провинился? Или те, кто там остался?

А глухонемые? Эти бедолаги-то в чем виноваты?

Нет, Бислан не может жить с этим грузом на душе!

И с этой отчаянной мыслью он решительно взял курс в горы и вскоре углубился в густой лес - верное убежище все новых и новых Робин Гудов или абреков Зелимханов.

А лес что? Он привык принимать этих искателей справедливости, отдавать, предлагать свои услуги и ... терять. Терять детей седых Кавказских гор, таких

самонадеянных и беззащитных.

Бислан лишь к вечеру дошел до места, где, по его расчетам, базировались чеченские боевики. Он вскоре примкнет к ним и будет жестоко мстить за себя, за всех угнетенных, униженных и бесправных чеченцев. А кто его еще защитит, если не он сам?

Грамотно и справедливо составлены законы Конституции Российской Федерации.

Но, по всей видимости, они писаны не для чеченца!

Ладно, цыгане живут по своим неукоснительным законам и принципам табора. Но, чеченцы всегда были законопослушными гражданами своей страны, так почему же они не находят защиты и справедливости у законной власти?

Бислан, еще не совсем оправившийся после пыток, буквально свалился на землю под тень столетнего дуба и закрыл усталые глаза. Пот обильно струился ручьем, в висках стучало так, будто сердце раскололось на тысячи мелких сердечек и расплылись по всему кровяному каналу.

А как он объяснит лесным братьям свое решение присоединиться к их нелегкой борьбе? Поверят ли?

Вроде бы прошли две войны, в любом случае прекратились те непрерывные бои, в ходе которых шло массовое истребление людей, сел и городов. И мало кто горит желанием принять партизанский образ жизни, бессмысленность подобной борьбы.

Стать вечным изгоем, которому нет пути назад, быть чужим даже среди своих, превратиться в вестника несчастья и горя.

«Будь, что будет, - подумал Бислан, - хоть душу отведу».

Долой все сомнения и тревоги. Он больше не может жить с этим тяжелым грузом прошлого, который разлагает его изнутри и сводит с ума.

Случись это несчастье с другим гражданином нормальной правозащитной страны, то его тут же отправили бы в самую лучшую лечебницу, в реабилитационный центр.

А они кто?

Чеченцы!

Подумаешь, более десяти лет непрерывной войны!

Подумаешь, лихо виражируют вертолеты и бесцельно разбрасываются ракетами!

Подумаешь, brave артиллеристы по пьянке или на пари берут на прицел любой дом или выбирают для мишени любого «туземца», имевшее несчастье появиться на горизонте, и с триумфом празднуют удачный выстрел звоном поднятых бокалов вина!

Подумаешь, экологию довели до катастрофического состояния и землю вайнахов вспахали воронками от ракет и вакуумных бомб!

Подумаешь, целый народ в течение стольких лет держали в шоке и робкое напоминание о его реабилитации вызывает огромное недоумение у виновников этой трагедии!

Конечно, чеченцы все выдержат! А что им больше остается?!

Умереть!

Вот они и умирают — от сердечных приступов, от множества странных болезней, доселе неизвестных современной медицине.

Или просто исчезают таинственным образом... И никто не несет ответственности за их пропажу, все пожимают плечами, разводят руками и загадочно закатывают глаза.

- Не шевелись! - Бислан вздрогнул от неожиданности и замер на месте.

Кто его здесь застукал? Друг или враг?

- Бислан?! - удивленный возглас человека с автоматом, стоявшего за деревом, заставил его еще больше удивиться.

- Ваха! - узнал он своего односельчанина, который был бойцом одного из отрядов и уже давно скрывавшегося в этих лесах. - Как же мне повезло, что встретил тебя! - не скрывал радости Бислан, будто нашел решение всем своим проблемам.

- А ты как тут оказался и что делаешь?

- Это очень долгая история, в двух словах не расскажешь, - помрачнел Бислан.

- Ну так расскажи, у нас с тобой уйма времени и мне некуда спешить.

И Бислан поведал ему все, что с ним произошло.

- И вот теперь я здесь, - закончил он свое горестное повествование.

- Я не понял, зачем ты оказался здесь? - недоуменно вскинул брови Ваха.

- Как зачем? - взволнованно произнес тот. - Я хочу встать в ваши ряды и мстить врагу.

Ваха вдруг разразился неудержимым хохотом и махнул на него рукой.

- Кажется, я ничего смешного не сказал, - обиделся Бислан и насупил густые брови.

- Ради Аллаха, прости меня. Я не хотел обидеть

тебя. А смеюсь я над собой. Ты напомнил мне себя, когда сломя голову, в порыве гнева влез в эту трясины и ... до сих пор не могу выбраться.

- Я не понимаю! - совсем растерялся Бислан, исподлобья наблюдая за столь неуместным весельем грозного воителя.

Внимательно приглядевшись к Вахе, он заметил, как тот изменился до неузнаваемости, постарел. А ведь он почти ровесник его, Бислана! Потускневший взгляд впавших глаз, голова серебрится сединой, густая борода скрывает впалые щеки. Весь исхудавший и уставший от этой беспросветной жизни.

- У тебя есть сестра? - Ваха уже перестал смеяться и, задумчиво прислонившись к шероховатому стволу старого дуба, внимательно, без тени улыбки, смотрел на Бислана.

- Да, и не одна, а четыре... А при чем тут они?

- А при том. Я расскажу тебе свою историю. Ты выслушаешь, сделаешь для себя вывод, а затем ... поступай, как знаешь.

Ваха отложил, автомат, ставший, казалось, уже неотъемлемой частью тела, тяжело вздохнул и, как на духу, изложил непростую историю рядового чеченца, попавшего в жернова военного лихолетья.

- Ты знаешь, во имя каких идей мы взялись за оружие в первую кампанию - за Родину, народ, свободу. Какая наивность... Но когда поняли, в чем истинные цели этой жесточайшей войны, было уже поздно. Мы полностью увязли в этой трясины, и выбраться отсюда стало почти невозможно. Разве что после смерти. Вторая компания охладила мой пыл, и я решительно отказался принимать участие в этой игре. Но не тут-то было...

Помнишь, моя единственная сестра, которой только-только исполнилось шестнадцать лет, в один прекрасный день исчезла? — в глазах Вахи зло заиграли огоньки ненависти, руки нервно задрожали. -Гады, они умеют бить по самому слабому месту... Вернули ее лишь после моего возвращения в старую братию... Бислан, ты думаешь, что сможешь отомстить за свои обиды и попанную свободу, пополнив наши ряды? Не совершай ошибки - это тебе мой совет. Не подписывай себе смертный приговор. Эти леса кишат иностранными наемниками, понаехавшими со всех уголков земли. Им нет дела до нашего народа, его будущего. Они тоже чьи-то марионетки в этой большой политической игре и делают все, чтобы нашу республику превратить в гнездо терроризма и бандитизма. Ты уже не можешь принадлежать себе и вскоре превращаешься в слепое оружие в их руках... Я бы давно плюнул бы на всех, сдался властям и .. пусть сделают со мной, что хотят... Но сестра... Они не простят моего ухода и расправятся с ней, с моими близкими людьми... Странно, и смерть меня не берет, вроде бы лезу в самое пекло ...

У Вахи было о чем говорить, и он говорил и говорил. В завершении его печального рассказа, в лесной чаще горестно ухнула какая-то птица, и лес снова погрузился в тишину.

- Ну что мне делать? - Бислан подавленно развел руками и вопрошающе взглянул на такого же отчаявшегося Ваху. — Неужели нет иного пути для мщения?

- С оружием, ослепленный мстью, ничего не исправишь. Наоборот, зло порождает только зло. Одиноким в своей борьбе, однажды ненароком сгруппишь, а страдать приходится ни в чем неповинному

народу - на него все шишки летят. Ты же видел, слышал по телевидению, радио, где что ни произойдет - везде «чеченский след». А какие небылицы пишут о нашем несчастном народе!.. Кстати, кажется, ты когда-то увлекался сочинительством, и вроде бы не плохо у тебя это получалось.

- Да кому нужна моя писанина? — махнул тот рукой.

- Не скажи, как раз настал тот момент, когда орудие слова должно дать оглушающий залп... Чтобы остановить беспредел в республике, все способы хороши.

Бислан задумался. А ведь он прав. Почему бы не написать обо всем этом? Ведь каждый должен бороться в этой жизни по-своему, кто с автоматом, а кто - оружием слова. И как он раньше сам не додумался?!

Они долго еще говорили на наблевшую тему и крепко обнялись на прощанье.

- И напиши так, чтобы все помнили! - уже издаലെка прокричал Ваха и, махнув на прощание рукой, скрылся в темной чаще выдавшего виды леса.

«Помнили, помнили, помнили...» - как раскат грома, отозвались эхом последние слова простого чеченского парня с грозным названием - боевик.

2002 год

СЛОВО О МАТЕРИ

Женщина! Для чего явил ее в этот сложный мир Всевышний?

Каждый народ даст на этот вопрос свой ответ, сообразно своему мировоззрению, менталитету, но ответы их совпадут в одном: женщина- исток жизни. Хотя нот исток всегда чист, светел, его нужно непрестанно оберегать, потому что не много усилий понадобится для того, чтобы его осквернить, заставить иссякнуть.

В нашем народе немало мудрых сказаний, легенд, связанных с образом женщины. Одна из легенд мне особенно дорога.

Рассказывают, в давние времена жил один юноша. Был он отважен, благороден, бесстрашен. Природа не обделила его статью, красотой. Каждое утро, каждый вечер выходил он к берегу бескрайнего моря, приветствуя или желая солнцу спокойной ночи. А в пасмурные дни он сильно тосковал, не видя его. Солнцу стало жаль юношу, и оно решило облегчить его страдания. Выйдя утром, как обычно, к берегу моря, он обнаружил там прекрасную девушку. И солнце, говорят, обратилось к пораженному юноше:

- О юноша, потрясенное твоим благородством, и преподношу тебе в дар достойную тебя девушку. Я соткало ее сердце из своих лучей, оживило своим снегом, чтобы оно горело от любви к тебе. Однако тебе нелегко будет стеречь ее красоту, чистоту, доброту. Все по зависит от тебя. Эта девушка будет зеркалом твоей жизни, твоей души: когда ты будешь мрачен - оно

потускнеет, когда будешь лучиться счастьем - посветлеет, на верность оно ответит верностью.

В свой срок смерть забрала юношу, а верная, лучезарная дочь солнца превратилась в зеркало. Так, говорят, и появилось зеркало.

Мы, конечно, понимаем, что это сказка, воспевающая женскую красоту. Но не сказки же традиции, обычаи наших отцов, оберегающие честь женщины?! Известные нам сегодня традиции и не известные.

Все, что известно сегодня большинству из нас о традиции почитания и уважения женщины, связано с обычаем прекращать поединок, как только женщина бросит между соперниками платок. И известно это, в основном, из-за танцевальной композиций ансамбля «Вайнах».

Этот обычай известен, известно и его значение, но в сегодняшней жизни он уже не соблюдается. Его считают пережитком. Как и многие другие славные традиции народа.

Я сама свидетельница одного произошедшего жарким летним днем случая, связанного с платком. С одной стороны, это позор, с другой - случай этот заставляет задуматься: как говорится, смех сквозь слезы.

Из-за какой-то незначительной причины сцепились двое «мужчин», и вокруг суетились женщины, не в силах их разнять. Вокруг не было ни одного мужчины, чтобы просить о помощи. Неожиданно одна молодая девушка сняла с себя платок и кинула между ними, пытаясь унять драчунов. Но вышло как раз наоборот. Тот, кто первым сумел подобрать его, использовал платок по другому назначению: он в ту же минуту превратился в оружие. В мгновение ока он

набросился на противника и стал душить его платком. Все закончилось бы весьма плачевно, не подоспей мужчины.

Окровавленный, разорванный, теперь уже бесполезный, платок валялся, затоптанный всеми, в пыли. «Что, платок стал тебе не нужен?» - ругала плачущую девушку, пытавшуюся завершить ссору миром, ее мать.

Мужчина, не выполнивший просьбу женщины, не пользовался уважением наших отцов. Правда, в те времена женщины не злоупотребляли своими правами. Только исчерпав все другие средства, к противнику отравляли с просьбой женщину.

В наши дни, когда, с намерением уладить ссору миром, отправили к другой стороне старуху, ссора, наоборот, разгорелась с новой силой. Они посчитали оскорблением, что к ним, мужчинам, прислали женщину.

Слово женщины почиталось так же, как и слово мужчины.

Ахмед Сулейманов имеет ввиду не только мужские плечи, когда говорит: «Ведь мир этот покоится на плечах мужчин». На мужество способны и женщины. И этому есть много примеров.

Чеченский поэт Шахид Рашидов известен многим. Одна из его поэм написана на основе реальных событий. Некий юноша, непредумышленно убив человека, заскочил в первый попавшийся двор, пытаясь скрыться от кровников. В этом дворе он припал к груди пожилой женщине, хлопотавшей по хозяйству. Это, по законам наших отцов, просьба о помощи, просьба считать себя сыном этой женщины. Не говоря ни слова, женщина погладила своей шершавой рукой по голове

поникишего юношу. В это время во двор заскочили кровники с обнаженными кинжалами, и женщина загородила собой юношу:

- Я запрещаю вам причинить зло этому юноше!
С сегодняшнего дня - он мой сын!

Кровники растерялись:

- Мать! Ты не знаешь, что произошло! Только что этот юноша убил твоего единственного сына!

Оставшись еще в молодости без мужа, она одна воспитывала сына, возложив на него все надежды. Однако побледневшая мать, скрепив свое сердце, вновь заговорила:

- Значит, так было суждено. Оставьте его...
Кровной мести между братьями не бывает.

И этот юноша заменил женщине сына.

В наши дни женятся и разводятся очень легко. Женятся на понравившейся девушке, а потом, обнаружив в ней какой-нибудь недостаток или же, влюбившись в другую, разводятся. Если имеются дети, разлучают с ними. Или же приводят в дом вторую жену.

Как известно, обычай иметь двух или более жен ввел среди чеченцев имам Шамиль. Об этом хорошо сказал в своей книге «Наши нравы» чеченский писатель Абузар Айдамиров.

Воспитательная работа у нас запущена, по телевидению, радио и в печати мы неустанно говорим о необходимости возродить традиции, но не удосуживаемся заглянуть в корень наших бед, выявить причины болезни общества. Все разговоры в мужских компаниях начинаются обсуждением женских пороков, этим же и завершаются. По разумению мужчин, именно женщина виновата во всех бедах и напастях.

Женщина виновна... Особенно сегодня.

Виновна, что сумела сохранить огонь в очаге, несмотря на все тяготы и лишения.

Виновна, что, пытаясь скрыть от окружающих потерю смелости, отваги мужем, подхватила выпавшее из его рук знамя мужества.

Виновна, что у нее хватило сил морально и физически поддержать членов своей семьи в тяжелую минуту.

Виновна, что не потеряла надежды на лучшую долю, хотя частая смена власти лишила ее всех прав.

Виновна, что до сегодняшнего дня хранила как зеницу ока башни чести и благородства нашего народа.

Если мы начнем перелистывать страницы нашей жизни, перед нами откроется неприглядная картина.

«Времена такие!» - махнув рукой, произносим мы, становясь свидетелями некрасивых, безобразных поступков. Время здесь как раз не причем, оно бежит, не меняясь, не сбавляя темпа. Это люди испортились. Нудь это в их силах, они превратили бы земной шар в куб, или же стали играть им, как в мяч, поочередно давая ему пинка от души.

Когда создавался наш народ, первым был заложен камень благородства. В свою очередь, благородство пробуждает к жизни лучшие качества души: мужество, отвагу, скромность и другие.

Лишившись благородства, человек теряет и другие положительные качества. Женщина являлась символом благородства у всех народов во все времена. Как говорится, положение женщины в обществе позволяет судить о государстве, о культуре народа.

Главное предназначение женщины — создание семьи, поддержание очага. Мечта любой женщины -воспитать детей здоровыми, послушными, иметь

мужественного, благородного супруга. Узбекский писатель А.Гафуров в своих афоризмах нашел правильное определение семьи: «Хорошая семья - прекрасный бриллиант, и оправой этого бриллианта является заботливый отец».

Сегодня многие мужчины избегают скромных девушек. «Не современная, и в одежде, и в своих взглядах отстала от жизни, да с ней умрешь от скуки!» - возможно, думают они. Но они не задумываются над тем, что такая жена и детей своих воспитает такими же благородными, скромными.

Чувства в наши дни обесценились.

Скромная девушка уже сомневается, правильно ли она живет, найдет ли она, если будет продолжать подобный образ жизни, спутника. Поэтому она меняет свой характер, стиль одежды, поведение. Это и не трудно. Быть хорошим - трудно, быть плохим - легко. Так эта заразная болезнь распространяется

Имеется немало случаев, когда мужчина выгоняет свою добродетельную жену, оставив детей без матери, приводит в дом какую-нибудь продажную женщину и возвеличивает ее, подобно царевне. Матери тяжело переносить разлуку с детьми, больно, что супруг променял ее добродетель, скромность на эту недостойную женщину.

«Нам, мужчинам, можно, вам - нельзя!» - вот главный принцип мужчин. С этим принципом они сворачивают на скользкий путь, путь алкоголизма, наркомании, распутства.

«Нам можно, вам - нет», - с этими словами топчут честь жены, детей. Не замечают в глазах родных застывший крик о помощи.

«Нам дозволено, вам - нет», - равнодушно

взирают на их ломающиеся судьбы.

«Нам можно, вам - нет», - бросаются в бездонную пропасть, забыв о долге перед семьей, родиной, превратившись в раба пагубной страсти.

Если прислушаться к себе, человек может обнаружить в себе много наклонностей. Чтобы прожить жизнь легко, нужно преодолеть несколько преград. Требуется забыть об обязанностях перед Богом, Отечеством, семьей, забыть о необходимости вести праведный образ жизни, о честном труде на благо отчизны, о долге перед семьей. Когда живешь только ради себя, ради удовлетворения своих страстей, времени, чтобы задуматься о своем истинном предназначении, не остается.

Но разумный человек понимает, что жить ради родных и близких, жить их радостями, горем, надеждами более почетно. Такая цель приносит духовное удовлетворение, радость. Оказаться ненужным родным, обузой для них - ужаснее наказания не существует.

Когда мужчины говорят о своих принципах, они забывают об одном: Бог и женщин наделил чувствами. Он создал их более хрупкими, ранимыми. Им тоже хочется прожить эту жизнь легко, пренебречь обязанностями (более трудными), испить сполна сладкую чашу жизни. Но есть же разум, совесть, терпение, благородство, стойкость. Все имеет свои рамки.

Все - и хорошее, и плохое - исходит из семьи.

Семья - маленькое, независимое, своеобразное государство. Со своей политикой, моралью, бюджетом.

Наблюдая за своими родителями, их поступками, жизнью, дети, как зеркало, вбирают в себя их характеры.

Как родители уважают друг друга, таким же почтением они пользуются и со стороны детей. Помню, когда была маленькой, отец собрался как-то в дорогу, мать окликнула его и, подбежав с тряпкой в руках, стала протирать его туфли, извиняясь, что вовремя не почистила их. Отец недовольно оттолкнул ее, взял тряпку и сам стал очищать обувь от пыли:

«Ты не рабыня, чтобы, став на колени, протирать мои туфли, а я не калека, могу нагнуться. Отойди, я сам их почищу».

Я почувствовала уважение к родителям из-за того почтения, с каким они отнеслись друг к другу. В этом поступке я увидела пример, наполненный глубоким смыслом.

Из таких кирпичиков уважения и складывается в душе человека башня чести.

В 1996 году, перед президентскими выборами, у нас остановился гость.

Он сказал:

- Если народ окажет мне доверие и изберет президентом, в первую очередь я приму законы, защищающие права женщин. Женщина — это бесценный бриллиант, преподнесенный Богом в дар мужчине. Его необходимо оберегать.

Так оно и есть. Должно быть. Однако пока этот подарок пылится на захламленном чердаке, и некому о нем позаботиться.

И оправа давно потеряна.

...На обочине большой дороги, приковывая к себе внимание, растет тюльпан. Следы показывают, что совсем недавно тут кто-то прошел, равнодушно наступив на него ногой. Может, его ранили случайно.

Но тюльпан, собрав все свои силы, пытается выпрямиться, тянется к солнцу. Меня поражает непокорность этого цветка, его тяга к жизни. Судьба цветка и вайнахской женщины показались мне схожими. И она, как этот тюльпан, не сгибается под ударами судьбы и, несмотря на все лишения и невзгоды, с надеждой тянется к новой жизни.

РОДИНА-МАТЬ! ЗЕМЛЯ-МАТЬ!

Образ женщины связан с самыми святыми, дорогими понятиями - Родиной, Землей.

Тот, кто относится к женщине без должного уважения, не будет уважать и этих святынь!

1997 год

*Перевод с чеченского
С.Мусаева*

МАМА, РАССКАЖИ НА НОЧЬ СКАЗКУ!

- Мама! - разрывает в темноте тишину детский голосок. Это маленькая Седа.

- Чего тебе, золотце? - отзывается мягкий материнский голос.

- Мне не спится, расскажи сказку!

- Какую тебе рассказать?

- Про Малх-Азни и Алхаста...

- Нет, лучше сказку о бесстрашном Сулиме! - вмешивается пятилетний Адам.

- Не-е-т! Ты всегда просишь одну и ту же сказку, уже пора бы выучить ее наизусть! - капризно тянет в ответ Седа. Она старше Адама всего на два года.

- Не спорьте! - примирительно говорит мать. - Седа, Адам твой брат, хоть и младший, поэтому ты должна его уважать как старшего и не перебивать.

- Вот тебе, получай, ты должна слушаться меня! - маленькое сердце Адама наполняется гордостью.

- Ты неправильно меня понял, хороший мой, - мягко поглаживает мать кучерявые жесткие волосы сына. - Ты мужчина, хотя пока и маленький, а сестра, да и любая девушка, будь она даже старше тебя - слабая. Всякий, кто считает себя мужчиной, должен опекать их. Я тебе рассказываю в сказке не про кичливого, заносчивого Сулиму... Ты понимаешь меня?

- Да! - чувствуя себя виноватым, еле слышно отвечает Адам.

- Что ты понял?

- Я должен стать бесстрашным Сулимой...

- Ах, какая же светлая золотая голова у моего Лдама! - целует мать довольного ребенка.—Теперь мама расскажет вам новую сказку, сказку про Пхармата. Готовы слушать? - к плечам матери прижались две маленькие головки.

Наполняя пространство прекрасными картинами, нарушая тишину мягкой мелодией, вокруг разлилась ночная сказка.

Заходясь в пляске, народная сказка в азартном танце утоляла жажду души своей живительной влагой. Колыбель детства мерно покачивалась в ореоле жемчужин сказки, прошедшей сквозь века.

**ЧЕЛОВЕЧНОСТЬ! СОСТРАДАНИЕ!
ДОСТОИНСТВО!**

Мягкий завораживающий голос-матери с помощью примеров искусно воздвигал в юных сердцах детей башни благородства и чести.

Искры пламени Пхармата глубоко запечатлелись в их чистых душах.

Своей сказкой мать вложила в сердца детей по Пхармату.

Келимат забылась сном под мерное дыхание детей, обласканных звездной сказкой, убаюканной ночью, которая действовала исцеляющее после дня, проведенного в праведных трудах, облагораживающих домашний очаг, честь и достоинство семьи.

Засиял навстречу жизни очередной день, набравшись свежих сил от ночи, словно ребенок, вскормленный матерью.

Такая же синева небес; чистый прозрачный воздух; свободный орел, парящий над гордыми вершинами гор и посылающий оттуда привет легким взмахом крыла; обнаженные деревья, застывшие в

снежном плену.

Поставив подогреть еду для собирающегося на работу мужа, Келимат посмотрела на часы и вышла. Как только женщина открыла дверь, вместе со снежинками ее окутал зимний мороз.

Стук в окно заставил ее обернуться.

- Ты куда собралась? - посмотрел на нее с укором супруг.

- Присмотрю за скотиной...

- Разбуди Касума.

- Его нет, он остался ночевать у двоюродного брата.

- А нельзя мне сказать?!

- Хотелось побережь тебя...

- Ты не меня, ты лучше себя побереги, и ребенка, что скоро должен появиться на свет. Да и не одета ты, а потом вы, матери, еще жалуетесь, что дети хилые, болеют часто...

В это время вернулся Касум и, пожелав отцу доброго утра, стал хлопотать по хозяйству.

- Что вам привезти? - открыв дверцу машины, муж вопросительно взглянул на Келимат.

- Нам ничего не нужно, лишь бы ты вернулся живым-здоровым, - ласково ответила она.

Келимат открыла глаза. Она поняла, что это был всего лишь сон, и ее обессиленная тяготами жизни душа завывала голодным волчонком.

Это был только сон!!!

Неужели всем чаяниям, надеждам женщины на счастливую жизнь, для которой она рождена, суждено сбыться только во сне?!

Она лежала на деревянном топчане, без матраса, и одежде, в которой вернулась с базара, там, где она свалилась вчера от усталости.

Адам и Седа льнут к матери, свернувшись от холода клубком на жестком топчане. От жалости к ним па глаза матери наворачиваются слезы.

Как же не соответствует красивая сказка, приснившаяся ночью, этой картине! Уже неделю детей не купали - днем ее не бывает дома, а купать ночью она остерегается. В доме холодно, некоторые окна без стекол, только тонкая клеенка служит преградой для зимнего мороза.

Мать стала поправлять одеяла, и Адам, проснувшись, прижался к ней:

- Мама, - тихо попросил он, - возьми меня с собой!

- На базаре ведь холодно, маленький мой!

- Ничего, без тебя и дома холодно, - губы мальчика, готового вот-вот заплакать, подрагивают.

- Мама принесет вам вечером конфет, фруктов...

- Мне ничего не надо, возьми меня... Я не буду баловаться и просить, чтобы ты купила машинку... Буду просто сидеть рядом...

- А кто с Седой останется? Ей же будет страшно одной, без тебя.

...Только одно радовало, что вчерашний сон не оказался явью - Келимат не была в положении. Только этого сегодня и не доставало!

Холодное, лютное зимнее утро по-родственному обняло бедную женщину. Утро было таким же, как и вчера. И мир, и жизнь были теми же. Как пятнадцать лет назад: время бежало, широко ступая, не оглядываясь

на потрепанное прошлое, не оставляя надежды на счастливое будущее.

Когда Бог разгневался на дьявола и изгнал его, дьявол спросил, где он будет ночевать, чем питаться. Бог ответил ему, что питание он добудет на базарах, где занимаются часто жульничеством, а местом ночлега послужит постель мусульманина, который лег спать, не совершив молитвы.

Каждый раз, приближаясь к базару, Келимат вспоминает эту историю. Но утешает одно: она трудится честно, не пытается никого обмануть. Она продает не одежду, не водку и не сигареты. Не торгует и продуктами.

Рядом с забором проходит широкая труба, по которому, обеспечивая городские дома теплом, идет природный газ. В одном месте, где осколок пробил трубу, давно уже без всякой пользы горел факел. Чуть дальше, ближе к базару, Келимат просверлила трубу, протянула шланг и готовила на огне оладьи, чепалги, хингалы, этим и кормила семью.

Если вычесть расходы на муку, фарш и другое необходимое, прибыль была очень маленькой. Но удавалось сводить концы с концами, чтобы не голодать.

Рядом стоит киоск, в котором продаются кассеты. Песни, назмы, аяты из Корана - все, что пожелаешь.

- Мовлди! - зовут женщины хозяина киоска.
- Слушаю!
- Поставь нашу кассету!
- Какую?
- С аятами, в которых говорится о правах женщин!
- Какой толк их слушать, если ваши права все равно не восстановят? Напрасные надежды! - смеется

Мовлди.

- Нам и просто слушать их приятно. Мужчины порой забывают не только то, что мы женщины, но и что мы люди!

- Напишите обращение к властям, сообщите о своих проблемах...

- Ви-ий, ну и сказал! - смеются женщины. - Власть сама состоит из одних мужчин!

- В дни, когда шли ожесточенные бои, прятались за наши спины, а сегодня, когда идет дележ портфелей, мы оказались лишними: им кажется, что решать вопросы государственной важности женщинам не под силу.

Подошла запыхавшаяся молодая женщина, толкая перед собой тачку с горячей едой.

- Вы слышали, говорят, что Джеки Чан умер? - со скорбной миной на лице сообщила она новость, поправляя платок на голове.

- Тоже мне, нашла о чем говорить! Чего нам горевать от того, что Китай впал в траур по одному мужчине, когда половину наших мужчин истребили, а оставшиеся ежедневно исчезают?!

«Аллах сказал: «Рай находится под ногами матери», - спокойно вещал голос из магнитофона.

- Бедные мы женщины, и почему мы так несчастны? В этой жизни мы не нашли спутника жизни, и в загробной жизни нам их не видать.

- Это почему? - не понимает Мовлди.

- Разве тот, кто не почитал женщину, мать, попадет в рай?!

- Тогда я могу быть спокоен: мне там место обеспечено, - заявляет Мовлди.

- Тоже, успокоил! На тебя, не смеющего в этом несправедном мире из-за своей Зуры бросить взгляд в сторону другой женщины, там и надеяться не стоит.

- Девочки, вы слышали один забавный рассказ? В Судный день мужчинам показали две двери. Им приказали, чтобы тот, кто боялся своей жены, потакал ей во всем, встал у одной двери, кто не боялся жены - у другой. Все мужчины сгрудились у первой двери, у второй остался сиротливо стоять всего один мужчина. Все стали восхищаться этим героем. Когда у него спросили, как так получилось, ведь для того, чтобы до конца оставаться в глазах жены настоящим мужчиной, требуется много выдержки, ума, стойкости, бедняга слабым голосом, еле слышно ответил: «Жена наказала мне тут стоять».

Женщины дружно захохотали.

- Мой брат по вере не знал, видимо, что за ложные показания полагается строгое наказание, - выключил магнитофон Мовлди.

- Почему ты выключил его? - раздались женские крики.

- Мне не нравятся ваши дискуссии, как бы они не переросли в антиправительственный митинг. Кроме того, вы и мою Бабацки возмутите своими «заявлениями».

Келимат не участвует в этих разговорах. Она занята делом, размышляя, успеет ли до обеда заработать на мясо, чтобы вечером, вернувшись домой, сделать галушки.

Как там было во сне?

Как же она была переполнена счастьем, исполняя, как следует, свой материнский долг! Рассказывая детям на ночь сказку!

А мужа каким видела! «Что вам привезти?»
Остопируллах! Привидится же такое!
Что он еще сказал? «Береги себя, не мерзни...»
- Эй, слышишь?! - на нее неожиданно упала тень
мужа, отрывая от сладких мыслей. - Ты что, застыла?
- Да, застыла, от холода и от печальных
мыслей...
- У тебя что, и голова есть, чтобы думать?
- Нет, конечно, если бы была голова, разве я
вышла бы за тебя?
- Это неизвестно, жена, — гордо приосанился
Асвад. — Ты еще не слышала, наверное, про решение,
принятое вчера нашим правительством... Мужчин
обязали, значит, иметь четыре жены.
- И что?
- Женщины будут сидеть по домам, будет кому
их обеспечивать!
- Вот-вот, - с готовностью согласилась Келимат,
- очень хорошо! Может, найдется мужчина, чтобы и
меня прибрать, и мне не придется больше стоять на этом
шайтаньем базаре, тогда у меня будет достаточно
времени заняться своей несчастной семьей... А это свое
рабочее место, - указала рукой на плиту обессиленная
женщина, - я бы оставила без малейшего сожаления...
- Эй, остынь! - прикрикнул на нее Асвад, когда
разговор принял неожиданный оборот. - Мы совершаем,
значит, культурную революцию... Культуру и этику на
чистом чеченском языке называют, значит, словом
«вадд»... А меня зовут Ас-вад. Это не случайно,
значит...
- Если нашу национальную культуру называют
«вадд», а ты «асс» этой культуры - значит ее вовсе не
существует... Не «вадд», а ва-да-дай!

- Оставь разговорчики, базар не место для «вадд». Много наторговала?

- Вот он, твой «вадд». Ты пришел для рэкета? - женщина вернулась к своей работе, переворачивая принявшие красный цвет оладьи. - Зачем тебе деньги?

- Это государственная тайна.

- Твоя «государственная тайна» быстро

становится достоянием народа, стоит тебе купить бутылку и отойти... Забыл, как деньги, которые я дала тебе на мясо, ты потратил на водку?... Чтобы тебе пусто было!.. Я стараюсь в глазах детей превратить тебя в главу семьи, а ты превращаешь башню, сооруженную мною с таким трудом, в развалины...

- Цемент, значит, бракованный, - Асвад невозмутим.

- И не только!

- Так ты дашь денег или нет?

- Ой, ты же собираешься кормить четыре жены, не стыдно просить у меня денег? Или ты женишься на них, чтобы они тебя обеспечивали?

- Дашь или нет? - выходит из себя Асвад.

- Нет! — Келимат протягивает ему поднос с оладьями. - На, дорогой, если тебе так нужны деньги, иди, заработай их... заработай трудом, потом...

- Я еще знаю себе цену! - не находит других слов «асе», стоящий на страже «вадда».

«...Как истолковать вчерашний сон? - снова возвращается к приснившемуся Келимат.- Обычно говорят, что видеть себя во сне беременной - к новости. Но и новости бывают разными, на хорошую уже и не надеюсь...»

- Торгуешь? Пусть твой труд будет благодатным!

- Спасибо! Сколько тебе положить? - женщина даже не смотрит на покупателя.

- Нисколько.

- Что?! - грубый ответ обжигает ее. Она поднимает взгляд на подошедшего. - Что ты сказал?

- Ты забыла меня?

- Теперь вспомнила: ты называешь себя сотрудником налоговой инспекции,.. Чего тебе?

- Тебе известно, что эта газовая труба государственная?

- Конечно, ведь в собственности народа ничего уже не осталось.

- Хорошо, что известно, поэтому ежемесячно нужно платить налог... в размере двух тысяч рублей...

- Это еще за что? - Келимат непонимающе смотрит на него.

- Ну, это же ясно как божий день! Ты же просверлила трубу и используешь для своих нужд государственный газ!

- Боже мой, только что я спровадила одного рэкетира, своего, теперь явился чужой! Конечно, ты говоришь все это не всерьез?!

- Я разве похож на шутника? - сурово сдвигает брови налоговый сотрудник.

- Видишь, - указывает рукой Келимат на гудящий на ветру факел, — горит? Почему ты прошел мимо государственной собственности, которая пропадает зря, и подошел ко мне? Если ты так печешься о государстве, иди, отремонтируй трубу.

- Это совсем другое дело, а ты прилюдно обкрадываешь государство. Если ты не согласна платить налог, твое дело передадут в суд.

- Пусть тогда и те, кто греет руки у факела, платят налог... Они тоже используют газ в своих целях.

- Ты не хочешь меня понять, но ничего, суд все разъяснит. Скоро тебе придет повестка...

Прошел еще один день. Очередной день из жизни чеченской женщины несчастной судьбы.

- Мама! - словно издалека до матери доносится детский голосок в ночной темноте. Она с великим трудом разомкнула отяжелевшие веки.

- Мама! - теперь тонкий голосок раздается уже ближе.

Потрескавшиеся от долгого стояния на холоде губы не повинуются женщине.

- Мама, ты плакала?

- Нет, - качает головой мать.

- А почему тогда у тебя глаза красные, опухшие?

- внимательно изучает ее лицо маленькая Седа.

Келимат вспомнила вчерашний сон, колыбельную песню, свое блаженство от мелодии сказки.

- Рассказать вам сказку? — притягивает она к себе детей.

- А ты знаешь? - удивлению Седы и Адама нет границ.

- Конечно, знаю! Какую вам рассказать?

- Расскажи сказку про Шрека! - блестят глаза Седы.

- Нет, про Терминатора! - не соглашается Адам.

Мать не понимает, про героев каких сказок они говорят.

- А сказку про Малх-Азни и бесстрашного Сулиму по хотите услышать?

- Мы не знаем эту сказку... Расскажи, мама!

- Готовы слушать? - к плечам матери склонились дне маленькие головки.

Ночная тишина замерла в напрасном ожидании прекрасных картин. Ночная сказка так и застыла, приготовившись разлиться в окружающем пространстве. Азарт народной сказки, готовой пуститься в пляс, угас. Чудесный источник иссяк, так и не утолив жажду души.

Колыбель детства, приготовившаяся уже раскачиваться в сиянии жемчужин сказки, осталась пустой.

Искры от пламени Пхармата растаяли во тьме.

Юные, чистые сердца детей, потеряв надежду на Пхармата, остались в одиночестве.

- Мама! Мы слушаем тебя!

В ответ молчание.

-Мама!

- Адам, не зови ее, не видишь - она спит. Пусть отдыхает. Мама устала... Я расскажу тебе сказку. Готов слушать?

-Да.

- Терминатор вышел, чтобы покорить мир...

2005 год

Перевод с чеченского

С.Мусаева

В ПОИСКАХ ВДОХНОВЕНИЯ

Адам внезапно проснулся. Оказывается, в ожидании вдохновения он уснул и, сидя за столом, встретил утро следующего дня. Даже ручку не уронил. Уснул, как абрек в засаде, с оружием наготове.

Он широко зевнул и, растянувшись, захрустел косточками. Затем тупо уставился на чистый лист бумаги и зажмурился. Вспомнился вчерашний день в редакции, где ему, автору военной прозы, ясно дали понять, что тема о войне должна быть закрыта.

- Довольно слез и причитаний! - отрезал редактор и сурово, как лев, поглядел на него исподлобья. Сказал так, точно положил конец этой войне-головоломке.

- А о чем еще писать? - сделал он слабую попытку защититься. - Ведь ни о чем больше не пишется. И, вообще, автор может говорить только о наболевшем.

- Ну, мало ли тем?! Пиши о любви, природе. Читатель устал от войны, он истосковался по юмору, смеху, по жизни.

«Ну да, - зло швырнул он ручку в сторону, - напишешь тут про любовь, жизнь и, тем более, что-нибудь юмористическое!»

Адам огляделся по сторонам. Голые, серые стены уставились на него в ожидании чуда, что их вот-вот обвешают нарядными коврами и чудесными картинами. Как же, дождутся! Скорее, он их заклеит своими черновиками никому не нужной писанины. Который раз он переезжал за эти проклятые последние годы! Пять

раз, если не больше. И везде тот же немой вопрос чужих стен.

Он закрыл глаза и попытался представить себя у берега тихой речки, под сенью бархатных листьев ивы. Но ничего не вышло. Низко, почти касаясь крыши домов, летали вертолеты, поднимая вокруг невообразимый грохот и сея ужас среди детворы.

«Эх, сбить бы тебя сейчас и почувствовать себя после этого Рембрандтом после завершения великого шедевра!»

Скрипнула дверь. Показалась голова жены.

- Встал?

Адам разочарованно взглянул на нее. Ни нежной улыбки, ни «доброго утра!», ни «как ты провел ночь?»

О Аллах, а он еще надеется на визит волшебного вдохновения!

- Жена, - задумчиво обратился он к ней, - что такое любовь?

- Что? - не поняла та.

- Я спрашиваю, что ты можешь сказать о любви?

Жена напустила на себя эзоповскую задумчивость, несколько раз хлопнула глазами и, наконец, раскрыла рот:

- Будешь пить чай?

Лицо мужа расплылось в улыбке.

- Ну, конечно, буду. Ведь любовь - это чай!

- А что ты хочешь услышать от меня? - неожиданно вскипела женщина. - Он еще рассуждает о любви! А что ты сделал во имя этой самой любви? Хоть раз в жизни защитил меня от несправедливых наездов своей неблагодарной родни? Когда-нибудь давал почувствовать мне крепкое, надежное плечо спутника жизни?

Адам с удивлением уставился на нее. Он никогда не видел ее такой - женщина вдруг выплеснула все, что накопилось в ее душе за все годы совместной жизни. Она не подбирала нужных слов, они сами находили в сердце каждую выстраданную струнку жизни и ложились в горестную ноту.

Мужчина теперь горько сожалел о том, что вообще затеял этот неуместный разговор, и не знал, с какой стороны подступить к извергающемуся вулкану -разгневанной женщине.

- Ладно, ладно, - примирительно подал он голос.

- Успокойся, хватит об этом...

- Нет, не хватит. Дай мне высказаться... Ты вот сидишь, думаешь и строчишь ручкой на бумаге, переживаешь за Родину, народ, жизнь, но не замечаешь, не чувствуешь нас - меня, свою жену, детей. А ведь мы тоже частицы этих святынь. Нашу Родину растоптала и предала кучка мерзавцев, а чем ты лучше? Ты предал нас, свою семью. Растоптал мою честь, связавшись с падшими женщинами. Не видишь наши заботы, боль, так как занят только собой. А еще сетуешь на то, что вдохновение обходит тебя. А с какой стати оно должно посещать твою убогую душу? Даже Аллах отвернулся от тебя!

- Женщина, не забывайся и знай свое место! Прежде всего, я - гражданин и патриот своей Родины, - повысил Адам голос.

- Гражданин и патриот? - комната взорвалась от истерического хохота ожесточившейся вдруг женщины.

- Кто бы говорил! Ты растерял все это в 1995 году... Может, забыл? Тогда я могу напомнить тебе...

Адам весь съежился от неприятного воспоминания. В том злополучном году они не успели своевременно выехать из пылающего города, и он с

семьей, вместе с сотнями таких же несчастных, отсиживался в подвале. В гнетущем ожидании. И вот однажды дождались...

Федералы вывели их всех во двор и потребовали показать паспорта. А для чего, обитатели подвала сразу не уразумели, а когда поняли, все оцепенели от ужаса. Разделили на две группы. Русских в одну сторону, чеченцев - в другую. Последних выстраивали у стены девятиэтажного здания для расстрела. И что тогда его, Лдама, удивило, что никто из них не кричал, не вымаливал пощаду: все стояли в горделивом молчании, чувствуя свою обреченность.

Его жена, вся бледная, с двумя малолетними детьми, стояла среди них и лишь неслышно шевелила губами: читала Ясин перед смертью. Адам больше не выдержал. Достав паспорт из кармана, подбежал к солдатам и начал объяснять им, кто он такой:

- Я член Союза писателей России! — громко заговорил он, тыкая им в лицо красную книжечку. - Смотрите, вот мое удостоверение. А вот моя книга... видите?

А они хохотали над ним... Им было все равно, кем он был, они видели перед собой всего лишь чеченца, и этим было все сказано.

- ... Я чуть от стыда не сгорела от сознания, что это мой муж так низко пал и просит пощады... не для нас, а для себя, - продолжала сотрясать воздух жена. - Гражданство и патриотизм проявили в тот день другие, мужество которых до сих пор поддерживает во мне силы в трудные минуты жизни.

Когда на них направили автоматы, русские женщины бросились им на выручку и своими телами, как живым щитом, загородили их от пуль.

- Тогда и нас расстреливайте, - в иступлении кричали они. - Мы тоже чеченские русские!

Их всех отпустили благодаря стойкости и самоотверженности этих женщин.

Адаму все больше и больше не нравился этот разговор, а последние слова больно обожгли его самолюбие, но он мужественно выслушал ее до конца.

- Смотри на меня, - запальчиво продолжала та. - Во что я превратилась? А ведь мне всего лишь двадцать шесть лет, а выгляжу старухой. А почему? Кто виноват? Ты задумывался над этим? Я никогда тебе не жаловалась на свою судьбу, на нашу неустроенность. Ты хоть раз видел глаза своего ребенка, просящего кушать, когда в доме хоть шаром покати? В такие минуты я готова умереть от отчаянья и беспомощности. Ты расточаешь красивые слова налево и направо, забиваешь головы девушкам ерундой, как когда-то мне...

- Вы не понимаете нас, мужчин, - попытался отшутиться муж, чувствуя свое полное поражение. - Помнишь, как объяснили в фильме, почему мы любим одних, а женимся на других?..

- Помню, помню, - перебила его женщина, - и прекрасно поняла смысл этих слов: красивых любите, а на дурочках женитесь!

Она ушла, сильно хлопнув дверью. Адам облегченно вздохнул.

Тема любви отпадает. Не та атмосфера. Придется выбираться на природу и вымаливать у нее милостыню для свежей идеи.

Может, и вдохновение посетит.

2002 год

В КОНЦЕ ЖИЗНИ

Человек появляется на свет, чтобы жить...

Ему дан разум, чтобы определить свое место в жизни, пути для ее познания.

Ты появился на свет!

Это - твоя первая и главная победа. Тебе, именно тебе, выпал жребий (будь он счастливый или тяжкий) увидеть, познать этот удивительный мир, испить чашу наслаждений с помощью чувств, данных тебе Богом.

Впереди - Ее Величество Жизнь. Полная побед и поражений, слез радости и горя. Сначала она возносит тебя до самых небес, потом, стоит тебе только чуть забыть, низвергает в чрево земли.

Перед человеком в жизни открывается много дорог. Как кровеносные сосуды от сердца, они расходятся перед тобой в самом начале твоей самостоятельной жизни. Ты на распутье. Главное - суметь сделать разумный выбор нужной тебе дороги. Они, эти дороги, разные - легкие и сложные, длинные и короткие, счастливые и безрадостные. Слепота, глухота души твоей мешают выбрать predetermined тебе путь, идти по нему, не сбиваясь.

Каждый человек пишет свою книгу судьбы сообразно своему уму, сознанию.

А что такое судьба?

Это характер человека, ведь судьба человека зависит от его характера. Мы-то говорим, что человек живет predetermined ему еще до его рождения Богом жизнью. Но бывает и так, что человек, у которого

рядом с разумом не соседствует сознание, по своей вине становится несчастным.

Каждый человек устремляется в погоню за счастьем. А счастье - очень привередливая, хрупкая вещь, оно не жалуется слабого, немощного. Безжалостно бросает оно в середине пути мягкотелого. И счастье любит достойного, относящегося к себе с уважением, почтением, способного оберегать его.

Это Жизнь.

А Смерть?

Да-а, за Смертью никто не гонится. Наоборот, пытаются избежать ее. Но где бы ты ни прятался, на какой бы край света ни сбежал, все тщетно.

Красавец и урод, богач и нищий, счастливый и несчастный - Смерти все едино. Одинаково берет за горло своей худой, ледяной костлявой рукой.

Это - Ее Высочество Смерть.

Право на Жизнь и Смерть Бог оставил у Себя. Выбор за Ним.

Никто не способен предстать перед Богом столь же безгрешным, как ангел, с такими же чистыми мыслями, как младенец, - таких, наверное, и нет.

Соблазнов, чтобы обмануться этим миром, много, и пройти это испытание очень трудно.

Над всем этим глубоко задумываешься лишь тогда, когда приближается час держать ответ за свой длинный жизненный путь.

Как сейчас Насарт.

Будет неверным утверждать, что она готова предстать перед Высшим судом, познав вкус жизни, с полным грузом добрых деяний.

Она не только не жила сама, но и отравляла жизнь окружающим. Своим существованием она как бы

свидетельствовала о том, что демоны в человеческом обличье существуют не только в сказках, но и в жизни.

Ее источавший яд язык, который раньше не знал покоя ни на миг, теперь застыл, словно налитый свинцом. Но, хотя она сейчас и не в силах вымолвить ни слова, Насарт в памяти и ясно различает все звуки, которые ее окружают.

Да, сознание ее ясно, как никогда. Если бы она прожила свои годы, будучи такой же рассудительной, как теперь, ее одолевали бы совсем другие мысли в самые тяжелые минуты человеческой жизни - в преддверии смерти.

Она не знает покоя ни на миг, каждая страница ее жизни переворачивается в памяти, причиняя сильную боль сознанию.

Взвешивая свои хорошие и плохие поступки, она видит, что недобрые, грешные деяния перевешивают, и ей хочется оглушить мир криком отчаяния.

Почему она прожила жизнь, данную Богом только один раз, так безрассудно, с явным пренебрежением к ней?

Когда она потеряла свое женское обличье? Как допустила, чтобы мягкое, нежное материнское сердце превратилось в гранит?

Родители Насарт были праведными людьми, истинными мусульманами, они пользовались уважением родных и близких, их приводили в пример. Такими же являлись и ее братья и сестра. Они жили в мире и согласии между собой, но Насарт ничем нельзя было угодить.

Здоровье, семья, добрые взаимоотношения, благополучие - ей всего этого было мало. Мир был тесен, видела она его только в сером цвете, во всем

выискивала недостатки и изъяны, считала грешное чистым, а чистое грешным.

Ухаживать за больным тяжело. Особенно, если этот больной - близкий человек. Мысль о том, что он не в силах облегчить боль и страдание больного, принести ему исцеление, причиняет ухаживающему муки. Переживания за больного сильно утомляют его, подрывают здоровье.

А такие, как Насарт, и у порога смерти источают желчь. И на милость не надеются, а если и видят в ком-нибудь проявление жалости, в еле бьющееся сердце закрадываются недоверие, пренебрежение.

Для старухи наступил час, когда нужно испросить прощение у окружающих. Час, когда сердце смягчается, глаза влажнеют, мысль проясняется. Однако не заметно, чтобы у Насарт смягчилось сердце, очистились мысли или из глаз покатилась хоть одна слезинка. Тот же суровый, с оттенком высокомерия, взгляд, во взгляде чувствуется все тот же неукротимый нрав, который не изменил даже страх смерти.

Понять Насарт трудно. Что же оттолкнуло ее от Бога, от радостей жизни?

Соблюдая приличия, проведать больную приходит много людей. Зайдя в дом и сказав несколько приличествующих случаю слов, они быстро покидают дом. Люди добры, сердобольны.

Насарт хорошо понимает, что приходят они не рада нее, потому что среди них нет никого, кого пощадил бы ее язык.

Ей не забыть, как однажды муж, потеряв терпение, в сердцах бросил:

- Не будь, женщина, столь жестокой! Не скупись на хорошие слова, оставь свою зависть! Странное дело, сколько ты ни источаешь яд, его меньше не становится! Ты подумала о своем сегодняшнем поступке?

- Что же такого я сделала? - Насарт и бровью не повела.

- Как?! Ты уже забыла?! Забыла, как ты, при всем народе, когда попросили засвидетельствовать праведность покойного, сказала: «Теперь хорош!»?!

- Разве я была не права?

- А ты разве не должна умереть, ты не хочешь, чтобы тебя проводили добрым словом?

- Я не нуждаюсь в лжесвидетельствовании...

- В таком случае тебе не будет покоя в могиле, и на похороны твои никто не придет!..

- Придут, - невозмутимо ответила Насарт.

- Мне не верится в это! Ты не оставила в людских сердцах места для жалости к себе.

- На мои похороны придут люди, из уважения к тебе, а вот на твои никто не явится - из-за ненависти ко мне.

- Ты сойдешь в могилу, отравившись своим же ядом! — махнул рукой Юсуп.

Кто думал, что это день наступит так быстро?!

Больной дышится тяжело. У нее ничего не болит, но борьба с душой, рвущейся наружу, обессилила ее.

- Юсуп, как Насарт? - доносится голос соседа Рашида.

- Никаких изменений, Рашид, все по-прежнему.

- Не заговорила?

- Нет, довольно и того, что до сих пор говорено ею. Наговорила уже... Теперь можно и отдохнуть, -пытается пошутить Юсуп. - Ну, вставайте, мы безвольны что-либо изменить... Будьте свободны, пусть вами будет доволен Бог. Килсани, Медни, вы тоже идите, день сейчас короток, а у вас дома дети, много хлопот...

Насарт осталась одна в крошечной тьме.

Сердце вещало, что это ее последняя ночь. Ночь прощания...

Дальше - Ее Величество Смерть!

И на свет появилась ночью, ночью и покидает его. Но с одной существенной разницей - на свет появилась свободной, налегке, а теперь, перед дальней дорогой, на спину ее взвален непосильный груз. Груз тяжких грехов.

Как известно, набожного человека, верящего в Аллаха, боящегося Его, остерегающегося людского проклятия не испортят ни богатство, ни должность, ни голод, ни нищета. Его не сломят трудности.

Насарт не сумела выбрать этот путь, последовать за человеком, избравшим его, беря с такого праведника пример, опираясь на него в тяжелую минуту.

Когда муж, Юсуп, сказал ей: «В твоей душе поселился бес!», она ему не возразила. А может, согласилась с ним.

Если это не так, ее дикому поступку невозможно найти оправдания.

У нее умерла дочь. Насарт попросила похоронить себя, когда умрет, рядом с ней. Скоро в селе умер ребенок, которому не исполнилось и года. Рядом с могилой дочери появился небольшой холмик.

Увидев это, у Насарт помутился разум. В ту же ночь потерявшая рассудок женщина отправилась на

кладбище, выкопала ребенка и перезахоронила его в другом месте.

Односельчане, в том числе и мать ребенка, простили ей тот дикий поступок:

- Насарт обезумела от горя. Бедняжка, она не понимала, что делает!..

В их сердцах нашлись жалость и человечность, которых была лишена Насарт.

Хоть бы она совершила это зло в минуту временного помешательства! Но Насарт же отлично помнит свои черные мысли, помнит, что сделала это в г речной памяти! Она хорошо понимала, что делает, понимала, что на такое способен лишь безбожник!

- Не иди против воли Бога! - часто осаживал Юсуп свою равнодушную жену. - Со дня сотворения мира ни один человек не вышел победителем в этой борьбе! Все по воле Бога...

Не изменила своего крутого характера, прикрыла и своим сердцем двери человеколюбия. И предписания божьи не выполняла - так, показуха одна, да и то временно.

Душа, расставшись с Насарт, затаилась в ночи, как упырь. Освободившись от тела и обретя свободу, она не чувствует радости. Она в ужасе. Ее пугает милейший шорох, нарушающий тишину. Ей бы укрыться где-нибудь! Но где?!

Душа не готова отвечать за тот отрезок жизни, что был ей дан, она сомневается, что ей явят милость. Невыполненные предписания Бога, грехи, обиды, причиненные окружающим - все это давит на нее тяжелым грузом.

Есть еще кое-что, не дающее Душе покоя — днем, до того, как сойти в могилу, предстоит выслушать

свидетельства близких и знакомых, бросить последний взгляд на их лица, прочитать их затаенные мысли. Как вынести, вытерпеть истину?!

Когда тело выносили во двор, установилась тишина.

Годна напомнила Душе море, а носилки, стоящие тут же, корабль, готовый отправиться к острову Смерти.

Кади села произнес перед собравшимися на похоронах короткую речь. Он говорил о предписаниях, положенных на мусульманина Богом, о том, сколько кротости и терпения должно быть в человеке, чтобы их выполнить. Говорил о тяжести смерти, о том, как души умерших мечутся от неизвестности.

- Душу умершего тяготит еще одна картина, - кади недовольно окинул собравшихся суровым взглядом. - Посмотрите, как вы одеты. Вы не на похороны пришли, а на вечеринку...

Некоторые женщины, не имея возможности прикрыть свои голые части тела, стали растерянно озираться. Попытались сменить равнодушие в глазах на печаль, незаметно, словно утирая нос, убрали жвачки.

Мужчины застегнули верхние пуговицы, закрывая обросшую грудь. Ноги в тапочках, с торчащими в разные стороны большими пальцами, с желтыми, словно от никотина, ногтями.

Рассказав о состоянии души в такую минуту, мулла глубоко вздохнул и, выдержав небольшую паузу, продолжил:

- Готовы ли вы привести свидетельство, что эта Насарт была хорошим человеком, праведной мусульманкой?

Вопрос, заданный громким голосом, с расстановкой, заставил Душу сжаться. Она со вчерашнего дня боялась этого вопроса и ответа на него. Душа боится смотреть в сторону людей, потому что ей отчетливо видны мысли каждого человека.

«Сейчас хороша!» - слова, сказанные когда-то ею, вернулись к ней.

«Лучше бы раньше умерла...»

«Ее присутствие усилит страдания пребывающих в аду...»

«Не почувствует даже запаха Рая...»

«Какая же она мусульманка, когда и христианин был лучше нее...»

Испугавшись людского проклятья, Душа посмотрела на Юсупа с последней надеждой. Но ее развеяла его грустная мысль: «В молодости ты сделала меня несчастным в первый раз, выйдя за меня, когда любая другая согласилась бы на это. Сегодня, на старости лет, ты во второй раз сделала меня несчастным, оставив меня без помощника, покинув в час, когда за меня уже никто не пойдет...»

- Хорошей женщиной была, праведной, - раздались голоса.

ЯЗЫК ПРИНЕС ЛЖЕСВИДЕТЕЛЬСТВО!

АЛЛАХ ПОСМОТРЕЛ В СЕРДЦА ЛЮДЕЙ!

- Готовы ли вы простить все обиды, нанесенные вам Насарт, простить долги?

«Не будет тебе покоя в могиле из-за своего желчного языка, расстроившего мое счастье...»

«Пусть Бог простит, если на то будет Его воля...»

«Не вернула мой долг, даже когда имелись деньги, хотя я одна растила сирот...»

«Я не прощаю ей тот мешочек кукурузной муки,

который она присвоила себе на мельнице, принеся ложную клятву...»

Не в силах дальше слушать, Душа бросилась к телу, но отскочили начал, отпугнутая его пронизывающим холодом. - Мы прощаем ее! - лгут языки, а сердца безмолвно твердят об обратном.

Двойное лжесвидетельствование завершил, разрывая печальную тишину, телефонный звонок - разлилась веселая танцевальная мелодия, все усиливаясь, способная разбудить и мертвого.

Держа одной рукой ручку носилок, какой-то молодой человек свободной рукой стал шарить по карминам в поисках не желающего уgomониться телефона.

- Будь он не ладен, неужели нельзя было выключить?! - прикрикнул на него мулла.

«Вообще-то, такими и должны быть похороны. В давние времена, говорят, траур объявляли при рождении ребенка — из жалости к новорожденному, которому предстоит жить в этом несправедном мире. А когда человек умирал — праздник, оттого, что он уже отмучился...» - пытался успокоить себя владелец телефона.

Людское море пришло в движение и неспешной полной двинулось к острову Смерти. На носилках, напоминающих корабль, провожают в последний путь покойника, оказывая ему царские почести.

И при появлении на свет принимают как царя, и после смерти провожают так же, но человек проживает недолгие годы жизни, находящиеся между этими двумя событиями, забыв, что он раб Божий, став рабом

соблазнов этого мира.

Окончился, оборвался короткий, но ставший
длинным жизненный путь.

Завершился на кладбище.

Теперь Душа останется одна в этом холодном,
последнем своем пристанище. И некому будет услышать
ее крик отчаяния, и никто не придет на помощь, сколько
ни взывай.

Как там в илли:

Смерть, обманув, с собой забирает, Без
толка проживший бесследно пропадает. Не
думавшего о людях и Бог забывает, Могила
для такого тесна, говорят.

Один кирпич, два, три ... десять ... пятнадцать
... двадцать ... двадцать пять ... Осталось лишь
небольшое светлое окошко...

Люди!.. Подождите! Не спешите!

Дайте бросить последний взгляд на белый свет!

Дайте уловить солнечный луч!

Дайте вдохнуть запах травы!

Позвольте пасть перед вами на колени!

2005 год

Перевод с чеченского

С.Мусаева

ВОСЕМНАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

- Как тебя зовут?
- Сижан.
- Год рождения?
- Тысяча девятьсот шестьдесят второй.
- Луиза Леидовна! — заглянул в дверь молодой человек в белом халате. - Тебя срочно вызывает главный хирург.
- Извини Сижан, я быстро

вернусь, -
доброжелательно улыбнулась доктор, женщина средних лет, с приятными чертами лица. - Наш начальник тяжелый человек, посмотрю, что ему понадобится.

- Ничего, ничего.

Сижан осталась одна. Она медленно подошла к окну и присела на стул. Эта районная больница построена давно. П-образное здание каким-то чудом уцелело в двух жестоких войнах. Прямо напротив видно родильное отделение, в нем появилось на свет шесть детей Сижан. Незабываемые дни. Особенно день, когда родился шестой ребенок. Восемнадцать лет назад. Как сейчас помнится этот счастливый, но черный день.

Рождение ребенка- что может сравниться с этим событием в жизни женщины?! Долгожданный день, когда можешь узреть своего ребенка, которого носила в себе девять месяцев, мысленно лаская.

...Однако в мыслях Сижан в этот сложный период царил хаос. Это не первый ребенок матери - у нее уже есть пять дочерей. Отец жаждет сына.

От болей Сижан сгибается пополам.

- Хижан! — зовет она сестру. Хижан работает в этой больнице. В данный момент она занята такой же больной.

- Сейчас, Сижан! Потерпи, родная!

Сижан пытается превозмочь боли. Странное дело! Каждая женщина хочет стать матерью, несмотря на то, что для этого предстоит пройти через эти муки! Тяготы девяти месяцев, страдания последнего дня - все это заставляет забыть истошный крик новорожденного. Самый счастливый миг, когда в первый раз берешь на руки ребенка, даешь ему грудь. В эту минуту мать ничего вокруг не видит и не слышит.

Все пережитое забывается, прошлого времени не существует, мыслей о будущем тем более. Время сконцентрировалось только на настоящем. Сердце матери радуется, во всем мире нет человека счастливее ее. Но насладиться сполна счастьем Сижан мешают суровые слова мужа, до сих пор звучащие в ее ушах:

- Знай, если у тебя будет опять дочь, в этом доме тебе не место. Я приведу ту, которая будет способна подарить мне сына.

- Не говори так, - слабо пытается возразить она.

- Мне бы тоже хотелось иметь сына, о котором ты так мечтаешь, да и девочкам был бы брат. Но на все воля Всевышнего.

- Как бы то ни было, ты слышала мои слова, - отрезал муж...

- Сижан, как ты? - суется вокруг сестра.

- Не очень хорошо, - не в силах терпеть будущая мать. - Неужели я умираю?

- Ты не можешь умереть, не увидев своего птенчика... Садись в кресло, потерпи минут десять - и все закончится.

- Помогите! - доносится крик из соседней палаты.

- Хижан, оставь меня, сначала посмотри, что с этой женщиной, ее уже давно боли мучают, — попросила Сижан сестру.

- Мизан! - позвала врач.

- Чего тебе, мама? - появилась молодая девушка с такими же рыжими волосами и синими глазами, как у Хижан.

- Займись-ка делом, на практику направляют не для того, чтобы отсиживаться.

- Вай! - Она училась на акушерском отделении медучилища и была направлена на практику сюда по просьбе матери.

- Никакой вай-вай! - прикрикнула мать. - Я тебе уже много чего показала. Приведи сюда ту женщину, мы их обеих скоро освободим.

Мизан начала приготовления.

- Хижан! - позвала Сижан, когда они остались одни. - Что же я буду делать, если снова родится дочь?

Сестра вопросительно взглянула на нее, натягивая перчатки.

- Что будешь делать? - отвечает она,

притворяясь, что не понимает. - Ничего. Возьмешь дочь па руки и отправишься домой.

- Увайс поклялся, что не впустит меня в дом, если будет девочка, - нарушив установившуюся тишину, произносит Сижан.

- Если не впустит, придешь ко мне, - нахмурила лоб Хижан. - Долго ты нянчишься с этим никчемным человеком. Гордости у тебя нет!

- Не в этом дело, - простонала в ответ несчастная женщина. - Пять моих девочек беззащитные, легко

ранимые дети. Им не ужиться с мачехой.

- Безбожный подонок этот твой Увайс, - зло зазвенела инструментами врач. Ее и злость брала на сестру, но с другой стороны, она испытывала к ней жалость. Учítывая своенравный характер Увайса, не приходится сомневаться, что он не отступит от своих слов. - Если бы он верил в Бога, не говорил бы такие глупости.

Мизан вернулась со своей больной. Усадив ее в кресло, молодая девушка засуетилась вокруг нее.

- Вай, Султан! - закричала обезумевшая от боли женщина.

- Призови Бога! Бога призови! - с укором поправила ее Хижан.

- Виновник моих мучений этот... козел... Султан... мой муж...

- Сколько у тебя детей?

- Много.

- И какой «заказ» ты получила от этого «козла»?

- невесело улыбнулась врач.

- Ему все равно, даже если я принесу лягушонка.

Не прошло много времени, как палату заполнил истошный крик новорожденного.

«Мальчик или же опять девочка?» - Сижан не решалась задать этот вопрос. Матери-то было безразлично, но вот Увайс...

Хижан и Мизан умело пеленали двух новорожденных.

- Кто у меня? - задала вопрос, на который не решалась Сижан, ее соседка.

- А какая тебе разница, ведь тебя примут и с лягушонком? - ответила врач, затем с улыбкой протянула ребенка. - Девочка...

Сижан показалось, что голос у сестры едва заметно дрожит.

- Тетя, бери своего маленького мужчину, - подошла к ней Мизан. - Пусть он станет братом семи братьев, - племянница старательно избегала взгляда...

Однако взгляд беспокойных глаз Сижан застыл на втором ребенке.

Материнское сердце догадалось — детей поменяли.

Ее ребенок, с которым у нее связано столько надежд, который снился ночами, каждый раз по новому, попал в руки незнакомой, чужой женщины, а она не успела его даже приласкать. Рыжие волосы, белая кожа, мелкие черты лица, синие глаза, похожие на звездочек у нее дома ведь еще пять таких девочек. .

«Верни мою дочь!» - застрял в горле крик.

Но в ее ушах звучали жестокие слова мужа:

«Если у тебя опять будет дочь, в этом доме тебе не место!»

Сердце Сижан бешено колотилось, словно собираясь вырваться из груди, в глазах мутнеет. Мир покатился в сторону, женские голоса и плач детей, постепенно отдаваясь, исчезли.

- Сижан! — вернул ее в чувство доносящийся откуда-то издалека крик сестры. - Сижан! Бедняжка, что с тобой?

- Где моя дочь? - окинула она взглядом пустую теперь палату.

- Сижан, - мягко заговорила сестра, - я совершила этот ужасный поступок из жалости к твоим дочерям. Ужасный и грешный поступок. Но Бог милостив! Надеюсь, Он простит мне эту дикость.

- Я понимаю, Хижан, однако сердце не желает ни понять, ни мириться, - Сижан лихорадило. Дрожащими руками она обхватила голову сестры: - Ты разрешишь мне покормить ее грудью, пока я здесь? - глубоко застывшие синие глаза смотрят на сестру с мольбой.

- Конечно, - Хижан погладила безутешную женщину по спине.

- А откуда эта женщина? Не далеко ли заберут мою девочку?

- Нет, к счастью. В соседнее село.

После этого прошло восемнадцать лет. Сижан узнала, что ее дочери дали имя Петимат. Она, выискивая любой предлог, часто прогуливалась по улице, где она жила, надеясь увидеть ее. Когда дочь пошла в школу, стало уже легче. Материнское сердце разделилось на две части - на Петимат и Адама. Ее теплоты хватает на обоих. Так как Петимат нет рядом, Адаму достается больше.

- Я долго отсутствовала? - оторвала несчастную женщину от грустных размышлений врач, вошедшая с кипой бумаг.

- Нет, ничего.

Изучив бумаги, Луиза Леидовна посмотрела на Сижан.

- Болезнь зашла не слишком далеко, но тебе нужно было раньше встать на учет.

- Луиза, можешь говорить все. Как есть. Я уже столько пережила и испытала, что готова ко всему. Особенно за последние восемнадцать лет.

- Тебе придется на какое-то время лечь в больницу, а там видно будет, насколько все серьезно.

Подавленная Сижан отправилась в дорогу. Привычным маршрутом она поехала в село, где жила дочь. Словно зная ее душевное состояние, начался солнечный дождик. Она присела на длинную деревянную скамейку у дороги, надеясь заметить среди возвращающихся со школы учеников свою дочь. Однако ватаги школьников проходили мимо нее одна за другой, но ее не было. Наконец показалась ее подруга, которая, обычно, всегда была с ней. Сегодня она шла в одиночестве. Лицо ее было печально.

- Элина! - окликнула ее Сижан. Девушка остановилась и вопросительно уставилась на незнакомку. - А где Петимат, ее не было сегодня в школе?

- А вы кто?

- Ее родственница.

Элина посмотрела по сторонам и, словно извиняясь, ответила:

- Петимат сегодня утром, по дороге в школу, похитили.

Сижан застыла:

- Как? Как похитили?

- Она вышла замуж.

- Кто похитил? За кого вышла, известно тебе? - растерянно заговорила несчастная мать, не имеющая никаких прав на своего ребенка.

- За парня из соседнего села. И хорошо, что вышла: а то к ним зачастили сваты, и ее собирались выдать за какого-то старика.

Не задавая больше никаких вопросов, с похолодевшим сердцем вернулась домой. Пять ее дочерей живут уже в своих семьях, теперь вышла замуж и младшая. Хоть Петимат росла и не перед ней, она

всегда переживала за нее. Как сложится ее жизнь? По своей ли воле, по любви ли вышла она за этого парня?

И так расстроенную в больнице, эта весть совсем добила ее. Еще издали она заметила в своем дворе множество людей.

Что же произошло теперь? Сердце, разуверившееся в сегодняшний день, вещало недоброе.

- Ты стала свекровью! - встретила ее с улыбкой соседка.

- Что? - удивилась Сижан.

- Сегодня утром ты стала свекровью! Адам умыкнул невесту! Какая красивая, пригожая, похожа на твоих дочерей!

- Где она?

- Здесь, у нас, - подошла старшая дочь.

Невеста стояла спиной. Она тихо застыла в своем углу, испугавшись содеянного.

- Посмотри, мама, на нашу сноху! - заговорили в дверях.

- Эй, невеста, к тебе свекровь идет...

Сижан подошла к девушке, повернула ее к себе и изумленно отступила на шаг.

Петимат?! Не может быть?!

- Мама, что с тобой? - обступили ее дочери. - На тебе лица нет.

- Ничего, - мать постаралась улыбнуться, - просто все это так неожиданно для меня!

В ту ночь Сижан не сомкнула глаз. Удивление, радость, страх - все смешалось. Как истолковать случившееся? Может, это милость Бога, ответ на молитвы бедной матери? Как быть? Дети, вскормленные грудью одной матерью, считаются же братьями и сестрами. Допустить их соединение - большой грех.

Но с кем посоветоваться? К кому воззвать о помощи? О том, чтобы сообщить все Увайсу, и речи быть не может. Хоть спросить за все и следовало именно с него. Нет, никто, ни один суд - ни светский, ни шариатский не простит ей преступления, совершенное восемнадцать лет назад. Сейчас поздно сожалеть, просить помощь.

«Остается положиться на волю Всевышнего», - решает дошедшая до отчаяния мать.

...Во дворе у Увайса свадьба. Все счастье снизошло в этот двор. По всему селу разносятся переливы гармоники, барабанная дробь. Столы ломаются от яств. Смех. Шутки.

Неожиданно раздавшийся глухой выстрел прерывает это веселье. Сижан кажется, что этот выстрел звучит в ее сердце.

- Не стреляйте! - спешит она выскочить во двор. Но ее слова заглушают страшные крики.

- Вай, да умрет у тебя родная сестра, Адам!

Ой, это же кричит старшая дочь Сижан! Чего это она обращается к Адаму? Разве он явится на свою собственную свадьбу?!

- Не ори! Ничего страшного! - это голос Увайса.
- Отвезем сейчас же в больницу... Разойдитесь.

Сижан, потеряв дар речи, бросается к толпе. Адам, весь в крови, лежит на земле. Парень, не замечая своей смертельной раны, закрывает лицо руками от стыда, что его видит весь народ, видит отец. Ведь это же позор - показаться на своей свадьбе! Сижан в отчаянии пытается убрать руки Адама с лица.

- Мама, это произошло случайно... - шепчут побелевшие губы Адама, - случайно, случайно...

Сижан ясно видит причину произошедшего - это долетела пуля, выпущенная восемнадцать лет назад. Она поразила несколько целей: ранив сердца родителей, сестер, насмерть поразила Адама. Бог терпелив!

Сижан понимает, что это месть предназначена ей - лишилась дочери, осталась без сына. Несчастная мать протягивает окровавленные руки к небу:

- О Аллах! - вырывается крик из ее иссушенного бедами сердца. - Прости меня, пощади! Я прошу Тебя, накажи виновного!

Однако, Бог глух к мольбе женщины.

Внезапно затянувшие небо тучи закрывают яркое солнце.

Бог призывает к смирению перед Собой! Предостерегает от попыток обмануть Себя - за любым преступлением неминуемо последует наказание.

2005 год

*Перевод с чеченского
С.Мусаева*

ОДИНОЧЕСТВО В НОЧИ

Ночь... Темная, глухая ночь.

Одиночество... Жалкое, потерявшее покой одиночество.

Как вы подходите друг к другу! Не в силах расстаться, вы сосуществуете веками, как родные сестры. До самого рассвета пребывая в объятиях друг друга, поверяете свои сокровенные тайны. Однако нет между вами ни привязанности, ни любви. Это лишь вынужденное сосуществование. Одиночество не оставляет ночь и после наступления рассвета: сомкнув веки, оно возвращает ее.

Тоска! Горький плод ночных мыслей и одиночества. Дневной свет несколько рассеивает тебя, но ночью одиночество вновь берет тебя за горло.

Сегодня эта темная ночь вместе с тоской змеей обвила Аймани. Она не нашла счастья в жизни, сколько ни искала его. Сердце не успело воспламениться любовью, не появилось даже маленькой искорки, чтобы возгореться пламенем.

А каким чувствительным было ее сердце! Готовое к настоящей любви, готовое сгореть ради нее, проявляя стойкость и самопожертвование. Но готовность к жертвенности оказалась невостребованной, и ей так и не пришлось проявить ее.

Под давлением стариков-сватов, родители, оторвав от сердца, выдали замуж. Будь сердце в плену любви, Аймани стойко стояла бы за свое счастье. Но среди стольких молодых людей не было мужчины, по

которому вздыхала бы девушка. Как ей мечталось, чтобы нежные крылья любви коснулись однажды струн ее сердца, слагая сладкую песню любви, и под мелодию этой песни со светлыми мыслями сделать шаг в прекрасное завтра!

Шаг-то сделан. Против желания. О том, что в душе вспыхнет любовь, не стоит и думать. Скоро, узнав причину этой женитьбы, раненое сердце навсегда застыло.

И тогда не поборолась за свое счастье. Вовсе не из-за покорности судьбе. Не из-за слепоты или слабости. Нет. Просто-напросто не желала жить только лишь ради себя. Сначала нашла в себе выдержку ради своих родителей, возлагавших на нее большие надежды.

Не бывает ведь человека без корня, не зависящего ни от кого. Каким бы заносчивым человек ни был, он все равно вынужден держаться каких-либо рамок в обществе. Правда, рамки эти существуют лишь в сознании человека. Главные принципы, заложенные родителями, Аймани соблюдала: чистые помыслы, порядочность, достоинство.

Говорят, что нельзя понять вкус сладкого, не попробовав горького. Для Аймани, не успев вкусить сладкого, горечь от переизбытка переходит в желчь.

«Без преодоления преград нельзя добиться победы», - утешала мать.

Да простит Бог, все эти преграды, оказывается, достались на ее долю. Обессилив, на четвереньках, на коленях приходится преодолевать эти бесчисленные вершины. Вглядываясь вперед, видишь лишь горизонт.

Нужно быть достойным настоящей любви, и мужчине, и женщине. Если же он не достоин этого светлого, чистого чувства, щедрое на любовь сердце

надо спрятать в укромное место, не распыляя его впустую, зря. Хотя Аймани и не успела познать любовь, она знает, какой она должна быть. Она выросла в тепле подлинной взаимной любви родителей, впитала в себя их мриня чинность, чистые помысли.

Не вырасти Аймани в атмосфере такой любви, они и не жаждала бы ее и не обижалась бы так на судьбу. Го. что почиталось в родительском доме как достойное, снятое, здесь, в семье мужа, считалось мелочным.

С рождением первого ребенка у Аймани помнились новые цели и задачи.

Забыв о своих печалях, она все свои заботы, всю себя посвятила ребенку. В дополнение к тяжести наступившей темноты, погас свет. Аймани чутко прислушивается к каждому шороху, доносящемуся с улицы. Мужа нет дома уже трое суток. Он находится в поисках плотских утех. Но она тем не менее переживает: мало ли что с ним может произойти. Каким бы он ни был, он отец ее детей.

Их совместной жизни уже восемнадцать лет. Ли мани задумчиво перелистывает каждую ее страницу. Все страницы бесцветны, ни на одной нет и следов радости. Душевные раны, растоптанные надежды, мечты. Нет ни единой крупинки счастья. Аймани теперь поражается тому, что их совместный жизненный путь до сего дня не прервался. Они отличаются друг от друга характером, мировоззрением, отличаются, как небо и земля. Говорят, что супруги уподобляются друг другу. Это неправда. Аймани нет необходимости уподобляться кому бы то ни было: родители научили ее жить должным образом, а если понадобится - принять и смерть. Жить по заповедям Всевышнего. Благодаря большому терпению, достоинству, она сумела донести, не

оступаясь, этот тяжелый груз до сегодняшнего дня.

Растоптанную судьбу, нанесенные обиды, не зажженный в сердце огонь любви - Аймани простила бы мужу все это, если бы только дождалась от него хоть капли радости. Каждый раз она выходит встречать мужа с этой надеждой - может, хоть на этот раз он возьмет в ладони маленькую голову жены, заметит, внимательно всмотревшись, затаенную в глубине глаз печаль, и поцелует нежно в лоб, приласкает, убаюкает, как дитя - тогда бы оттаяло ее утомленное сердце. Возможно, тогда и любовь бы проснулась от затянувшегося сна - ведь не много же нужно, чтобы воспламенить сердце любовью, так же, как и погасить ее.

Сопение спящих детей разлилось в ночной тьме. Только что включившийся свет развеял мрак, словно его и не было. Аймани встает, подходит к детям и, мягко поглаживая их, поправляет на них одеяла.

- Мама, почему не ложишься? - доносится голос старшего семнадцатилетнего сына.

- Не спится, Халид... - услышав со двора сигнал машины, Аймани заторопилась к выходу.

- Я открою, - собрался встать сын.

- Нет-нет, я сама, - матери не хочется, чтобы сын увидел подвыпившего отца.

А тот не только подвыпивший - можно подумать, что он плавал в спиртном. Грязная одежда, зловоние от рвоты, глухое бормотание.

- Как хорошо, что ты пришел! - радостно, от души говорит Аймани.

- Скучала, что ли? - грубо обрывает тот.

- Конечно, скучала! Мы все скучали, хоть тебе это и все равно!

Прошла и эта ночь, и Аймани снова осталась наедине с гложащим сердце одиночеством. Будь оно неладно!

Аймани поднялась чуть свет, почистила одежду мужа, чтобы собрать его на работу. Она лелеяла слабую надежду, что он, придя в себя после вчерашнего, почувствует угрызения совести, поговорит с ними по-человечески, покажет себя в новом свете. Но тут из соседней комнаты, круша все ее надежды, донесся возмущенный голос мужа:

- Эй, слышишь? А ну-ка иди сюда!

- Что случилось?

- Кто трогал мои деньги? - сунул он под нос жене пачку.

- Я.

- Кто дал тебе право?

- Ты не приходил домой, поэтому я взяла оттуда пятьсот рублей и купила на базаре еду детям, — Аймани сегодня впервые смотрит в глаза мужу равнодушно, безо всякой надежды. В них не видно ни глубины, ни единой искорки страсти - одна лишь бездонная пропасть.

Мужчина, которому не понравился взгляд жены, совсем разошелся. Но Аймани не слышала его криков: хоть ее взгляд и застыл на муже, она смотрела как бы сквозь него. Она думала о своих вчерашних надеждах: муж посмотрит в ее глаза, поцелует в лоб, обнимет, и она все простит ему. Об этом не стоит и мечтать. Не будет этого. Ему будет безразлично, даже если она умрет. Из-за чего разошелся: пятьсот рублей, потраченные на родную семью!

- Лучше бы я их все потратила! — против воли вырвалось у женщины от обиды.

- Что-о-о? - надвинулся тот, вытаращив глаза. - Что ты сказала?

- Надо было потратить все, - спокойно повторила Аймани. - Я не на себя их израсходовала, а купила необходимое твоим детям. Да и не кричи ты ни свет ни заря, детей напугаешь.

Как только она повернулась с этими словами спиной к мужу, тот грубо схватил ее за плечо, развернул и занес руку для удара, но ее схватил неожиданно появившийся Халид.

- Отпусти мою руку! - сопротивление сына вконец вывело отца из себя.

Но нависший скалой сын не сдвинулся с места. Он сам был ошеломлен тем, что посмел сегодня впервые проявить к отцу непослушание.

В данной ситуации лишь Аймани способна развеять сгущавшиеся тучи. Все ее старания, длиною в восемнадцать лет, воспитать, забью про себя, достойных детей могут пройти прахом. Если во взаимоотношения сына с отцом вкрадется вольность, все ее труды окажутся напрасными. Как всегда, матери приходится принять удар на себя.

- Сынок, ты не вмешивайся, - дрожащим голосом произнесла Аймани. - Ваш отец прав. Во всем моя вина. Я заслужила этот удар.

Халид молча повернулся к отцу спиной и отошел. Не успела она вздохнуть, как рука, остановленная сыном, достигла цели.

Сильный удар оставил на скуле женщины красный отпечаток. Лицо ее вспыхнуло пламенем. Не об этом пламени она грезилась. В сердце ее жила мечта о пламени любви.

Аймани неожиданно от души расхохоталась. Женщина смеялась над своей судьбой, над своими потраченными зря годами, напрасными ожиданиями безмерной любви, бесцеремонно растоптанным чистым чувством. Смеялась над своей детской наивностью, которую оказался не в силах подавить суровый быт. Вместо моря любви она получила океан ненависти, способный покрыть своими волнами все чистое, светлое.

Второй удар, нанесенный с размаху в другую скулу выведенным из себя ее смехом мужем, вызвал у Аймани истерический смех. Вспомнилось, как вчера ее притуплённое сознание рисовало картины искупающей ласки мужа, как мечтала, что от этого растает печаль в ее глазах, успокоится в его объятиях страждущая покоя и ласки душа.

Аймани смеялась над своими маленькими победами в этой несчастной жизни, над ошибками, напрасными ожиданиями, бесцветными страницами будущего, которое пролетит без особых изменений.

Аймани и не умеет плакать. Она запретила себе жаловаться на судьбу, оплакивать несостоявшееся счастье. Все держала в себе. Сдерживаемые в груди слезы большим тяжелым комом рвутся в наружу. Поплакать бы хоть один раз вволю - облегчить грудь! Но готовые пролиться ручьем слезы соприкасаются с ледяным сердцем и застывают в груди.

Сердце Аймани превратилось в надмогильный гранитный камень надеждам, которым не суждено сбыться.

Жизнь потеряла смысл. Сердце отдано на помин родным и близким. Сначала родителям, потом - детям, но об Аймани подумать некому. Пришлось отдать душу

по кускам. Безвозвратно.

Не прекращая смех, женщина оглянулась и увидела в зеркале свое отражение. Хотя она смеется, в глазах застыла печаль. Надо было самой заглянуть в свои глаза, щадя сердце, не зарекаясь от заслуженного счастья. Теперь поздно сожалеть, поворачивать жизнь в новое русло.

Муж не сумел оценить жизненный путь Аймани, неизвестно, смогут ли и дети.

Кто-то, обхватив руками ее маленькую голову, с участием заглянул в глаза, поцеловал в лоб и крепко обнял. От удивления женщина оборвала смех.

- Мама! Не плачь! - услышала она мягкий голос сына.

Он бережно покачивал затихшую в своих объятиях мать, как та качала его в детстве. Застывшее сердце матери, понемногу оттаивая, изошло слезами. Обильные слезы принесли облегчение груди.

Нет, не напрасным оказался жизненный путь Аймани. Ради этого дня, когда, вконец обессиленная, она нашла успокоение в объятиях сына, Аймани готова вновь повторить свою безрадостную жизнь.

Преграды тоже, оказывается, можно преодолеть.

Эти слезы у Аймани первые и последние.

В сердце матери, изгоняя одиночество, навстречу новой жизни пробились первые ростки счастья.

2005 год

*Перевод с чеченского
С.Мусаева*

СВАДЬБА

Вечеринка...

В давние времена у чеченцев бывал обычай: один раз в год собиралась вся молодежь села. В этот день каждый должен был показать свое умение и талант: девушки демонстрировали свое мастерство будущих хозяек, юноши участвовали в поединках, джигитовали на своих скакунах, состязались в проворстве и ловкости, выдержки и стойкости. Чтобы определить достойнейших, были определены старики. Повидимому, от этого и пошла традиция устраивать вечеринки. Само слово ловзар (вечеринка) состоит из двух частей: лов (терпеть) и зар или зер (испытание).

А сегодня вечеринки приобрели другую форму (время тоже диктует свои условия). Но и сегодня они не утратили свое главное предназначение - испытание. На мероприятиях такого рода выявляются достоинство и недостатки человека, его характер, воспитанность, умение держать себя в рамках приличий. Все это обнажает разговор, взгляды, жесты, танец человека. Особенно танец.

- Эй, крошка, посмотри-ка сюда...
- Милана... Ми-ла-на... Давай уйдем...
- Сладкая моя, ай лав ю...
- У вдовушки бабок валом... Эй, мой кошелек... тьфу... моя любовь, я весь твой...
- На, передай эти два рубля вон той мадмуазель в красном платье. Скажи ей от меня, что цена ей грош, сдачу пусть оставит себе.

Саид глубоко вздохнул. Он стоял здесь уже давно. Он стоит особняком, не участвуя в общем веселье. Ему не по душе это сборище.

В круг выскочил широколицый молодой человек невысокого роста. Однако, вместо того, чтобы закружиться в танце, он, набычившись, застыл на месте, как-то странно загибая руки и так раздувая ноздри, что казалось: они вот-вот лопнут.

- Что это он делает? — не понял Саид.

- Стиль «кобра», - объяснил сосед. - Смотри, как он извивается...

Действительно, танцор выглядел необычно: вскинутые, изображая змею, руки, вытаращенные на девушку, пугая ее, глаза, кривые ноги, поставленные носками вовнутрь. Внезапно он бросился к девушке, которая и так танцевала с ним без особой охоты, пытаясь взять ее за талию, но оступился и, задев партнершу, отскочил в сторону. В прежние времена для благородных мужчин это был повод для крупной ссоры и кровопролития. А сегодня стал рядовым случаем, мелкой оплошностью. Ведь в наше время остаются без внимания и менее достойные поступки.

Однако, девушка повела себя неожиданно: поняв, что никто не собирается за нее заступиться, она не спеша сняла туфлю и, прицелившись, со всей силой запустила ею в изгибающегося змеей «мужчину». Она угодила ему острым каблуком прямо в голову, от чего тот пошатнулся.

Довольный поступком молодой девушки, Саид удовлетворенно посмотрел по сторонам.

- Чья эта девушка? - спросил он у стоящего рядом молодого человека, который успел за это время обменяться шутками со всеми девушками.

- Это единственная дочь своих родителей, красавица Жовхар, - ответил тот, не переставая жевать.

К тому же, она никому не позволяет с собой шутить. Настоящая тигрица...

Саид, Саид!- позвал его кто-то, и он оглянулся. Это была Шовда, мать виновника торжества, Сурхо.

- Ну-ну, свекровь, - пошутил парень, — как дела, не опустили у тебя руки сегодня?

- До этого ли мне сейчас, Саид?! - Шовда попыталась ответить спокойно, однако в глазах ее читались беспокойство и усталость, накопившиеся за эти дни. - Но я не так переживала бы, если бы ты взял ни себя все хлопоты, связанные с приготовлениями к свадьбе.

- О-о, на мою долю приходится самая интересная часть свадьбы! -довольно потер руки молодой человек.

Не беспокойся, Шовда, очень скоро невеста будет в этом доме...

Ах, какой это счастливый день, день свадьбы!

Особенно незабываем он для невесты. День, когда даришь свою нежную любовь, взлелеянную в юном сердце, которое родители уберегли от жестокости, порока, не успевшее еще познать лицемерие, подлость. Чистое сердце в уверенности, что мир добр, прекрасен, чтобы подарить любовь самой близкой родной душе - любимому, мужу.

Эсет на седьмом небе от счастья... Весь мир принадлежит ей. Только ей.

Она не слышит ни шума, поднятого наряжающими ее женщинами, ни визга детей, ни сигналы машин, приехавших за невестой.

В данную минуту ее занимает лишь большое зеркало, которое стоит перед нею. Бог дал ей все: красоту, здоровье, молодость. В зеркале она видит красавицу: белое лицо, ниспадающие на чистый лоб колечками локоны черных волос, синие глаза, нежные губы, лебединая шея, округлые плечи, на руках белые перчатки.

Эсет довольна собой. Она давно мечтала об этом дне. И сегодня мечта ее сбылась.

Через некоторое время колонна машин, украшенных разноцветными лентами и шарами, непрерывно сигналив, под брань и проклятье людей, оглушенных автоматными очередями, доставила невесту в дом жениха.

Свадьба разгорелась с новой силой. Еле слышная игра гармони, барабанная дробь, хлопанье, крики, свист, заглушающая весь этот гвалт стрельба из разнокалиберного оружия - все смешалось.

Со стороны котлов бежит Шовда, недовольно качая головой:

- Сколько ни просили не стрелять — все без толку. Мало ли что: бывает, убивают кого ненароком, ранят... Никогда не возьмемся за ум...

- Мама, нашу невесту привезли! - подбежала к ней шестилетняя дочь. - Пойдем, посмотрим, знаешь, какая она красивая!

- Невесты некрасивыми не бывают, - улыбнулась мать радости дочери.

- Наша особенно красивая!

- Пошли, Шовда, посмотрим на нее, - подошла и сестра Марижа.

Невеста стояла за занавеской, кокетливо склонив голову, держав руках букет цветов. Однако лицо Шовды

помрачнело. А Марижа осталась стоять, разинув рот. Невеста, стоявшая опустив взгляд в притворном смущении, не заметила ничего.

Мерной опомнилась Марижа. Она сначала выгнала детей и, когда остались втроем, повернулась к невесте.

Что это ты на себя напялила? - отдернув занавеску, грубо заговорила она.

Шовда, зная горячность и несдержанность сестры, попыталась ее успокоить:

- Оставь ее, Марижа...

Что значит «оставь»?! - разошлась та. - Не видишь разве, что за платье на ней, вернее - подобие платья?! Даже русские не надевают таких открытых нарядов...

От кокетства невесты не осталось и следа. Нахмутив лоб, она недовольно повернулась спиной к растерявшейся свекрови и мечущей молнии ее сестре.

- Ты только посмотри на нее! - не могла успокоиться Марижа. - Когда она отворачивается - видна вся ее спина, а стоит ей повернуться - вся грудь выставляется напоказ! Ну и ну, ты сегодня не просто показала перед новыми родственниками, ты перед ними вся обнажилась...

- Подожди, Марижа, - испугалась Шовда, - не кричи. Ты выставишь нас на посмешище...

- Мы и так уже опозорились... Ты разве не знала, чей порог переступаешь? Здесь ведь чеченцы живут! А как ты собираешься предстать перед стариками, чтобы «развязать» язык? Видимо, ты в Париж собралась!

Услышав в комнате крики, в дверь заглянула старшая сноха, Селима:

- Что произошло, мама?

- А разве этого недостаточно?! — напустилась на нее вконец разошедшаяся Марижа. — Разве не тебя отправили мы наряжать невесту?

- Да, - опешила Селима.

- Что, другого платья у вас не нашлось?

- Какое платье дали нам, то и надели. Сказали, что девушка сама его выбирала.

- Хватит, не будем попусту болтать, - махнула рукой Марижа. - Сбегай на большой базар, зайди в магазин Тамары, выбери нормальное закрытое свадебное платье, и быстро переоденьте невесту.

- А если не сыщется подходящее?

- Тогда я дам свое свадебное платье... Назад! - осадила она детей и молодых людей, рвущихся в комнату. - Невесте плохо, пусть немного отдохнет.

Эсет осталась стоять одна в пустой комнате за занавеской.

Уже началось: косые взгляды новой родни, наговоры, выискивание недостатков снохи...

Эх, оказаться бы на далеком острове, на который не ступала нога человеческая, чтобы не видеть их всех! Она и Сурхо!

Где он, интересно, находится? Знает ли он, как его любимую незаслуженно оскорбили?

Кому какое дело, что она надела? Какое они имеют право омрачать этот долгожданный день?

От жалости к себе к горлу подкатил ком, но она вовремя удержалась, чтобы не заплакать. Вспомнила, как трудилась целых два часа, накладывая тушь на ресницы, подводя глаза. Даже в Индии не сумели бы сделать это так искусно. От грустных размышлений Эсет оторвала Селима, которая, запыхавшись, вбежала в комнату. В руках она держала аккуратно свернутое белое

свадебное платье.

- Ну, живее, переодевайся, - произнесла она, разворачивая платье.

Длинные рукава, высокий, до самого горла, воротник, газыри, отделанные бусами. Платье было очень красивым.

Я не надену это платье! - решительно заявила Эсет. Это были первые слова, произнесенные невестой в этом доме.

- Так нельзя, Эсет, - попыталась объяснить Селима. - Нужно слушаться родных мужа...

- Не надену! - проявила характер невеста.

Что тут поделаешь?! Если по-хорошему не понимает, не надевать же его силой?!

- Что значит «не надену»?! - вскричала Марижа, когда Селима передала слова невесты. — Я сию же минуту заставлю ее! - она ринулась к выходу, но ее, взяв за руку, остановила сестра.

- Нет, Марижа, не будем спешить, - покачала она головой, - криком да руганью здесь не поможешь. Селима, найди Саида, скажи ему, чтобы привел Сурхо через сад к невесте, пусть он поговорит с ней. И объясни, по какому поводу разговор.

Сурхо, таясь, словно абрек, пробрался садом к своему окну, влез на подоконник и оказался в комнате.

- Сурхо! - воскликнула молодая девушка, когда перед ней неожиданно появился милый.

Однако тот остановился, молча разглядывая ее.

- Красивая я? - ей подумалось, что он застыл, пораженный красотой невесты.

- Очень, - наконец заговорил Сурхо, едва заметно улыбаясь одними глазами.

Эсет обиженно надула губы:

- А твои родные уже начали проявлять свое недовольство мною, -дрожащим голосом пожаловалась она. Эсет надеялась, что милый начнет ее утешать, но этого не случилось.

- А тебе не кажется, что они правы? - словно издалека донесся до нее голос. Холодный. Чужой.

Эсет растерялась.

- В этот день, который бывает лишь один раз в жизни, я не имею права нарядиться так, как хочу?

- Сегодня не только твой торжественный день, а наш общий, - мягко заговорил Сурхо, пытаясь вразумить девушку. - Я желаю, чтобы моя супруга была скромной, скромной и в одеянии, и в поступках. То, что скажут в твой адрес, коснется же и меня. И хорошее, и плохое. Жена - честь, лицо мужа. - Эсет молча слушала. - А как бы восприняли ты и твои родные, если бы я явился к твоим родителям в шортах, цепочке и развалился на почетном месте?!

Ах, молодость! Твоя строптивость! Непокорность! Время, когда притупляется чуткость, оказываешься в плену людских пересудов!

Слова Сурхо были верными, но Эсет не прислушивалась к ним, думая о своем. Думала о словах Асет, сестры, которая наставляла ее к новой жизни. Асет пробыла замужем около года и теперь вдовствовала.

«Не отступай от своего. Если ты с самого начала выразишь свой характер, они покорятся. Смирение перед мужем, его родными - это пережитки прошлого. Сегодня время другое. Другие люди. Нравы тоже иные. Честь, благородство - все это обесценилось. Сегодня в чести другие ценности. Все, что я говорю, я испытала на себе. Я сполна испила горькую чашу замужества. Супруг не станет тебе верной опорой, не тещь зря свое

сердце. Они все заодно. Весь ваш спор завершится твоим поражением», - звучали в ушах слова сестры.

Нам есть много о чем поговорить, но сейчас некогда. В будущем у нас будет довольно времени переговорить обо всем. У нас вся жизнь впереди. Ты, нанерное, меня поняла... Скоро свидимся, - Сурхо уже собрался уходить, когда его заставил остановиться глухой голос Эсет:

- Сурхо, я не собираюсь надевать это платье!

Сурхо застыл, удивленный, растерянный, разгневанный. Он медленно подошел к девушке и заглянул ей в глаза. В красивых глазах Эсет не читалось ни раскаяния, ни сожаления, ни растерянности. В ее глазах виделась непоколебимая упрямость.

- А причина? - коротко спросил Сурхо.

- Мне нравится платье, что на мне.

- А все, что я тебе говорил?

- Ты высказал свое желание, а мое решение тебе уже известно.

Сурхо рассмеялся от безысходности. Он чувствовал, что любовь, доверие между ними, уважение все тает.

Все рушилось.

Как рано между ними появилось отчуждение! Он даже не успел испить из родника любви, как он приобрел вкус горечи.

- Значит, мои слова ничто для тебя?

- Я повторяю: этот день в моей жизни не повторится, поэтому никто не имеет права омрачать его мне.

Ладно, - Сурхо потерял терпение, - твои права никто не нарушит. Но я, в свою очередь, преподнесу тебе еще один подарок в этот торжественный день: такой

день повторится в твоей жизни снова. Посмотри, найдешь ли такого мужа, который позволит тебе надеть это твое платье.

Сурхо подошел к окну и подозвал своих товарищей:

- Саид, Хамзат, подойдите на минуту.

Друзья по голосу товарища догадались о его настроении.

- При двух свидетелях, я развожусь с тобой, - сказал Сурхо, ставя точку на своих взаимоотношениях с Эсет.

Башня любви рухнула.

Ее долговечность зависит ведь и от нас.

2004 год

Перевод с чеченского

С.Мусаева

НАДЕЖДА

Грозный...

Сожженный двумя войнами, превращенный в руины, он в своих попытках восстать из пепла напоминает зверя, облизывающего шершавым языком свои раны.

Копоть, покрывшая город за огненные годы, исчезла под красками.

Восстановлены дома, которые до сих пор стояли продумайте ветрами.

Оживают, словно очнувшись ото сна, светлеют улицы с обгоревшими, высохшими деревьями и саженцами.

Война закончилась...

Постепенно исчезают следы военного лихолетья. Затянулись телесные раны. Но никак не заживают душевные раны, жестокая война искалечила тысячи судеб...

Толпа людей перед четырехэтажным зданием. Нос женщины... Матери. Живые памятники скорби. Последствие войны - облако печали.

Кончились слова. Давно иссякли слезы. Но тем не менее в глубине сердца теплится слабая искринка надежды: сердце не может окончательно смириться, что родные исчезли навсегда.

В большом зале длинными рядами тянутся столы. На стене портреты вождей народа. С двух сторон государственные флаги России и Чеченской Республики.

Женщины, несчастные чеченские женщины,

постаревшие раньше времени от выпавших на их долю страданий, пришли в Парламент в надежде на помощь. Избранники народа внимательно выслушивают их. Народное Собрание создало специальную комиссию по поиску без вести пропавших.

Все истории походят друг на друга. Но какими бы схожими они ни казались слушателям, для каждой из женщин именно ее история необычна.

- Никогда не брал в руки оружия...
- Никого в своей жизни не обидел...
- Троих сыновей забрали...
- Пошел косить и пропал...
- Забрали во время зачисток...

Разные судьбы, неизвестно, живы ли родные, тем более где находятся.

Только что еще плакавшее небо утерло слезы, вздохнуло, разгоняя остатки туч, слабым ветерком, заалело и едва заметно улыбнулось лучами заходящего солнца.

Прошел еще один день.

Мархе каждый день видится плачущим. Да и как не видеть, если она сама всегда смотрит на мир сквозь слезы?! Она уверовала в одно: имя, данное ребенку при рождении, определяет его судьбу. Это так и есть. Ее имя - Марха¹³ - оказалось не исключением.

Говорят, время лечит раны, притупляет боль... Хоть бы так!

Печать печали, застилающая глаза, не подвластна ни мыслям, ни разуму. С этой печалью ей жить дальше.

¹³ Марха - туча, облако.

Нет надобности спрашивать, как зовут эту женщину: скорбь на ее лице сама подсказывает имя.

Хотя бы ее назвали Ялийта, чтобы скорее покинуть этот мир...

И в этом ей отказано...

Сойдя с автобуса за три остановки, уставшая женщина медленно, шаг за шагом, бредет домой.

На улице, к счастью, никого. Это хорошо: она не и силах ни с кем здороваться, обмениваться обычными расспросами... Вдалеке, сквозь густую листву деревьев, показывается крыша ее дома. Но близость семейного очага не прибавляет радости в ее глазах.

Этот очаг уже не излучает тепло. Очаг тоже, оказывается, способен остыть. Дом, за которым когда-то так любовно ухаживали, теперь пришел в запустение, походит на сироту. Железный забор, которым он обнесен, изрешечен осколками ракетных снарядов и походит на сито. Кажется, не найдя, сколько бы ни процеживал, ни крупинки счастья, он от горя весь покрылся ржавчиной.

- Марха, вернулась? — вернул ее в реальность неожиданный голос.

- Ой, это ты, Дика Кант¹⁴?! - растерялась опешившая женщина. - Прости меня, не заметила. Ты что это один, а где Мансур? Я же просила его сидеть дома, присматривать тут.

- Я его послал по делу... Не беспокойся. Ты, минерное, устала, пройди сначала в дом, передохни. Нет, я не устала. Как дома, все живы-здоровы?.. Благодарение Богу, все хорошо. Узнала что-нибудь новое?

¹⁴ По обычаю сноха не называет по именам родственников мужа. *Дика Кант* – букв.: Хороший Парень

- Нет, - коротко ответила она, боясь, что дрогнувший голос выдаст ее, зная, к чему ведет деверь.

- Марха, мы уже не раз говорили об этом, пытались объяснить тебе... Мы понимаем тебя, твою боль. Это наша общая боль, незаживающая рана... Но нередко бывает так, что от надежды приходится отказываться. Это как раз такой случай: нужно расстаться с надеждой, что наш брат, отец твоих детей жив, что он вернется... Мы не вправе роптать на волю Бога, Марха! Твои дети видят твое состояние. Как бы ни было тяжело, надо смириться, Марха!

Из уважения к деверю несчастная женщина молча стоит и смотрит в сторону. Каждое его слово наносит новую рану на ее кровоточащее сердце.

Как ей ненавистен этот разговор!

Эх, крикнуть бы сейчас так, чтобы весь мир застыл от ужаса! Вырвать уставшее, обожженное горькими слезами сердце из груди и с размаху бросить его оземь так, чтобы оно разлетелось на тысячи кусочков, прогоняя боль! Чтобы голова освободилась от тяжких раздумий! Зажмурить глаза так, чтобы они лопнули от напряжения!

- Я пойду, а ты подумай над моими словами... Если не ради себя, то хотя бы ради детей... До свидания.

Марха и не слышала его последние слова. Она приходит в себя от скрипа ворот. Не оборачиваясь, она заходит в дом. Стоило протянуть руку к двери, вспоминались золотые руки Саида. Ручка двери, приделанная им незадолго до исчезновения. Ручка из белой кости в форме слона, вырезанная искусной рукой мастера.

Сразу, как вступишь, взгляд падает на большой портрет Саида в рамке, который висит на ковре.

Грустный взгляд обращен к Мархе:

«Не можешь найти меня? Уже и ты потеряла надежду?» В этом взгляде дорогих для нее глаз Марха читает много вопросов.

- Саи-ид, где же ты? Где мне искать тебя, в какой стороне? К кому обратиться за помощью? Как я устала, как же я устала! Дай мне какой-нибудь знак, хотя бы во сне! Ни во сне тебя нет, ни наяву!

Но человек на портрете не дает ответа. Теперь его взгляд видится иным - виноватым, жалким.

- Мама, я голоден! - раздается в дверях голос сына.

- Иду, Мансур!

Мать быстро накрывает на стол.

- Ешь спокойно, подавишься... - смеется Марха.

Вылитый отец! Широкие плечи, ласковый взгляд синих глаз, большие руки, густые рыжие волосы.

Сын улавливает внимательный взгляд матери. Он знает, чьи черты она в нем высматривает.

Отужинав, Мансур садится рядом с матерью.

- Мама, дядя ничего не сказал тебе?

- Нет, он приходил проведать нас, - ответила она и, после небольшой паузы, добавила: - Похоже было, что у него к тебе дело.

- Нет, не было у него ко мне никакого дела. Я знаю, зачем он приходил. Что бы они ни говорили, не принимай близко к сердцу, мама. Для нас отец жив. Ведь бывает и так, что пропавшие без вести возвращаются, и отец, наверное, находится где-то, не имея возможности подан, весточку...

Однако мать молчит. Ей трудно отвечать. К горлу вновь подкаты наст ком, слезы же давно иссякли. Через какое-то время, словно подводя итог своим мыслям,

Марха слабо произносит:

- Все образуется, - притянув к себе умолкшего сына, она поцеловала его в маленькую голову.

Утром Марха вновь собирается в дорогу. Природа еще не проснулась. В царящей кругом тишине ей вспомнились слова сына:

- Даже птица не залетает в наш двор. Видимо, и ей не по душе эта обитель скорби...

Но ничего... Скоро счастье вернется и в этот дом. Марха уверена, что этот день близок. Как же иначе?! Нет предела милости Всевышнего! Ведь каким хорошим сыном для своих родителей был Саид, каким заботливым отцом для своих детей!..

Никогда не забыть, как он брал, словно ребенка, на руки мать, которую болезнь приковала к постели, и выносил ее в сад подышать свежим воздухом, как всячески пытался ее развеселить, дать забыть о недуге.

Бедняжка, она не выдержала, когда забрали ее сына, скончалась на второй день. Отец не протянул и месяца. Как же она, Марха, это пережила, откуда у нее взялись силы все это выдержать? Она не перестает удивляться своей выдержке, стойкости.

На все воля Бога, все от Него! Это Он не дал ей потерять рассудок, дал силы перенести все!

Село еще не проснулось. Нигде нет никаких признаков жизни. Не слышно даже петушиного кукареканья или лая собак.

Сегодня Марха, после долгих сомнений, решила поехать в Гудермес. Соседка поведала ей про одну гадалку, сказала, что она видит все: и прошлое, и настоящее, и будущее. Соседка уверяла, что эта женщина настоящая провидица.

Марха никогда не верила ничему подобному. Она всегда считала тех, кто обращается к гадалкам, кто позволяет манипулировать своей судьбой, людьми заблудшими, невежественными. Ей казалось, что такие люди разуверились в своем разуме, они ослепли, у них ослабла вера в Бога.

А сегодня вот сама...

Но что поделаешь?

Нет уже сил дальше терпеть, надеяться! Марха же не голько ради себя старается. Она хочет узнать, где он, что случилось с Саидом, чтобы вернуть обратно покинувшее дом счастье. Утихомирить душу, потерявшую покой за эти четыре года.

По мере того, как они подъезжали к Гудермесу, со, с таким трудом решившуюся на эту поездку, одолевали все новые сомнения. Уже идя по улице гадалки, она вдруг почувствовала слабость в руках и ногах, и чтобы не упасть, ей пришлось прислониться к большому раскидистому ореху, который рос у дороги.

Что же теперь делать? Ведь она почти дошла. Если сейчас вернуться, померкнет последний луч надежды.

- Эх ты! - начала она бранить себя. - Ты проделала весь этот путь для того, чтобы вернуться отсюда?! Как же ты расклеилась! Чем же ты хочешь помочь пребывающему в неволе Саиду, если не в силах позаботиться даже о себе?! Ему, вся надежда которого ни тебя, действительно стоит посочувствовать... Очнись! Приди в себя!

Марха распрямилась и продолжила путь.

... Во дворе было много людей. Как на похоронах. С одной лишь разницей: здесь не слышно душераздирающего плача. Но плач, затаившийся на

время в душах этих людей, застилал им глаза, иссушил сердца. Каждый закрылся в себе, чтобы находиться наедине со своим горем.

Страх, что ее кто-нибудь узнает здесь, стал понемногу отпускать Марху: никому нет дела до нее, никто даже не смотрит в ее сторону. Правда, каждого, кто выходит от гадалки, разглядывают внимательно. Ищут на его лице следы проявления радости или разочарования. Не все умеют скрывать свои чувства. Один выходит подавленный, второй прячет заплаканные глаза, третий - с просветлевшим взглядом.

Ты заходишь? - кто-то легонько подталкивает Марху к двери.

- Что? Твоя очередь подошла, заходи...

Марха, собравшись и успокоив бешено бьющееся сердце, вошла.

Очутившись в тесном помещении, молодая женщина на какое-то время растерянно застыла у двери, пока глаза не привыкли к темноте. Стоял кислый, прогорклый запах. Это был незнакомый запах. Его оставили посетители, которые приходили в этот дом со своими бедами, горестями, и был он не из этого мира: неприятный, холодный, скользкий, как змея, обнимающая жертву. А гадалка напоминала жирного черня, паразитирующего на чужом горе.

Говори, что бы ты хотела узнать? - раздался, рассеивая облако мрака, такой же холодный, неприятный голос.

Отец моих детей... - Марха неожиданно осеклась. Губы ее побледнели, она молчала, не в силах продолжить.

- Ушел к другой? - повысив голос, пришла на помощь ясновидящая.

- Нет... Если бы так! - попыталась улыбнуться Марха. - Его увели, уже четыре года, как он пропал...

- Фотографию принесла? Мне нужно посмотреть...

- Конечно, она всегда при мне...

Гадалка долго сидела, рассматривая поочередно то фотографию, то ее. Марха стояла молча и дрожала, каждый раз сжимаясь под ее взглядом. Потом в ее обессиленном сердце постепенно стала нарастать злость. Она злилась на себя, что пришла сюда, злилась на увиденную сегодня впервые гадалку, которая, злорадствуя в душе над ее бедой, пытается извлечь из нее выгоду.

- Женщина, - раздался наконец грубый голос гадалки, вынося суровый приговор придавленной горем Мархе, - этого человека нет среди живых. Он и четыре его товарища по несчастью убиты и закопаны в поле. Ты молода, твоим детям нужна материнская ласка, любовь, живи ради них, изжив из сердца напрасную надежду... Смирись...

Сердце Мархи бешено заколотилось, словно пытаясь выскочить из груди, однако она быстро взяла себя в руки.

- Он жив, женщина!.. - прошептала она. - Оставь свои басни для глупцов! Скоро мы увидим, кто из нас ясновидящая... В конце концов, в Бога я верю или же в тебя, в пособницу дьявола?!

- Ты явилась сюда не по моему приглашению... Пришла, желая услышать хорошие вести, красивую сказку... Сказки тоже бывают разные. Уходи отсюда...

Марха вышла. Пошла обратно.

Опустошенная, она стояла на автобусной остановке, когда вдруг вспомнила про золовку, что жила на соседней улице. Вспомнила слова гадалки, ее пронзительный взгляд, изучающий Марху и фотографию Саида. Подобные же слова родных мужа. Ей теперь все стало ясно. У них была одна цель: заставить ее отказаться от поисков Саида.

Женщина попыталась собраться с мыслями и успокоиться. Вернуться бы сейчас и высказать сначала гадалке, а потом золовке все, что накопилось! Однако у нее уже нет сил ни думать, ни, тем более, ругаться.

Душа жаждала покоя. Прежде чем вернуться домой, Мархе захотелось посетить сестру, Шовду. Она жила на самой окраине села.

...Рассказав ей все и от души наплакавшись, Марха, пряча опухшее от слез лицо, затихла на груди сестры.

- Марха, ты до сих пор хорошо держалась. Если же теперь потеряешь контроль над собой, тебя неправильно поймут, осудят. Ты веришь в то, что Саид жив, значит, так оно и есть. Слышишь меня?

- Да!

- Посмотри на меня. Положись на волю Всевышнего и постарайся жить дальше, не слушая пустых разговоров, не принимая их близко к сердцу. Утри слезы и отгони печаль! Если ты не сделаешь этого, тоска изведет тебя, и Саид, вернувшись и найдя тебя больной, женится на другой. Молодой, красивой. И правильно сделает: ведь никому не нужна такая развалина, - пыталась подбодрить сестру шуткой Шовда.

- Одного боюсь, - Марха несколько успокоилась и поделилась своими опасениями: - Саид слишком

горяч, горд. Если посягнут на его честь, чувство собственного достоинства, он не выдержит... Окажет сопротивление, но не склонит голову... Если же он поднимет на них руку... нет никакой надежды...

- Нет, Марха, Саид не так безрассуден... Он же думает о вас, желает вернуться к вам живым... Но и ты должна постараться, чтобы, вернувшись, он застал вас всех в здравии, поэтому обрати все свои мысли к семье, детям...

- Пусть Бог вознаградит тебя, Шовда! Теперь я спокойна! Ты вдохнула в меня новые силы!

- И не позволяй всяким гадалкам играть с собой! Не пытайся с помощью подобных людей приоткрыть завесу божьих тайн, старайся жить своим умом. Вручи свою судьбу Богу, не теряй веру в Его милость!

Миновал полдень.

Не доходя до села, Марха присела отдохнуть.

Вокруг открывался прекрасный вид. Настолько прекрасный, что невозможно было отвести глаз. Говорят, сглаз бывает и от зависти, и от любви. Как и все под солнцем, этот мир обжигает завистливый взгляд, а доброжелательный взгляд заставляет сверкать.

Как же ты прекрасен, мир! Жаль только, жить трудно. Провести бы свою жизнь, любуясь этим миром! Но ... невозможно.

Как завораживающе прекрасен дикий танец пламени, тебя тянет к нему какая-то неведомая сила! Но никто еще не осмелился разделить с ним этот танец. В мгновение ока пламя испепелит такого!

Такова и жизнь. Не спрашивая твоего согласия, судьба, выступая распорядителем на празднике жизни, заставляет исполнять свои танцы. У нее два

танца: праздничный и карающий. Последний танец приходится исполнять чаще.

Пригорок, на котором сидит Марха, ее излюбленное с детства место отдыха. Здесь все дышит удивительным покоем. Пригорок служит как бы границей между старым кладбищем и новым. Связующим звеном между прошлым и настоящим.

Марха слышит грустную беззвучную беседу между ними. Они обращаются к каждому прохожему, к каждому, чей взгляд останавливается на могилах, изливая свою грусть-тоску, потом эти стелы, застывшие в форме восклицательных знаков, покосившиеся от времени, начинают бросаться упреками.

Марха слышит их голоса в стихотворении «Голос из старого кладбища» ныне покойного писателя Абузара Айдамирова, который носил в себе хрупкую душу этого народа:

Разбросаны по хребту мы, заросли лесом,
Столетия сравнивали наши холмы.
Не ведет дорога к нам, нет и ограды,
Потомками забытые, пребываем сиротливо.
Суровыми воинами кинжалами
покрытые резьбой
Наши стелы временем источены,
Изломаны, повалены они, в землю вросли -
Имеете с ними уходим в забвение мы.
В бури поставленные наши бедные обители
С ними сгорели, смешались с землей.
Деревья потомкам на память посаженные,
Спилены, состарились, превратились в прах.
Никаких писем вам не оставили —

Для этого не были мы учены.
В огне мы рождались, в огне и сгорели,
Не было у нас вашей свободы.
Все, что создано нами, сгинуло бесследно,
Остались лишь вы, наши потомки.
Радуемся вашей счастливой жизни, свободе,
Труд наш не пропал, значит, даром.
Но не думайте, что мы были обласканы жизнью,
Что скончались на мягких постелях,
в кругу семьи.

Не думайте, что свобода досталась вам даром,
Что счастье свалилось с небес,
Все это плод, нашей кровью добытый
В многовековой неровной борьбе.
А здесь не сохранилось даже могилы,
Чтоб воздать почести вашим отцам,
Что пали в борьбе за правое дело,
За вашу свободу, счастье и землю.
Герои! Конахи! Их лепят не из глины,
Рождаются они раз в столетье.
Создает их эпоха, бережет народ,
Сгорают в огне за счастье народа...
Не просим для себя мы мраморных плит,
Не просим и огня вечного.
Достаточно и камня, поставленного воинами,
У изголовий наших, берегите их...

Звонкое пение птиц, порхание бабочек, шелест
травы, мягкое дуновение ветра - все застыло, не в силах
перенести упреков прошлого.

Марха встала и медленно побрела по старинному
кладбищу.

- Эх, нам и невдомек, во что ваши потомки прекратили шине наследие! Ваши надмогильные холмы, которых время сравняло с землей, не преданы забвению, хоть вокруг кладбища нет ограды, народ помнит вас. В ваше-то время было ясно, кто друг, кто враг, была возможность хоронить покойника, поставить над его могилой стелу. Было понятно, во имя чего воевать и погибать. А ваши потомки тысячами сгинули бесследно, снимала в бескрайних казахских степях, теперь на своей несчастной родине. И надмогильных камней, украшенных резьбой суровыми воинами, становится все больше. И наши несчастные жилища, поставленные на пепелищах ваших построенных в бури домов, сгорели в эти трижды проклятые войны. И деревья, посаженные вами в добрую память о себе, не спилены, не высохли -они изранены войной. Все, что создано и вашими руками, и нашими, сгинуло, и свободы мы имеем не больше, чем имели вы. Не думайте, что мы обласканы жизнью. И детство у нас отняли, и не дали спокойно дожить до старости, и уютных жилищ нас лишили, и родных потеряли... Свобода, добытая вами своей кровью, до сих пор кровью и исходит. Плод, выращенный на крови, не может быть целебным. Да пребудете вы в чести у Всевышнего, лучше бы вы нам оставили наследие, возвращенное на разуме! Тогда бы мы сумели и присмотреть за вашими могилами, и почитать героев, и уберечь наших сынов и дочерей от беды! Заложили бы основу мирной, счастливой жизни!

Да, героев не из глины лепят. Мы, матери, их рожаем! Каждым новорожденным мы одариваем народ, страну, одариваем бесценной жемчужиной! Пампою чаще, чем раз в столетие. Но рождают их матери не для войны! Нельзя было хоть раз заглянуть в

наши, материнские глаза, понять наши чаяния, надежды?!

Мы всегда были вам покорны! Верны... Наши судьбы были в ваших руках... Но никогда еще смертоносное оружие вы не променяли на разум!

Мы устали, выдохлись! Потеряли покой!

Наши братья, сыновья, отцы, мужья сгинули бесследно, у них нет даже могил. Таков удел потомков, для которых вы добыли свободу.

Установить мраморные стелы или зажечь вечный огонь нетрудно... Пока есть мы, женщины, недостатка в гранитных или мраморных стелах не будет - это мы стоим в качестве них, потеряв смысл жизни, застыв.

И вечный огонь с нами - беды, лишения обжигают наши сердца, сердца чеченских матерей...

...Марха плакала. Плакала за тех тысяч чеченских матерей, которые столетиями стойко переносили все удары судьбы.

На старом кладбище ничего не было слышно, кроме глухих рыданий женщины. Старые могилы умолкли, чувствуя вину перед чеченской матерью.

Им нечего было ответить.

2007 год

*Перевод с чеченского
С.Мусаева*

ЦЕНА ШУТКИ

Эх, сердце!

Ты размером всего с кулак! Какое же ты крохотное!

Но ты находишь силы, чтобы перенести горе, вытерпеть все, пережить. Исходя кровью, когда поражает боль, изливаясь слезами при радости.

Подожди, сердце, подожди! Много бед выпало ни твою долю. Жизнь не ласкала тебя, не нежила. Многое ты пережило, совсем смягчилось. Каждый удар принимаешь на себя, словно мишень.

Жовзан пытается успокоиться, унять сердце. Но оно сегодня не слушается. Вены сузились, кровь Оросилась в голову.

Как же сильно ты стучишь сегодня в висках, кровь!

Пощади меня!

Пощади! Сжался!

О Аллах, дай мне выдержки и сил выдержать этот последний удар!

Последний? Кто знает, какой уже по счету?! Но нет уже сил вынести это! Ведь на тебе уже нет живого мести, сердце! Еще не зажили прежние раны.

Чем же она заслужила такое наказание! Не была мерной супругой? Была плохой матерью детям? Согрешила чем-то перед Богом? Жовзан пытается найти объяснение предательству мужа. Но, сколько ни старается, не может найти ответ. Жовзан обнимает годовалого сына, словно ища в нем поддержку. Мыслями

она находится далеко отсюда.

Детство ее было безрадостным: рано лишившись матери, она познала сиротскую жизнь, отравленную тяжелым нравом мачехи. Молодость прошла в тяжелых трудах, заботах и хлопотах о своем гнезде, семейном очаге. Появились дети. Дочь и четверо сыновей. Старшему всего лишь десять. Потом война. Голод, нужда. В первую войну умер отец, во вторую - жестоко убили единственного брата. Нет ни одной родной души, чтобы пожалеть ее, принять в ней участие. Одна лишь свекровь, но она уже четыре года прикована к постели. Хотя бы она была здорова! Не познавшая материнской любви, Жовзан очень любила свою свекровь. Жалея ее, сноха не посвящала свекровь в свои проблемы. Знала, что она не вынесет.

Удивителен этот мир! Хорошие люди рано умирают, или же их сковывает болезнь, а плохих ни Бог не прибирает, ни родственники не могут от них избавиться, и они наслаждаются жизнью. Видимо, такие и на том свете не нужны.

Ее муж, Якуб, вновь завел с ней этот разговор, отхлебывая между тем чай. Он невозмутим. Можно подумать, он рассуждает о чем-то постороннем. Наконец, допив чай и вытерев платком выступивший пот, он прилег на диван.

- Вот такое вот положение, - он глубоко вздохнул.
- О наших взаимоотношениях тебе известно. Я знаю Зину уже около года. Она молода и, хоть и не красавица, умеет жить, зарабатывать, — он бросил взгляд на притихшую жену. - Обычай приводить вторую жену завел не я, не я первый, не я и последний... Что молчишь?

- А что я должна сказать? - уложив сына в колыбель, заговорила Жовзан. - Ничего особенного в

женитьбе нет. Вокруг много женщин, готовых выйти замуж по первому зову. Но жену надо кормить, содержать. А ты не можешь обеспечить даже нас.

- Она сама позаботится о себе, а если надо, и о тебе и твоих детях.

Жовзан рассмеялась от безысходности:

- Разве до сих пор нас обеспечивали она или ты? Якуб, если тебе нужна эта женщина, приведи ее, и не будем больше говорить об этом.

- С этим нужно покончить сегодня же, - Якуб свесил ноги с дивана и стал разглядывать их, играя пальцами, словно видел их впервые. - Но мне нужна твоя помощь...

- Какая помощь нужна тебе от меня?—изумленно уставилась она на мужа. - Тебе мало, что ты целый год изводил меня?!

- Я прошу от тебя немногого, - повысил голос муж, - и тебе придется сделать это. - Выдержав небольшую паузу, он посмотрел ей в глаза и решительно продолжил: - Зина поставила мне одно условие. Она скачала, что готова выйти за меня, если ты, моя жена, попросишь ее выйти за своего мужа!

Жовзан не верила своим ушам. Слезы, сдерживаемые ей до этой минуты, хлынули ручьем.

- Ну и дела! - сквозь слезы с трудом заговорила несчастная женщина. - Вы еще условия мне ставите! Условия должна была бы ставить я! Забыл, как клялся, что умрешь от разлуки со мной, как похитил меня? Пока я не стала матерью пяти детей, была нужна тебе! А что изменилось теперь! Нашел богатую? Купился на ее машину? Ты не жениться собираешься, а замуж выхолить! Нужно называть вещи своими именами.

Жовзан никогда не разговаривала с мужем так грубо. Но, как говорится, и мышь кусается, когда не остается иного выхода.

- Заткни свою пасть! — в ярости рявкнул на нее Якуб. - Твое дело исполнить то, что я требую! Ты пойдешь просить ее выйти за меня, если же нет — иди на все четыре стороны! Больше не увидишь ни детей, ни меня! И точка...

- Не видеть тебя - не велика беда, а дети? Они же не выживут. А кто присмотрит за твоей матерью?

- Новая сноха, - отрезал муж.

Жовзан растерянно огляделась. За свекровью требовался уход. Больная привыкла к ней, еще неизвестно, как ока отнесется к тому, что за ней станет ухаживать другая женщина.

А она? Куда ей идти, где преклонить голову?

- В тебе не осталось ничего человеческого, - слабо произнесла она, - иначе ты не позорил бы свою жену, мать твоих пяти детей, перед чужой женщиной... Ладно, я сделаю так, как ты хочешь. О чести, достоинстве с вами и говорить не стоит.

Якуб удовлетворенно вскочил.

- Вот-вот, теперь я узнаю свою жену, - муж довольно хмыкнул, - послушна, не перечит, ласкова... Теперь собирайся быстро, поедem.

Разбуженный их голосами, проснулся и захныкал мальчик в колыбели.

- Успеem съездить, не опаздываем, - подошла к ребенку мать. - Мальчик голоден.

- По дороге накормишь, это дело нельзя откладывать дальше.

... Дорога. Дорога жизни. Полный печали путь. Так, в суете, и проходит вся жизнь. Со своими

радостями, печальями, надеждами, болью. Путь, полный лишений. Если бы этот путь был устлан розами, человек не появлялся бы на свет с криком. Рождался бы улыбающийся, радостный.

Жовзан кормит сына.

«Родной мой! Дает ли тебе молоко моя иссушенная бедами грудь? Если и дает, то горькое. Отравленное твоим отцом».

Женщина начинает чувствовать нехватку воздуха. Ее душит обида.

С тем, что муж приводит вторую жену, она смирилась. И не такое пережила.

Но как заставить себя предстать перед этой женщиной с такой просьбой, пасть ниц перед этим ничтожеством?!

Как рабыня!

Она отчетливо понимает, почему ее обязывают к этому. В будущем, если что-то не сладится, Зина заявит, что вышла замуж за Якуба потому, что Малика ее упрашивала.

Жовзан понимает: каждой женщине хочется свить свое гнездо, создать семью. А мужчин не так уж много. Но она выбрала именно его. Зина два раза была замужем. Но оба замужества ее не удовлетворило. А много ли сегодня найдется женщин, довольных своей семейной жизнью? Нужно приспособливаться, терпеть. Если у нее много денег, пусть оставит женатого мужчину и найдет другого. Немало же этих бездельников, созданных Богом лишь для того, чтобы заполнить мир. Коли найдется хозяйственная женщина, многие из них примут человеческое обличье. Но необходим хороший! Что поделаешь, и Жовзан хотелось бы хорошего мужа. Но, как говорится, на безрыбье и рак рыба...

Однако, как долгие этот путь! Сегодня она предпочла бы, чтобы ее на носилках несли на кладбище, чем ехать сюда. Но она усмирила свою гордыню ради детей. Но поймут ли ее дети?! Ведь и дети сегодня своенравные. Жестокие. Нет, ее дети не могут быть такими.

Эх, сердце! Ты размером всего лишь с кулак! Выдержишь ли ты этот последний удар судьбы?

- Жена, думаю, тебя не нужно учить, что и как ты должна делать, - говорил Якуб, не отрывая взгляда от дороги. - Зина женщина с характером, но ты привыкла сдерживать себя, быть терпеливой.

Разговаривай вежливо, убедительно. Она не будет досаждать тебе и маячить перед тобой не будет. Я буду заезжать к тебе один раз в неделю, и детей не оставлю без внимания. Правда, мать не успокоится, будет ругаться. Но ты сможешь ее утешить. Мы уже подъезжаем, будь с ней вежлива, весела, словно это тебя несколько не задевает. Однако если ты спровоцируешь ее на ссору, я разведусь с тобой и устрою так, что белый свет тебе покажется не мил.

Машина въехала в Гудермес. Скоро они оказались перед старым, запущенным двухэтажным зданием.

- Все, приехали, вылезай, - остановил машину Якуб. - Удачи тебе!

В ответ тишина. Обернувшись, он обнаружил, что жена неподвижно сидит на заднем сиденье: казалось, она спит. Мальчик тоже затих, уткнувшись в материнскую грудь.

- Вот это да! Смотрите на нее, спит сладким сном! А я распинаюсь тут, прошу проявить выдержку! Эй, слышишь, проснись! - Жовзан не сдвинулась с

места. Разозлившись, муж хлопнул ее по плечу. Испугавшись, заплакал проснувшийся ребенок. -Вставай быстро, оставь эти свои женские штучки! Тебе придется выполнить это задание, если даже находишься при смерти!

Когда она никак не отреагировала и на этот раз, муж, заподозрив неладное, повернул к себе ее голову. Глаза Жовзан были открыты, но в них... не было жизни.

Якуб растерялся. Что теперь делать?

Что ответить, когда спросят, как умерла жена?

А дети? Больная мать? Кто за ними присмотрит?

Якуб чувствовал, что сходит с ума. Не думал он, что этот день завершится так. Он готовился начать новую жизнь. Теперь его жизнь, действительно, изменится. Желает он этого или нет. Изменится, но не в лучшую сторону.

Ребенок, оставшийся без материнского внимания, плакал. На Якуба, находившегося на грани помешательства, этот крик действовал убийственно. Нужно что-нибудь предпринять! Подхватив плачущего сына, Якуб вышел из машины. Быстро, пока его никто не заметил, заскочил в подъезд. Нащупав дрожащей рукой звонок, пожал его.

- Кто там? - донесся из-за двери кокетливый голос.

- Это я.

- А, мой Куба! - дверь открылась. Увидев ухажера, на котором не было лица, с ребенком в руках, Зина растерялась. - Что с тобой? Чей это ребенок?

- Впусти меня сначала, потом расскажу, - не в силах положить ребенка, он тяжело опустился в кресло.

Это мой сын, младший, а его мать в машине...

Зина победно улыбнулась и, став перед зеркалом, стала поправлять прическу.

«Приехала, старая мымра! Ну что же, я покажу ей, как я помыкаю ее мужем! Смотри-ка, приехала просить! Но я не с первого раза соглашусь!»

Гордая вдова заставит ее прийти три раза, не меньше! Зина уверена: вся жизнь - игра, в которой есть победители и побежденные. А она не из тех, кто привык проигрывать!

- А почему она задерживается на улице, прислав вперед двух мужчин? Испугалась, или стесняется? - кокетливо изгибается она.

- Она не испугалась ... умерла, - с трудом проговорил Якуб.

- Умерла-то она давно, ха-ха-ха, - залилась смехом Зина. - Что, я такая страшная, что она меня испугалась?!

- Ты не поняла меня... Моя жена умерла, она в машине, - отчетливо проговорил Якуб. Поняв, что он не шутит, вдова застыла на месте. Поэтому он такой бледный, поэтому ворвался с ребенком в руках.

- Что значит - умерла? Что с ней произошло? - не нашла она что сказать.

- Что произошло? - переспросил ухажер. - Умерла в дороге, от разрыва сердца. Все эти твои штучки! «Пусть придет упрашивать! Пусть придет упрашивать!» Ну вот, она пришла тебя упрашивать, как ты мечтала! Выходи, встречай! Готовь саван в подарок! Гостя, пришедшего в первый раз, принято одаривать!

- Заткнись! - повысила голос вдова. - Думаешь, я твоя жена, которая позволила тебе ездить на себе верхом?! Что это ты мне сцену устраиваешь? Я, что ли,

виновата?

- А кто? Разве не ты добивалась, чтобы эта бедняжка ползала перед тобой на коленях?!

- Ага, она теперь уже бедняжка! -

пренебрежительно усмехнулась женщина. - Она была бедняжкой, когда столько лет терпела тебя! Теперь же нет человека счастливее ее...

- Смерть матери этих детей на твоей совести, - попытался Якуб возложить всю вину за случившееся на любовницу.

- Тебе не удастся обвинить меня! Я с тобой пошутила. Кто знал, что ты такой дурень?! Ты продал мать своих пяти детей за одно слово вдовы, брошенной в шутку, - не повела и бровью та. - Знаешь, кого ты мне напоминаешь? Того «молодца», который - в ответ на просьбу любимой принести ей в дар материнское сердце, после чего она выйдет за него замуж, вырвал сердце матери и помчался с ним к своей невесте... То же самое совершил и ты. А теперь убирайся из моей квартиры со своим ублюдком...

...Якуб долго сидел в машине, размышляя о своем поступке.

Мальчик заснул. Обняв свою мертвую мать. Бедный, он еще не понимает произошедшего. Якуб завел машину, развернулся и выехал на большую дорогу.

...Дорога. Ах, как же ты сегодня долга! Без конца долга!

«Хотя до сих пор я немало колесил по тебе, сегодня ты придавила меня. Сковала. Теперь ты осталась мне, со своими подъемами, преградами, мишенями».

Неожиданно Якуб дико расхохотался.

Она пошутила, испытывала его!

А цена шулки - смерть.
Эх, сердце! Ты размером всего с кулак. Какое же
ты крохотное!
Огромное! Хрупкое!

2002 год

*Перевод с чеченского
С.Мусаева*

В ПОЛДЕНЬ

Тхата и в селе, и за его пределами слыл искусным мастером. Крепкий, плотного телосложения, он с детства был привычен к труду. Правда, хоть он всю жизнь и работал, богатство так и не нажил. Этому имелись свои причины: щедрый, безотказный, он никогда не брал плату с бедных и родственников, всегда был готов прийти на помощь нуждающемуся и не гнался за земными благами.

Но он никогда не жалуется. Довольствуясь малым и вознося благодарность Всевышнему, живете открытой душой.

Неделю назад он начал работу в соседнем селе. Но эти пять-шесть дней уже кажутся ему годом. В этом виновата хозяйка дома. Тхата много повидал за свою жизнь, встречал немало и хороших людей, и плохих, но никогда еще не замечал в одном человеке столько жадности и скупости. За эту неделю он сбросил килограммов десять как минимум. Голод. А свою работу кузнец выполнял всегда старательно, основательно. Теперь он уже не сможет работать дальше в таком темпе: через неделю-две немудрено и душу отдать Богу, и народ лишится мастера.

... Пробуждалось весеннее утро.

День, вступая в свои права, катил к закату диск солнца. Тхате нравится эта жизнь, он радуется каждому божьему дню. Мужчина зашагал быстрее: чем раньше он дойдет, тем больше успеет сделать.

Услышав шум машин, путник оглянулся. Это ехал Уса, известный на все село своей зловредностью. Чтобы не посадить в машину путника, он находил тысячу причин или же проезжал, притворившись слепым.

«Остановлю-ка я его, назло» - решил кузнец и, выйдя на середину дороги, широко расставил ноги и поднял обе руки. Заскрипели тормоза, и машина, несшаяся на большой скорости, остановилась. Из окна сначала показался большой изогнутый нос, затем выпученные от злости глаза. Тхата испытал сладостное удовлетворение от этой картины.

- Уса, - пытаюсь скрыть радость, слащаво заговорил он, - ты куда собрался?

От тяжелого дыхания Усы похожие на заросли усы заколыхались. Наконец, его толстые губы, мяса с которого хватило бы на целое село, приоткрылись:

- К черту на рога!

- Тогда я сойду чуть раньше, у поворота, - не растерялся Тхата, приоткрывая дверцу.

Болтая о всяких пустяках, он намеренно стал действовать водителю на нервы. Показался блок-пост.

- Уса, у тебя документы в порядке? - выказал показное беспокойство мастер.

- Да, - с раздражением ответил тот.

- Как хорошо, что хоть они, в отличие от хозяина, в порядке.

Но Уса не расслышал последние слова...

- Что у вас в багажнике? - подошел солдат.

- Пусто, - пробурчал Уса.

- Капуста? - обрадовался солдат. - Дайте, пожалуйста, кочан для борща.

- Не капуста, а п-у-с-т-о...

- А-а, тогда извините, пожалуйста,
-
разочарованно махнул рукой солдат.

...Приближался полдень, но про обед никто и не заикался. Тхата все чаще поглядывал на часы, бросал взгляд в сторону двери, с нетерпением дожидаясь момента, когда позовут обедать.

Наконец, показалась хозяйка. Чувство радости, которое испытал Тхата тридцать лет назад, когда его любимая Зазу пришла к роднику, не шло ни в какое сравнение с тем восторгом, что охватил его сейчас.

- Заходи, пообедай!

Тхата заторопился: он знал, что второй раз повторять ему не будут. Когда он умывался, появился хозяин. С ним было два гостя.

- Жена, быстро собери на стол, мы голодны, - крикнул он, не успев войти.

Несчастный мастер аж подпрыгнул: каждый кусок ему теперь придется добывать с боем. Он поспешно сел за стол. То, чем был накрыт стол, не способно было насытить даже одного голодного: несколько кусков хлеба, яичница, еле закрывающая дно сковороды, головка чеснока, чай. Но человек, знакомый с хозяйкой, мог на сей раз подивиться ее щедрости.

Гости тоже сели за стол, «ломающийся от яств». Хозяин, недовольно бросив взгляд на сковороду, сдвинул брови:

- Жена, нельзя было пожарить яиц побольше? Это не обед для нас четверых...

- Я пожарил а целых десять яиц! - не повела та и бровью. - Если приготовить больше, останутся, пропадут. Надо будет, пожарю еще.

- Но здесь не будет десять яиц! - развел руками муж.

- Клянусь устазом, десять! - не отступала
своенравная женщина.

Терпение изголодавшегося Тхаты, который
потерял всякую надежду сытно отобедать, иссякло. Он
медленно поднялся, прошел к чеченской печи и,
вытащив из нее скорлупу, начал считать.

- Женщина, ты неправа, - тихо заговорил он. -
Так безбожно лгать нехорошо. Смотри, вот одно яйцо,
два, три. Выходит, остальные семь яиц твои куры снесли
без скорлупы?

Это был последний обед Тхаты в этом доме.
Рассердившаяся хозяйка больше не звала его обедать, и
ему пришлось быстро завершить свою работу.

2003 год

*Перевод с чеченского
С.Мусаева*

НЕУДАЧНЫЙ ДЕНЬ

Женщина со всех сил боролась со сном.

Уложив детей, она сидела за вышивкой, часто бросая взгляд на часы.

Аббас задерживался. Как всегда. Женщина устала прислушиваться к каждому шороху, доносившемуся снаружи. Времена тревожные, всякое может произойти, поэтому она волновалась. К тому же, ее еще кое-что беспокоит.

В последнее время с ней происходит что-то непонятное. Зря прождав мужа с работы до полуночи, она, уставшая за день, ложилась спать. А утром, проснувшись, всегда обнаруживала, что Аббас спит в сноси постели. То же произошло и сегодня.

- Ты когда пришел домой? - уставилась на него Килсани.

Аббас сладко потянулся.

- Как это когда?! Я вернулся в эту отмеченную Богом обитель вчера ночью.

- Я же закрывала дверь на крючок! - Килсани растерянно оглянулась.

- Жена, я не понял, ты притворяешься или в самом деле шизофреничка? - притворившись

удивленным, воззрился он на нее. - Ты же сама отперла мне дверь, спросила: «Будешь чай, дорогой?» и, не успев я ответить, легла! Забыла?

Килсани не стала продолжать этот разговор. Она засомневалась в себе и решила посетить врача. Но как ему все объяснить? Сказать, что крепко спит? Что она

лунатик? Надо вылечить, пока болезнь не зашла далеко. Кто знает, вдруг она впустит ночью какого-нибудь сумасброда?!

Проводив Аббаса на работу, она, не сказав о своем намерении никому, отправилась в поликлинику. После долгих расспросов ее направили к психиатру. В помощи психиатра нуждались, оказывается, многие, чуть ли не вся республика. Успокоенная, что она не одинока в своей беде, она заняла очередь и стала ждать. Эта поликлиника считалась в разрушенной войной республике одной из лучших. Но если сравнить с такими же учреждениями в других странах, ее можно было использовать как загон для скота: грязные помещения, царящий вокруг полумрак. Только увидев врача в белом колпаке, посетитель вспоминал, что он в больнице.

В соседнем кабинете проходили УЗИ. Стояла длинная очередь. Стоило вновь прибывшему взяться за ручку двери, все дружно начинали протестовать.

- Я быстро, мне только спросить, - с надеждой повернулась к ним молодая женщина.

На лицах стоящих в очереди отразилось недовольство.

- Мы тоже с разными вопросами...
- Пропустишь кого - на час застрянет...
- А мы что, от безделья тут торчим?..
- Это неуважение к нам...
- И не стыдно?!.

Поняв, что ее не пропустят, женщина отошла в сторону.

- Я-то ладно, подожду, но пропустите вон ту женщину, ей плохо.

Но ее слова не возымели действие.

- Много таких запустили. Когда заходят - чуть

ли не при смерти, а выходят - здоровы!

- Надоели эти симулянты.

Однако молодая женщина решительно открыла дверь и обратилась к врачу:

Руслан, тут одной женщине очень плохо...

Посмотри, что с ней, отложи на время свои дела...

Врач что-то пробурчал недовольно и развел руками:

Л что я сделаю? Пусть ей сделают укол для «кайфа»....

- Она не наркоманка...

- Я говорю про трамал, обезболивающий укол.

Женщина, не говоря ни слова, закрыла дверь.

Что он говорит? - слабым голосом спросила больная.

- Говорит, что ему дела нет, - ответила та.

Килсани стояла в углу, слушая этот разговор. «Столько пережили, а в людских сердцах, вместо милосердия и сострадания, накопилась жестокость и безразличие», - с горечью подумала она.

- С-ск-ска-жи, п-п-пож-ж-жа-луйста, - сильно заикаясь, обратился к соседу, молодому человеку, какой-то мужчина, - к-кот-т-торый ч-ч-час?

Но хозяин часов стоял спиной, делая вид, что не слышит. Повторив вопрос и не дождавшись ответа, заика, сильно обиженный, вышел.

- Молодой человек, — укоризненно обратился старик к парню, который продолжал стоять,

отвернувшись к стене, - неужели нельзя было ответить ему? Он и так обижен судьбою.

- Е-если б-бы я о-отв-ветил, ту-тут ж-же в-в-возн-никла б-бы с-с-ссора!!! Все засмеялись.

- Ты прав, парень, - улыбнулся и старик. - Он бы обиделся, подумав, что ты его передразниваешь.
Наконец, подошла очередь Килсани.
Она смущенно остановилась в дверях.
- Садись, - сухо бросил врач, вытирая платком капельки пота со своей лысины. - Ну, я слушаю.
Килсани, сбиваясь, поведала о своей беде.
- И давно это с тобой?
- Уже полгода.
Врач нацарапал на бумажке какие-то каракули и протянул женщине.
- Возьми в аптеке эти лекарства и принимай их, как я написал. Каждый месяц приходи на прием, мне нужно понаблюдать за тобой.
- Что со мной? - дрожащим голосом тихо спросила бедная женщина.
- Пока ничего определенно нельзя сказать, но кажется, у тебя провалы памяти.
- А болезнь не далеко зашла?
- Если бы она зашла далеко, ты «отдыхала» бы в Брагунах, в психушке, - попытался ее успокоить страж здоровья.
Килсани подавленно направилась домой.
«Сегодня я не лягу, - решила она. - Если уже не в силах буду бороться со сном, вылью на себя кипяток».
С этими мыслями кандидатка на миссию в Брагунскую психиатрическую больницу пришла домой.

«Ка-а-анц!» - нарушая ночную тишину, скрипнула металлическая калитка. Тот, кто открыл ее, затих, затаив дыхание. «Будь ты неладна! - выругался он на давно не смазанную калитку. — Попасть в свой собственный дом гораздо труднее, чем завоевать Рим!

Теперь нужно еще и закрыть ее за собой!»

«Ва-а-а-нц!» - закрылась калитка.

«Надо было перелезть через забор, - прислушиваясь к тишине, подумал он. - Только как бы я перелез, если не могу нормально идти даже по ровной дороге?! Странно, что вообще дошел! Если эта мымра проснется, дела будут неважные!».

Это был не Цезарь, а в доме спала не Клеопатра. Это был Аббас, который добирался домой, держась за забор, старательно обходя казавшиеся ему пропастью выбоины на дороге, еле держась на заплетающихся ногах. Он находится в изрядном подпитии. Стараясь не производить шума, Аббас с излишней осторожностью присел под виноградным навесом во дворе. Его внимание привлёк аромат, исходивший от кастрюли на печи. Когда Аббас приподнял крышку, его лицо расплылось в улыбке. Любимое блюдо Аббаса- баарш¹⁵. Сглотнув слюну, он запустил в кастрюлю шумовку: «Если зажечь свет, весь дом перебудит. Ничего, и так справлюсь, мимо рта ложку все равно не пронесешь».

С маленьким бааром он справился быстро, с большим же пришлось повозиться. Видно, он плохо проварился, будучи большим. На столе стояла прикрытая крышкой чаша, и Аббас придвинул ее поближе. Содержимое по вкусу напоминало салат, и он стал уплетывать его. Насытившись, он почувствовал, что его клонит ко сну.

Скоро Аббас подошел к окну. Привычным движением выставив раму, он, высоко занеся ногу, пошел к окну. Но не успел выпрямиться: раздался звук глухого удара, и искатель ночных приключений, потеряв

¹⁵ *Баарш* (ед. ч. баар) – домашняя колбаса, начиненная фаршем из ливера, с рисом и луком.

сознание, рухнул на пол. С трудом придя в себя, Аббас непонимающе огляделся и увидел растерянно суеящуюся около себя жену.

- Что со мной? - прошептал он, потирая голову.

- Боже мой, да я получил ранение...

- Ой, думая, что к нам лезет вор, я хотела остановить его!

Глаза Аббаса остановились на сковородке, лежащей неподалеку.

- Ты согнула сковородку о мою голову?

- Я схватила, что подвернулось под руку...

- Хорошо, что тебе под руку не подвернулась коса...

Килсани, испугавшаяся было, что убила мужа, вдруг озарило.

- Смотри-ка, - с удивлением, смешанным со злостью, проговорила она, - оказывается, ты до сих пор обманывал меня! Ты всегда забирался в дом через окно!

- Должен же я как-то заходить! Не через дымоход же!

- А разве дверь не для этого служит?

- А разве моя жена так чутко спит? - вопросом на вопрос ответил Аббас. - Да я же целый час, если не больше, зову тебя! Каждую ночь одна и та же картина, какой-нибудь прохожий подумает, что я пою под твоим окном романсы...

- Что ты несешь? - она сунула ему под нос свой обожженный палец. - Я решила сегодня ни за что не ложиться спать. Ты довел меня своими рассказами до того, что я, считая себя ненормальной шизофреничкой, обратилась к психиатру... Чтобы ты сдох!

Килсани начала плакать и причитать над своей несложившейся судьбой, над жизнью, которую испортил

ног пьяница... Но, как говорится, она говорила все это и пустоту - ее никто не слушал. Аббас спал, как младенец.

Утром его разбудил трезвонивший всюду будильник. Теперь, приведя себя в подобающий вид, нужно идти на работу. Во дворе слышатся голоса жены и детей.

- Мама, - услышал он голос младшего сына, - ни столе хозяйничала кошка.

- С чего ты взял? - отозвалась откуда-то мать.

- Кошка съела из тарелки корм, приготовленный гобой для кур. Кроме того, затащила на стол крысу. Посмотри, как культурно она его съела: аккуратно отрезая куски ножом. Оставила лишь голову и хвост, - не переставал удивляться мальчик.

- Эта была двуногая кошка, - засмеялась Килсани. - Видно, крыса упала в кастрюлю и сварилась вместе с баарш... вах-ха-ха... А кошка съела... культурно как съела... вах-ха-ха...

Аббаса, который все это слышал, передернуло от отвращения. Двуногой кошкой был он. Вспомнил, как он мучился с этим вторым бааром, как уплетывал салат из чашки.

Он вскочил как ошпаренный и, схватив кумган, припустил к туалету.

...Килсани огляделась. Мужа не было ни в доме, ни во дворе.

- Где ваш отец? - обратилась она к детям.

Пошел на огород. Уже полчаса, как он там... «заседает», - ответил сын.

До Аббаса донеслись чьи-то голоса. Говорили не по-чеченски. Кого это еще черти принесли? Когда он вышел, огород был полон солдат. Они проводили

«зачистки», или, говоря по-другому, шмон.

Заметив его, один из них привычно выдал:

- Предъявите, пожалуйста, паспорт!

Аббас поставил кумган и обратился к жене, выглянувшей в этот момент в окно:

- Жена, неси мой паспорт, пока я был в туалете, здесь поставили блок-пост...

День был явно неудачным.

2003 год

Перевод с чеченского

С.Мусаева

В ПРЯТКИ С ЛЮБОВЬЮ

Строптивый утренний ветерок резво приоткрыл своим плечом окно, без спроса ворвался хозяином в комнату и нежно обнял девушку, которая все еще нанялась в постели, мучимая жаром.

Утренняя свежесть осыпала ее мягкими поцелуями, возрождая любовь к жизни, заставляя болезнь отступить, и разбудила девушку от беспокойного сна. Первое, что уловил просветлевший взгляд, была сестра Милана, которая наряжалась перед зеркалом, спиной к ней. Уловив в зеркале ее взгляд, молодая девушка тепло улыбнулась и, не прекращая укладывать прическу, кивнула, приветствуя сестру:

- Доброе утро, милая наша больная! Как ты, пришла в себя? Грипп - тяжелая болезнь, особенно летом, хотя многие считают по-другому.

- Кто-нибудь приходил проводить меня, переживая или делая вид, что переживает? Ты никого не заметила, кто страдал, думая, что потерял меня, мой верный страж? — попыталась пошутить в ответ Зулай.

- Твои коллеги, преподаватели вуза, собирались ехать на похороны и спрашивали, в состоянии ли ты к ним присоединиться. Конечно, нет, ответила им я, тут положение такое, что похороны, возможно, состоятся скоро у нас.

- Кому выпал этот несчастный жребий?

Преподаватель с вашей кафедры. Бедняга, как молод он был... Хоть и не красивый, умел преподнести себя в лучшем свете... Ни то, что он был без одного глаза,

ни увечная рука, ни нога, которую он волочил при ходьбе - ничего не бросалось в глаза, когда он заговаривал. Собеседника сразу подкупали его искренность, острый ум, мягкий взгляд... Да, в этих редких среди людей чертах заключалась его красота... Не обижался, когда называли Байсангуром. А как его любили студенты, особенно девушки!.. Не пропускали ни одной его лекции... Одна лишь ты посмеивалась над ним, мучила... Может, ты и довела его до смерти... - ее слова оборвал крик сестры. - Зулай, что с тобой? Я напугала тебя?

- О ком ты говоришь?

- О Хасане, — Милана растерянно засуетилась вокруг сестры.

-Хасан... Хаса-а-ан!.. -ошеломленная новостью, Зулай разрыдалась. - О каком Хасане ты говоришь? Нет, это не мой Хасан! Ты думаешь, о чем говоришь?!

- Твой Хасан?.. - Милана только теперь начала понимать сестру. - Я не знала, что ты воспримешь это близко к сердцу... Не плачь, у тебя и так температура...

- Этого не может быть, Милана! Сердце не может с этим смириться!.. Откуда у тебя эти черные вести? - спросила сквозь слезы Зулай.

- Вчера... после обеда позвонили с твоей работы... Я же говорила тебе только что. Я дала ответ от себя, не желая будить тебя. Забывшись перед этим сном, ты только сейчас проснулась...

- Надо было разбудить! - Зулай чувствует, как кровь, волнами устремившись к сердцу, откатываются от него, оставив глубокую рану. - Надо было сказать... Как можно не говорить, когда рушится мир?! Он же был для меня целым миром...

- Зулай, ни я, ни кто другой никогда не замечал, что ты так...

Страдаю? Ты это хотела сказать? Если любовь это страдание, я очень страдала... Оставь меня одну, Милана! с просьбой обратила она на сестру взгляд своих черных, полных слез глаз.

Зулай осталась теперь одна, без посторонних, чтобы громко воззвать к любимому, казнить себя за то, что бегала от столь возможного счастья.

Как же теперь?

Как может существовать этот мир без Хасана? Зачем он, этот мир, нужен, если в нем нет его?

Почему солнце, озаряющее свет своими золотыми теплыми лучами, не застыло в холоде, как ее сердце?

Почему мир не окунулся во тьму, как ее глаза, в которых померк свет?

Чей слух услаждают своим пением птицы?

Чей глаз радуют своими красками цветы?

Вспомнилось все: первая встреча, завязавшаяся дружба, общие надежды, шутки, обиды.

Робкие попытки Хасана объясниться в любви Зулай жестко отбивала, обращая все в шутку.

Нет, это было не пренебрежение. И не высокомерие. Нет, это было желание лелеять, нежить любовь, запрятав в глубине своей души, заботливо ухаживать за ней, как мать за своим ребенком. С именем Хасана связывалась надежда на счастье, на прекрасную безоблачную жизнь.

- Ты куда собралась?

Когда Зулай в черном одеянии вышла во двор, солнце зашло за тучи, и мир, озаренный до этого щедрыми лучами солнца, померк.

- На похороны.
- И я с тобой.
- Не надо.
- Ты же никого там не знаешь... Чтобы выразить соболезнование, поплакать...
- Мне никто и не нужен... Того, кто услышал бы мой голос, увидел мои слезы, понял меня, уже нет...
... Никто и не услышал голос Зулай, не увидел слезы, ее подавленное состояние. Никто не обратил на нее внимания, не заговорил с ней.
В одном ряду сидели самые близкие ему родственницы, поочередно начиная причитать по покойному. Все близкие, кроме нее!
А кто ему был роднее Зулай, чтобы сидеть в их ряду, выплакать все слезы, звать любимого до хрипоты?!
Лишь несчастная мать держится. Но за нее говорят поседевшая голова, дрожащие руки, глаза.
Зулай всем своим существом стремится к ней. Кинуться бы, растолкав всех людей, к ней на шею, дать волю слезам, не прячась от людских глаз! Почему им нельзя выплакаться, принести хоть какое-то облегчение истомленной мукой груди слезами, которым они не дают воли на людях?! Почему считается неприличным плакать им?

- Вон та девушка уже давно здесь. Далеко ли ей добираться до дома, есть ли где переночевать? - уловив взгляд Зулай, произнесла мать Хасана, словно прочитав его мысли.

Взгляд Хасана, его мягкий голос!

Не в силах дальше вынести душевную боль,

девушка расплакалась.

- Она работает с Хасаном, - объяснила кто-то.

Ах, как же это далеко от истины! Она же была самым близким человеком для Хасана! Привыкшая смотреть на мир его глазами, жить его мыслями, благодаря ему познавшая сладость душевных переживаний, любовных грез!

Как же долго она избегала взгляда Хасана, готового излить свои чувства! Не приняла ожерелье любви из жемчужин светлых надежд, взлелеянных в глубине души!

Разве зазорно было бы для Зулай принять этот дар, окунуться в море любви?!

Ах, молодость!

Стала играть с любовью в прятки! Эта игра слишком затянулась, и теперь она осталась одна. Некого искать, звать. Сколько бы она ни кричала, ни звала на помощь, любимый ушел, ей больше не увидеть его.

- Живи долго, девушка, пусть Всевышний вознаградит тебя за каждый твой шаг! Иди, не задерживайся.

- Пусть он пребудет в милости Аллаха! Пусть Всевышний даст вам выдержку пережить это горе!

Придется ей теперь расстаться с надеждой обрести в этом доме счастье. Счастье, которое оказалось невозможным.

- Хочешь видеть Хасана? - обжег ее чей-то вопрос.

Путавшиеся мысли не могли отличить прошлое от настоящего. В голове царила сумятица. Ей не хватало рассудительности понять, что, если Хасан умер вчера, в то же день его должны были предать земле, а сегодня второй день похорон.

- Зулай! — это прозвучало громом.

Ее звал родной голос, который она узнала бы из тысячи.

Голос Хасана! Голос живого Хасана!

- Зулай, зачем ты беспокоилась? - увидев подходящего Хасана, она обессиленная испытаниями, выпавшими на ее долю за сегодняшний день, едва не потеряла сознание.

- Зулай! - теперь в голосе, который доносился издали, слышался испуг. - Зулай, на тебе лица нет... Ты и так нездорова, не стоило приезжать... Иди, садись на этот стул... - растерянно суеился вокруг

побледневшей девушки Хасан. - Как ты, не полегчало?

- Хасан... - с трудом заговорила Зулай. - Хасан, я же приехала на твои похороны... Оказывается, мне неправильно объяснили... Как хорошо... вернее... - мысли ее путались. - Ты жив... жив-здоров... Сон ли я вижу? Что со мной сегодня происходит? За что... я так... наказана?..

- Мой старший брат, Хусайн, умер, - объяснил Хасан.

- Как хорошо!.. Что это я такое говорю... Хасан, извини меня... Ты не можешь умереть, мы не можем расстаться!..

- Зулай, чтобы услышать эти слова, мне стоило умереть! - успокаивая забившееся от счастья сердце, мягко заговорил Хасан. - Если бы я знал это раньше, не страшно было бы умереть... Что значит смерть, если знать, что ты будешь так убиваться по мне?! Счастье!

... Весь мир, жизнь и нашедшее утешение сердце Зулай завели в унисон мелодию любви. Девушка обрела под ногами опору, которой лишилась. Походка ее стала прежней.

Солнце своими щедрыми, ласковыми лучами
возродило к жизни застывшее в тоске тело.

Засветились глаза, изгоняя пелену печали.

Защебетали звонко птицы, навевая
умиротворение.

Прекрасные цветы, лаская взор, закачались на
ветру, начиная танец любви.

2007 год

Перевод с чеченского

С.Мусаева

И НЕБО СЫПАЛОСЬ СЧАСТЬЕМ

А небо сыпалось счастьем...

А почему бы и нет?! Ведь Малика тоже вся искрится, брызжет счастьем и жаждой жизни. Она дождалась-таки этого пушкинского «чудного мгновенья»! Это всепоглощающее мгновение прорвалось сквозь тысячи колючих сомнений, растлевающих хрупкую душу и разум. Шагнула навстречу и растворилась в объятиях, казалось бы такого земного и, в то же время, такого волшебного счастья.

А оно, счастье, такое своенравное, скользкое, непостоянное чувство! И рядом с ним незримо, с редким постоянством, присутствует смутная тревога, отравляя это чудесное блаженство, пугая мыслью, что оно вот-вот уйдет, сбежит, вновь обрекая тебя на гнетущее одиночество. Опять возвращая все на круги своя, заставляя заново блуждать в потемках жизни, звать его и, вконец охрипнув, лишь тоскливым взглядом утомленных глаз искать бесценную потерю. Тщетно высматривать его следы, рассыпавшиеся миллионами алмазных осколков, фосфоресцирующие под холодным лунным сиянием ночи.

Счастье никогда, ни в какие времена, никому не служило преданно и вечно. И, тем более, не имело привычки пребывать с кем бы то ни было вечно.

А как она, еще совсем недавно, безмолвно молила у судьбы хотя бы толику счастья!

С робкой надеждой встречала каждое утро и с привычной грустью провожала, с чувством вины,

понуру уходящий день.

Нет, счастье неуловимо. И вообще, есть ли оно? Может, человек выдумал его, чтобы уберечь беспокойную душу от летаргического сна, поддерживая ее поиском этого непонятного миража.

И еще неизвестно, удовлетворит ли тебя это самое счастье!

Подарок ли оно судьбы или проклятие? Исцеляющее снадобье или смертельная отравка? Опьянит на одно чудесное мгновение или, испив полную чашу, обречет на страдания всю оставшуюся жизнь? Насколько успеешь вкусить его сладость или горечь? Какой оно формы? Что несет в себе?

Столько вопросов, и ни одного ответа!

Ну и пусть! Пусть оно мимолетно., вспыхнет ярким метеором и ... угаснет. Все равно оно не исчезает бесследно - искорки безумного счастья ложатся млечной дорожкой по трепетной душе, питая фантазию воображения.

И однажды, уставшая и сломленная тщетными ожиданиями, она в последний раз вдохнула на едва тлеющие угольки умирающей надежды, затаенной в самой глубине души, уже давно одичавшей от одиночества.

...На центральной площади Грозного в немом удивлении взметнулась к небу наряженная елка, собирая вокруг себя не менее изумленную новогодним зрелищем детвору. Они группами толпятся у весело подмигивающего разноцветными лампочками зеленого великана и недоуменно хлопают глазками.

Дети послевоенной Чечни не умеют веселиться и радоваться жизни. Это видно невооруженным глазом.

Сегодня, 31 декабря, в канун Нового года, все замерли в ожидании чуда. Вот-вот откроются таинственные врата, за которыми воочию произойдет исполнение всех заветных желаний.

Малика тоже в томительном ожидании. А ждет она довольно долго и с завидным терпением. Вот уже четвертый год на 31 декабря, под Новый год, она приезжает из Нальчика в Грозный и целый день, на морозе, коченея от холода и волнения, простаивает здесь, на этой площади, на этом самом месте.

Казалось бы, оглянись чуть правее, сделай один шаг, протяни руку... и сбудется ее мечта, к которой она стремится всем сердцем и душой, но никак не может дотянуться.

Чуть поодаль от нее остановилась парочка влюбленных. Они оживленно выясняют свои отношения.

- Ну что ты дуешься на меня? В чем моя вина, о прекрасная Дездемона? - парень театрально принимает классическую позу.

- А ты будто не понимаешь?! - девушка капризно хмурит брови. - Вчера ты был с Матиной, позавчера с Лизой...

- Но это же твои подружки! - парень смеется.

- За эти два дня я вся извелась, все время звонила, но ты упорно не отвечал...

- Я был сильно занят.

- Веселился до упаду с моими подружками...

- Не будь занудой, Зура...

- Ах, вот как ты заговорил! Тогда я вам скажу, неблагодарный, что вы герой не моего романа!

- Зура! - молодой человек явно польщен ревностью подружки. - Зура, я же люблю тебя одну!

- Это правда?! -девушка быстро отходит, в глазах лукаво играют озорные огоньки. - И почему я тебя все время прощаю? Наверное, оттого, что люблю тебя, дурака...

Уже помирившись, обмениваясь шутивными комплиментами, они шагают дальше.

Малика провожает их задумчивым взглядом: «Играют в любовь, еще не успели познать настоящие чувства».

Вспомнила, как ей впервые объяснились в любви. И не кто-нибудь, а именно тот парень, из-за которого она давно потеряла душевный покой.

Статный, красивый... Во всех его манерах чувствовалась сила, уверенность в себе. В нем удивительно сочетались самые лучшие, качества истинного чеченского конаха: хладнокровное спокойствие, рассудительность, немногословность, отзывчивость. Редкая улыбка, мелькавшая на его красивом, мужественном лице, обезоруживала собеседника. Его уважали как ровесники, так и взрослые, люди намного старше его. Он никогда не бросался словами, никому не прощал лжи, обмана, легкомысленного отношения к жизни. Его любили и... боялись.

-Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ!

Малика вспыхнула. Как она долго ждала этих слов! Ждала, но так и не приготовилась принять их, поверить в услышанное.

Эти короткие, простые, но такие магические, чудесные слова застали девушку врасплох. Сердце затрепетало, и разгоряченная кровь фонтаном безумного счастья хлынула по жилам, пытаясь

вырваться наружу жемчужинами радостного смеха.

А глаза, эти черные очи, которые она так старательно прятала от людского любопытства, страшась, что они предательски выдадут ее сердечную тайну, обуял панический страх, как ночных звезд, попавших под освещение дневного света.

Ей стоило огромных усилий, чтобы успокоить клокотавшее неземным счастьем пылкое сердце, охладить огонь вскипевшей крови, потушить звездный блеск в глазах. Построить каменную плотину против огромной волны любви, пытающейся вырваться наружу потоком безудержной радости, и замереть печатью счастья на светлом девичьем лице.

Эти долгожданные слова, полные нежности, она не должна воспринимать как милостыню от мужчины, даже от любимого.

И если они сказаны достойным человеком, она и примет их с достоинством. Должным образом. Спокойно. Гордо. С гордостью от сознания, что ей суждено родиться дочерью великого народа и на ее долю выпала непомерно трудная, но святая обязанность: при любых обстоятельствах оставаться достойной представительницей чеченской нации.

Уняв охватившее волнение, переборов в себе застенчивость и смущение, Малика заставила себя спокойно, открыто посмотреть на молодого человека, только что признавшегося ей в своих чувствах.

Взглянула и... успокоилась.

Анвар, этот сильный, мужественный юноша, стоял перед любимой весь бледный, потерянный от своей неслыханной смелости. Он давно носил в своем сердце образ этой девушки, пленившей его не только изящной, хрупкой внешней красотой, но и красотой

духовной.

Сколько раз он пытался произнести эти слова!

Всего три слова!

Ну почему их так трудно произнести? Сколько бессонных ночей он провел из-за них, сколькими сомнениями отравлял себе душу, злился на себя, на свою слабость, сколько пытался убежать от этого всепожирающего чувства, испепеляющего его изнутри! Не смог, не выдержал муки самобичевания и... сдался на милость любви.

... Малика улыбнулась при этом воспоминании. В тот день они расстались такие счастливые и условились встретиться 31 декабря, в канун Нового года, здесь, на центральной площади.

Но встреча тогда не состоялась.

Грозный опять, в очередной раз, подвергся огненному шквалу. Снежный покров 2000 года так и не смог уберечь его от новой кровоточащей раны. Малика с родными выехала в Нальчик, вскоре поступила в медицинский институт и, как ни рвалась в родной город, к любимому, все было против нее. Родители решили остаться на чужой стороне до тех пор, пока она не закончит учебу.

Но мысль о 31 декабре обжигала ее душу. Эта несостоявшаяся встреча остановила ее жизнь, она замкнулась на этом дне. Связь с Анваром оборвалась. Ужасная весть чуть не свела ее с ума - с ним случилось несчастье. Спасая ребенка, он сам попал в беду, его накрыло бетонной плитой. Чудом остался жив, но тяжело повредил себе позвоночник. И теперь влачит жизнь, прикованный к постели.

Отсутствие от него каких-либо вестей еще больше обрекало ее на страдания. Она любила его. Их

разделяло расстояние, годы разлуки, но девушка чувствовала его муки. Сколько раз Малика просыпалась глубокой ночью, ясно слыша его голос, который, прежде такой сильный, грудной, теперь беспомощно звал ее.

И сегодня она приехала на эту затянувшуюся встречу. Четвертый раз.

И пришла не одна.

Анвар тоже здесь. Там, за углом, скрываясь от нее, в инвалидной коляске.

Она прекрасно его понимает.

Анвар, ее Анвар, такой красивый, статный, сильный, уверенный, мужественный, теперь - осунувшийся, сломленный, слабый, потерявший надежду на счастье, на завтрашний день! Он не хочет выглядеть в ее глазах другим - слабым и беззащитным.

Малика давно бы побежала к нему, окружила любовью и заботой. Стала бы верной спутницей жизни, она готова была стать его глазами, руками, ногами. Всем, кем угодно, лишь бы быть рядом.

Но не побежит, не упадет перед ним рабой любви!

Она слишком хорошо знает Анвара - не примет жертву, посчитает любовь за унижительную жалость. Страх потерять его удерживает ее от такого порыва.

Анвар печально наблюдал за Маликой. Он ненавидел себя за свою нерешительность. И подойти не может и... отпустить ее не в силах. Он цеплялся за нее, как за последнюю соломинку, которая вернет его к жизни.

Как сейчас помнит он свое первое признание в любви этой удивительной девушке, помнит, как долго шел к ней.

И теперь вынужден вновь повторить тот же путь!

Но уже с другими подъемами, полных боли, Нет, не только физических, а более мучительных - душевных страданий.

Анвар тоже прекрасно понимает Малику. Понимает, чего она боится, что ее останавливает. Он ни на секунду не засомневался в ее истинной любви к нему. Иначе она не находилась бы здесь. Малика ждала его. С надеждой, что он сделает первый шаг. Как настоящий мужчина.

Боже, как же он хочет совершить этот подвиг! Но как?! Как показаться ей на глаза в таком виде? Несчастливым, беспомощным калекой?! Будь его воля, горы перевернул бы ради ее счастья!

«О Аллах, дай ему силы решиться - пусть он позовет меня! Ты же видишь, как я люблю его!».

«Ну позову я ее, что дальше! Что будет дальше? Эти глаза, этот задумчивый взгляд... Нет, нет, я не выдержу, если увижу в них, даже плохо скрываемую, жалость...»

«Ну где его былая решительность? Он же для меня все тот же сильный, мужественный Анвар. Неужели он до сих пор не понял, чего я от него жду?.. Прошу тебя, любимый, только позови меня! Ты же своим упрямством парализовал и меня, и еще неизвестно, кто из нас инвалид, кому больше страданий достается...»

«Ни разу не повернула голову в мою сторону».

«Как давно я его не видела! Надолго ли меня хватит? Так хочется увидеть эти чудесные глаза, услышать волшебный голос».

«Как же она прекрасна! Как совершенна! Боже, и на что я надеюсь?! Я же не имею права обрекать эту красоту на страдания! Она создана для счастья. А что я могу ей дать? Одни проблемы и... калеку в придачу...»

«Чего он боится? Неужели усомнился в моих чувствах? Мне же от него ничего не надо, лишь бы разрешил остаться рядом. Аллах, как же мне мало надо для полного счастья! И как же это много!»

«Что же делать? Кто подскажет, как поступить?»

«Неужели и сегодня не позовет? А может, все-таки взглянуть на него? Может, и голос потерял? Аллах, ну что мне делать, как поступить?!»

«Она так ни разу и не посмотрела в мою сторону... Может, о ужас, она не меня ждет? Кто это к ней так радостно бежит? Знакомый? Или любимый?... Нет, прошел мимо... Да что это со мной, что я делаю? Я не имею права так низко опускаться, даже в мыслях...»

«А может, он и не любит меня, давно разлюбил, а приходит сюда, чтобы поиздеваться над моими ожиданиями? Ведь могло случиться так, что болезнь ожесточила его, притупила чувства ко мне? Нет, этого не может быть, он же был сильный духом... Что я делаю? Я не имею права так плохо думать о нем!»

«А если она не придет в следующем году? Что будет тогда? Какой же я трус! Я даже не заслуживаю такой любви! Да она же в тысячу раз сильнее и мужественнее меня! Но она тоже человек, хватит испытывать ее чувства, терпение... Я должен что-то сделать, иначе потеряю ее навсегда...»

Анвар с ненавистью посмотрел на свои беспомощные, неподвижные ноги. Как же он ненавидит их, но больше ненавидит самого себя. Нет, не только ненавидит, это хоть какое-то чувство, достойное уважения. Он презирает себя. За свое слабование, малодушные сомнения.

Хватит восседать на этом железном троне!

Молодой человек решительно взялся за

опостылевшие костыли и с их помощью, преодолевая невыносимую боль во всем теле, грузно поднялся.

Полдела сделано - освобожден от коляски.

И что дальше? Стал лучше, здоровее? Да с этими противными костылями он выглядит еще глупее и несчастнее!

На помощь к нему бросился младший братишка, сопровождающий его, и вопросительно взглянул на него. Анвар лишь молча отстранил парня, тяжело вздохнул, собрал остатки силы - и физические, и духовные, - заскрежетал зубами и решительно отбросил деревяшки. Брат заученными движениями поймал их на лету.

Свинцовые ноги выдержали экзамен: Анвар твердо стоял, чувствуя под собой землю. Голова кружилась, от волнения пересохло во рту.

Теперь осталось позвать любимую!

«Нет, он и сегодня не позовет меня... Видно, не судьба. Я должна уйти... Но почему? Ведь я столько ждала, надеялась! Я не должна уходить, я не могу убежать от него, от себя... Пусть он отвернется от меня, пусть не примет... теперь я сделаю первый, будь он последний, шаг навстречу своему счастью...»

- Малика!

Девушку будто оглушили собственным именем. Что? Неужели зовут ее? Может, вблизи еще другая Малика, ее тезка? Она не смела даже шелохнуться, боясь ошибиться, разочароваться.

- Малика! - надрывный голос, полный необъяснимой тоски и волнения.

Нет, ей больше не нужно пытаться строить каменную плотину против огромной волны любви, пытающейся вырваться наружу потоком безудержной

радости!

Не стоит больше делать тщетных усилий, чтобы
успокоить kloкoтaвшee нeзeмным счастьем пылкое
сердце!

Не надо охлаждать огонь разгоряченной крови!

И пусть звездами засверкают глаза!

И пусть фонтаном струится долгожданное
счастье, усыпая жемчугом дорожку их чудесной любви!

И пусть это мгновение несмываемой печатью
счастья засияет на светлом девичьем лице!

- Анвар!

- Малика!

- Анвар!

А небо сыпалось счастьем - узорчатыми
снежинками, небесными дарами к Новому году, к
Новому Счастью!

А почему бы и нет?!

Ведь Анвар и Малика тоже искрятся, брызжут
счастьем, жаждой жизни!

Они дождались-таки этого пушкинского
«чудного мгновения»!

И пусть счастье мимолетно. Вспыхнет ярким
метеором и... нет, не угаснет, а навечно ляжет млечной
дорожкой по трепетной душе!

2006 год

ГДЕ ЖЕ ТЫ, МОРЕ, ОТЗОВИСЬ!

Море - одно из чудес мироздания.

Как и космос, оно трудно достигаемо для человека. Ему посчастливилось избежать губительного вмешательства человечества. И это просто замечательно, иначе море потеряло бы свою первозданную красоту и давно омертвело бы от его безжалостной руки.

Оно как живое существо, в котором воплотились все человеческие страсти.

Порою море бывает капризным, как малое дитя, и ты не знаешь, как к нему подступиться, уговорить его. Сначала оно беспокойно ворочается, затем вдруг, обуреваемое непонятной яростью, начинает в бешенстве швырять громадные волны на гранитные утесы, нависшие остроконечными зубьями над бушующим морем. Эти скалистые великаны напоминают мифологических атлантов, удерживающих небосвод своими могучими плечами. Иногда бывает такое ощущение, что море и есть кусочек неба на земле. Утесы веками стойко выдерживают грозный натиск морских скакунов, безуспешно пытающихся одолеть этот каменистый барьер и выбраться на волю.

Вот летит на него самый могущественный девятый вал, играя косматой гривой, на ходу проглатывая зазевавшихся меньших сестер, тем самым набирая еще большую силу, и со всего размаху таранит подножие отвесной скалы, поднимая вокруг тончайшую пыль соленых брызг. Это морское чудовище, совсем еще недавно способное сметать все на своем пути и

издававшее такой грозный рев, ударившись о каменную грудь беспристрастного утеса, обреченно испускает последний предсмертный вздох и откатывает обратно в свою стихию, бессильно волоча за собой валуны и гравий. Но следующий кипящий вал подхватывает его ношу и тут же швыряет к подножию утеса.

А в другой раз море напоминает зардевшуюся девушку, которая, затаив дыхание, замерла в томительном ожидании любимого и лишь легкое дыхание выдает ее присутствие.

С раннего утра разбушевавшееся море к полудню успокоилось и устало заснуло, убаюканное теплыми лучами солнца и шелковым прикосновением воздушных течений. Осмелевшие чайки с пронзительными резкими криками снижаются к остекленевшей глади и тут же взлетают ввысь, рассекая длинными крыльями свежий морской воздух.

Яха панически боится воды и поэтому осмеливается лишь расхаживать по каменистому побережью. Иногда она наклоняется, заметив на земле камушки необычной формы, граверами которым послужили неугомонные волны морских пучин.

Девушка впервые видит это чудо природы и не перестает им восхищаться.

Она с группой отдыхающих приехала в этот райский уголок и не может наглядеться на живописную красоту окружающей природы.

Яха присела у самого берега и окунула стройные ноги в прозрачную воду.

Волны гостеприимно ринулись к долгожданной гостье и в изящном реверансе рассыпались у ее ног. Опережая друг друга, они накатывались на вытянутые ножки юной красавицы, ласково осыпая их солеными

поцелуями. Затем, чуть осмелев, теплым объятием обвивали тонкую талию девы и тут же смущенно отхлынивали назад, оставляя на ее нежной коже пузырьки белой пены.

Они звали ее в свой таинственный мир неизведанных доселе глубин моря и наперебой, захлебываясь, рассказывали сказочные истории морских нетронутых недр, таящих в себе загадки истории.

Поведали ей по секрету, что дорожки морского царства усыпаны драгоценными алмазами, от ослепительного мерцания которых по водяному аквариуму изгибается радуга, переливающаяся всеми цветами хрусталя. Здесь давно ждут ее, свою владычицу, чтобы она, наконец, царственно вступила в свои права.

Рассказывали, как жители этого грозного морского владыки, на вид сурового, но в глубине души такого романтического, сумели вековыми трудами создать волшебную сказку, которая и не снилась им, простым землянам.

А русалки? Нет, нет, они не плод воображения. Эти морские нимфы нанизывают жемчугом и изумрудом каждую ноту своих чарующих песен и поют их золотым голосом, пропитывая ими каждого обитателя подземного царства.

А Атлантида! Ты когда-нибудь слышала об этом необыкновенном городе чудесных мастеров? Он сокрыт от чужих глаз завесой подводных водопадов. Стоит тебе прикоснуться к ним, они послушно откроются и твоим глазам предстанет изумительная картина - уцелевшая древняя культура человечества. По гранитным улицам, как живые, грациозно застыли скульптуры и целые ассамблеи памятников, истосковавшихся по своим поклонникам и ценителям этого великолепия... Ты

улыбаешься! Не веришь нам?!

Конечно, верю. Ведь все это мне привиделось во сне.... А я верю только снам...

Вот, возьми раковину, послушай, о чем она поет. Волны бросают к ее ногам роскошный морской сувенир.

Девушка преподносит к уху витое произведение морского жителя и с улыбкой вслушивается в ее таинственный шепот - изнутри слышен тихий рокот морского прибоя, чередующийся серебряным журчанием подземного родника. Затем шаловливый ветер насвистывает целую композицию нежнейших звуков свирели, оттачивая их всплеском головокружительного танца игривых волн.

Боже, какая гармония!

Ты смеешься?! Ты счастлива?!.. Волны ликуют. Правда, море очень строптиво, но его можно понять, подружиться. И полюбить. Не бойся, ступай в воду, оно сейчас безобидно и поддержит тебя.

Ты качаешь головой? Почему? Ты не хочешь полюбоваться на свое царство? Ведь оно с нетерпением ждет тебя. Здесь ты обрешь покой и счастье. Ну же, смелее!

Ты плачешь?! Слезы... Да они же соленые, как и мы. Видишь, ты одна из нас! Поплыли вместе!...Смотри, солнце зашло и проложило тебе пурпурную дорожку по морской глади...

Девушка смеется в ответ. Нет, она не сказочная Русалка и даже не наивная Ассоль, с тоской и надеждой высматривающая в морском горизонте алые паруса.

А кто же ты?

Лейла, земного Менджуна избранница.

Какая заземленность! Волны разочарованно вздыхают и уплывают на новые поиски покорной

рабыни любви для своего владыки.

Яха встала и робко вступила в притягательную глубину моря, но тут же в страхе отпрянула назад. Нет, как бы сильно она ни любила его, страх сильнее первого чувства.

ПРОЩАЙ, МОРЕ! Как же ей будет не хватать тебя, чудесного прикосновения твоих шелковых волн и твоего проникновенного шепота, так волнующий воображение и ласкающий слух.

... Яха возвращалась домой. Остались позади волшебное море, новые люди, чуждые нравы.

Как она рада встрече с родиной! Она заранее сошла с автобуса, чтобы с новым ощущением полюбоваться на не менее живописную красоту родных гор.

Напротив, будто облокотившись друг на друга, раскинулись горы. Кажется, стоит им чуть придвинуться, и они сольются в одну целую глыбу.

Горы всегда завораживают человека своим загадочным притяжением. А рожденный в их царственной колыбели весь пропитан непокорным духом, всеохватывающим стремлением к высоте и свободному полету.

Это невероятное чувство! Силой воли преодолеваешь кручину природного великана, который еще совсем недавно с презрением глядел на тебя свысока. И вот ты, наконец, на самой макушке поверженного соперника.

И весь мир у твоих ног!

Сердце гулко бьется от радости одержанной победы и вот-вот выскочит из груди, распираемой гордостью, что ты, человек, наделен недюжинной силой воли и при желании можешь даже эти горы перевернуть.

Ты внутренне окрылен, готов взмыть ввысь и объять необъятные просторы родной земли.

И тут твой взгляд, полный восторга и горделивого вызова, схватывает в морской синеве небес черный силуэт горного орла. При виде этой гордой птицы тут же самоуверенность покидает тебя, и ты оказываешься в плену изнуряющих сомнений.

В чем твое величие? Что ты можешь?

Покорение высоты этой горы - ничтожная победа по сравнению с полетом этой свободолюбивой птицы.

И вообще, зачем ты пришел в этот удивительный мир? Ты всего лишь песчинка в огромном мироздании.

Взгляд опустошен, и теперь, вместо горделивого вызова, он полон необъяснимой тоски и зависти к возможности орла парить и брать недоступные ему, человеку, высоты.

Яха подошла к самому краю пропасти и присела на землю, как тогда, у моря. Только эти стройные ножки теперь некому ласкать - мрачная пустота бездны никуда не зовет.

Здесь тоже застыли в немом молчании отвесные утесы и гранитные скалы. И что они тут делают? Ушедшие в забвение атланты? Может, здесь тоже в незапамятные времена клокотало своенравное море и однажды, осилив эти каменные стражи, вырвалось на свободу и разлилось по всей земле, оставив после себя на память эту извивающуюся змейкой речушку.

Исчезла и сказка.... Вместо поведанных ей морскими волнами алмазных дорожек тропы внизу устланы пожелтевшими от солнца булыжниками. И нет ни радуги, ни мерцания цветов хрусталя.

Не слышно чарующих песен морских нимбов.

Ничего не осталось.... Ни прозрачных занавесок из подводных водопадов. Ни янтарных замков, ни пустых дворцов древней Атлантиды, ни сокровищниц затонувших кораблей. Кончилась чудесная сказка...

ГДЕ ЖЕ ТЫ, МОРЕ? ОТЗОВИСЬ!!!

Нет, молчит море. Оно ушло навсегда. Кануло безвозвратно, вдребезги разбив свое сказочное царство.

2005 год

ЧЕЛОВЕКОМ БУДЬ, ЧЕЛОВЕК!

Кто же царь природы?

Кто угодно, но только не ты, Человек!

Ты как раз самое раболепное, слабое, уязвимое существо, которое не вносит ничего в копилку мироздания, а с редким упорством делает все, чтобы загубить божественную красоту величественной природы, с ненасытной жадностью вытягивая из нее весь запас жизни.

Глупец! Что ты о себе возомнил?! Думаешь, весь этот чудесный мир создан только для тебя?

Не ты его сотворил, и не тебе им править!

Эгоист!

Великий Создатель вручил тебе бесценный подарок - Душу, но ты не умеешь жить с ней в гармонии, чувствовать ее неземную силу, трепет, хрупкость. Ты слышишь только биение сердца и довольствуешься этим. Живой, и слава Богу!

Да, ты жив, но ты не живешь. Жизнь в тебе всего лишь теплится, тлеет.

Слепец! Ты ничего вокруг себя не видишь, не слышишь, не замечаешь.

Подойди сюда, замри на мгновение у подножия этого серого камня.

Ты почему пятишься назад? Боишься высоты?

Я не верю! Ты боишься правды, прозрения! Видишь, я читаю твои мысли и тебе некуда деваться от меня. Но ты меня не бойся, я твой дремлющий разум и твой верный друг.

Смотри, этот каменный утес не всегда был безжизненно серым. Он когда-то излучал мраморную белизну и с гордостью возносил на свои могучие плечи самых благородных и сильных из рода человеческого, внимая их мудрым речам, впитывая в себя их силу духа, чистоту помыслов.

Но со временем он обрел другой облик. Посерел, согнулся. Не от времени, нет... Он побледнел, поседел от безграничной человеческой злобы, зависти и коварства.

Когда-то, в незапамятные времена, ступить ногой на него и окинуть восхищенным взглядом всю эту красоту мироздания и с полным правом почувствовать себя, хоть малой, но частицей этого могущества, мог только самый лучший, самый достойный. И вот так, стоя у подножия этого живого памятника, впитать в себя и ощутить всю силу и энергию своих великих предшественников, молча произнести клятву верности их заповедям и следовать их беспристрастным канонам чести.

А теперь сюда взбираются все, кому не лень. Оскверняется память прошлого. Живая речь мудрецов сменилась бессмысленной болтовней глупцов. Многозначительная, завораживающая тишина подвергнута ежедневной людской экзекуции...

Однажды сей благородный камень не сможет выдержать этой пытки, и ее гранитная твердь может рассыпаться в сыпучий песок. Он больше не в силах служить подножием низменных человеческих страстей.

«Нам не скрыться от всевидящего ока Божьего!» -воскликает человек. Пытливо озирается вокруг, подозрительно вслушивается в миллионы звуков...и в мертвую тишину. Но тут же стряхивает с себя сие минутное оцепенение и страстно бросается в безумный водоворот жизни.

А Око Божье - вот оно! В дуновении ветра, в журчании серебряного родника, в каждом взгляде живых существ, в тихом шелесте зеленой листвы.

Алибек не может отвести зачарованный взгляд от неповторимых красок родной природы - живое творение волшебной кисти. Такое совершенство может создать лишь абсолютное совершенство. Великий создатель - Аллах. Только Ему подвластно такое искусство. А человек способен всего лишь копировать эту волшебную красоту. Вот почему говорят о гении художника, что у него дар от Бога.

Он часто взбирается на этот гранитный утес и подолгу остается наедине с царственной красотой. Юный Алибек не знает, с чего начать диалог. У него так много вопросов, но он не знает, с какого из них начать.

Хотя... Есть у него и главный вопрос - кто он такой? Он, Алибек!?.

И этот вопрос гложет его юную душу... Голова кружится, почва плавно уходит из-под ног...

- Как — кто? Ты - нохчо! - в тоне отца звучит гордость и какая-то загадочность.

- А что это значит?

- Валлахи, сын, такой вопрос может задать только человек, в чьих жилах течет не чеченская кровь!

- теперь в голосе родителя гнев и недоумение.

Сын виновато опускает голову.

- Не надо его винить, -
 вмешивается
 сердобольная мать, - ты ему толком объясни, кто мы,
 откуда, зачем здесь? Почему и на что мы родину
 променяли? - язвительно добавляет она.

- Никак не можешь без укоров! — повысил голос
 муж. Но он понимает, что жена права, нечего злиться
 на сына, не его вина в том, что он родился на чужбине и
 плохо понимает, что хотят втолковать ему родители.

- А ну-ка, вспомни кодекс чести, что я тебе давал
 выучить наизусть...

- **The ultimate purpose and purport of a Jonah's
 life is to serve his people and his Fatherland. From him,
 interests of the Fatherlands are always above those of
 his own! *** ...

- О Всевышний! Да что это такое?! Ну, что ты
 там лопочешь?

- Что?..

- Разве речь идет о кодексе чести ковбоев из
 штата Аризона? Говори на родном языке, чеченском.
 Сколько раз надо повторять, чтобы в доме я не слышал
 ни одного английского слова? - отец начинает терять
 самообладание.

- Послушай, стаг, как говорится, лучше один раз
 увидеть, чем сто раз услышать, - не выдержала мать. -
 Может, наконец, познакомишь сына с родиной? Он
 воочию увидит землю вайкахов, поближе узнает далеких
 родственников, почувствует свои корни ...

- А что, мысль! Давно пора...

Абдулла двадцать лет назад покинул родину,
 после долгих переездов обосновался здесь, в Америке,

* Къонах присягает и служит только Отечеству. Ради
 Отечества он готов пожертвовать жизнью, но никогда, ни при
 каких обстоятельствах къонах не поступает личным
 достоинством.

работает, кормит семью.

Алибек долгожданный сын. Шестой ребенок, самый младший. Отец в нем души не чает. Всеми силами пытается взрастить в его душе нохчалла. Но как же ему это трудно дается! Кругом все чуждо! И люди, и законы, и атмосфера. И даже воздух тут чужд... какой-то удушающий, веет от него какой-то бесконечной тоской, даже в самую знойную пору обдаёт тебя холодом эта смертельная ностальгия, до боли скручивает в суставах, сеет неуверенность и сомнения в завтрашнем дне. Чувствуешь свою неполноценность, нет корней, твердой почвы под ногами. Не человек ты, а ... вроде перекасти-поле, без пристанища, безвольный клубок судьбы, послушный течению времени.

Дорога домой... Абдулла пытается унять волнение и, как можно спокойно, старается отвечать на беспокойные вопросы сына.

- Дада, а ты сможешь узнать своих родных?

- Конечно, времени прошло немало, но узнаю... по нашим фирменным носам с горбинкой, - шутит он.

- А село, горы? Интересно, каковы они, эти горы? Так ли величавы, как ты их описывал?

- Ты что, молокосос, ставишь под сомнение слово отца? Величественнее наших гор ничего быть не может...

- Я столько о них слышал! Просто не верится в такую красоту... А обычаи, сохранились ли они?

- Если есть народ, значит - живы и обычаи, ведь наши адаты — основа нации.

- А они не будут смеяться над моим

произношением? - сын в упор смотрит на отца.

- Будут, потому говори поменьше, побольше

слушай и смотри. Просил же тебя, думай и говори на родном языке, а ты все - англиш да англиш.

- А с кем мне было общаться? Кругом чужой говор, чеченца днем с огнем не сыщешь! Ты вечно на работе, мама вся в хлопотах, - в голосе сына слышится обида.

- Ладно, ладно, - Абдулла примирительно хлопает сына по плечу, - ты еще очень молод, узнаешь свой народ поближе, почувствуешь прелесть родного языка, вот тогда станешь не только говорить, но и думать, и мечтать на языке своих предков.

И они размечтались. Отец и сын. Как их встретит родина, как пройдутся по родным местам, вспомнят былое, насладятся рыцарским духом вайнахов.

Алибек без усталости слушал уже ставшие сказкой легендарные истории народа, к которому он принадлежал. Он давно знает их наизусть, но готов слушать вновь и вновь. В его воображении оживают статные джигиты, гарцующие на породистых скакунах, и стройные горянки, наполняющие медные кудалы¹⁷ жемчужной водой из горного родника. Стать их соперничает с достоинством. Речь и манеры полны благородства. Кругом оживляющая энергетика — это сдержанные улыбки счастья и любви. И никто не посмеет нарушить эту безмятежность. Чеченцы превосходные воины - они не дадут в обиду родную землю. Опять в памяти Алибека оживают страницы истории турпалов-вайнахов. Их мужество, смелость, самоотверженность, честь и достоинство.

А обычаи?! Лучше, краше, благороднее и придумать невозможно.

¹⁷ Кудал - медный кувшин.

Разве может народ с такими адатами переродиться во что-то инертное и безликое!

Конечно, нет! Ведь эти адаты — вечный стимулятор бессмертия нации! Говорят, у них каждая женщина по духу княгиня, и гордый вайнах почитает ее как святыню. Разве такая женщина с таким духом может родить на свет дите с рабской душой?! Нет, это просто невозможно!

У этого удивительного народа неистребимый рыцарский дух.

А старцы! Это живой символ мудрости, уважения, яркий пример достойного образа жизни! Слово его тверже камня. Слово его - клятва. Там нет надобности клясться на Коране.

А свадебные обряды!? Столько красоты и романтики! Говорят, нет подобных во всей Вселенной! Невеста, одетая в прекраснейшую национальную габали, замерла в углу в величественной скромности, стыдливо потупив гордый взор. И напрасно выискивать среди празднующих виновника этого торжества - жениха. Ему не положено здесь находиться. Таков обычай гор. Красивый обычай.

- Смотри, сын, мы уже подлетаем! - слышится взволнованный голос отца.

Алибек жадно всматривается в иллюминатор самолета. Вот она - долгожданная встреча с землей обетованной.

Вот она, сказочная страна вайнахов! Мифологическая Колхида, обитель амазонок, страна коллективной цивилизации разных эпох!

Отец и сын напряглись в сладостном ожидании чуда исконно национальной культуры гостеприимства, ласкающий слух и воображение мелодичный тенор

родного языка. Но почему-то не видно и не слышно ни того, ни другого.

Странно, очень странно...

Аэропорт как аэропорт, люди как люди ... в шортах, в маечках, топиках, в шляпках, панамках - и женщины, и мужчины - полная свобода в одежде, общении. Ну, точно как в Америке.

- Дада, что такое? Куда мы попали? - Алибек удивленно озирается вокруг. Юноша трогает за плечо отца, который был не менее шокирован увиденным. - Может, мы ошиблись рейсом, и не туда попали? А?

- Валлахи, сын, я тоже ничего не понимаю... - бормочет отец. Вроде, их должны были встретить, но как тут узнаешь своих?!

- Дада, на каком языке они говорят? - Алибек непонимающе хлопает глазами, пытаясь уловить в потоке незнакомой речи хоть одно родное слово.

Тщетно выискивал юноша картины услышанной сказки о родном крае. Нет, даже красок не обнаружил. На месте боевых башен — одни руины. Даже чурты на кладбищах стоят так, будто мертвые перевернулись в своих склепах.

Сказочный Башлам впервые со дня своего сотворения снял свою снежную папаху. Гора стоит с обнаженной вершиной и не перекликается больше в его ущельях озорное эхо - горный дух в изгнании. Он так и не сумел привыкнуть к чужому непонятному зову.

Высохшие следы иссякших родников. Ушла оживляющая энергетика влюбленных душ.

А адаты, лучше, краше и благороднее которых придумать было просто невозможно? Ушли, скорбно удалились, нашли приют лишь в холодных залах музея.

А женщина, что по духу княгиня!

Печать времени выбила дух, слишком тяжелым грузом оказался.

Стать джигитов, горянок больше не соперничают с достоинством, речь и манеры уподобились тому языку, к которому попали в аманаты.

А старец, чье слово тверже камня, чье слово -клятва? Символ мудрости, носитель ценностей прошлого и настоящего, залог будущего? Где он? Почему его не видно?

Алибек в страхе метался по пустым залам вокзала, пока не наткнулся на него. Седобородый старец, в вековой папахе, в вековой черкеске, подобрал под себя столетние ноги в старинных **мяхси**¹⁸.

Юноша почтительно встал перед ним.

- Добрый день, дедушка!

Нет ответа.

Чуть притронулся к его плечу. Тот взглянул на него подслеповатыми глазами.

- Дедушка, я ожидал увидеть совсем другое. Это не то, о чем рассказывал мне отец... Я ничего не понимаю! - Алибек умоляюще вглядывается в эти бездонные старческие очи, будто в них сокрыта вся правда произошедшего.

Затаив прерывистое дыхание, бережно, словно дитя, обхватив дечиг-пандур, старик на какое-то время затих.

Затем, тяжело вздохнув, прикрыл отяжелевшие веки.

У старика вырвался печальный вздох. Покачав седой головой, он положил руку на туго натянутые холодные струны.

¹⁸ Мяхси - обувь из тонко выделанной кожи (ичиги).

И струны вдруг ожили, дечиг-пандур заговорил!
Звуки его проникали в самые потаенные уголки души.
Это была песнь трех струн жизни: детства, юности,
старости. Три голоса илли, изливающих душу трех
периодов жизни.

Пустое помещение переполнили чудесные
аккорды старинной мелодии.

Только ли одно пустое помещение?

Истошившаяся мысль, иссохшая душа,
блуждающая в поисках корней... Все пришло в
движение. Ожило. Бросая упреки, заставляя задуматься,
испытать раскаяние.

Это был монолог старца, обернувшийся в
мелодию. Илли жизни. Не старец исполнял илли. Само
время заговорило. Тревожное, печальное. То ввергая в
уныние, то вдохновляя.

Жизнь сложна...

Жизнь до ужаса страшна...

Но... но, Боже ж Ты мой, как же она была
прекрасна!..

Прекрасна...

...как полная луна... как первый, самый первый
весенний цветок... как стыдливый взгляд
шестнадцатилетней красавицы, с трепетом ожидающей
большого чуда, обещанного ей природой...

Мне тоже когда-то было шестнадцать...

Мне есть что вспомнить...

Этот маленький, тесный мир, весь целиком,
умещался в моем огромном сердце. Я запросто мог
обогнуть его одним шагом. У меня ведь в том возрасте
был широченный шаг... И человечество,
насчитывающее столько-то там миллиардов индивидов,
совсем мне не мешало, хотя и жило на планете,

созданной Всевышним именно для меня, для меня одного. Я относился к ним как к своим гостям, с почитанием, проявляя милосердие и выказывая самое благородное гостеприимство. И не было в моем сердце ненависти ко всему этому огромному сонму людей, пусть и не спешили они покидать мою планету...

А жизнь?.. Жизнь, которая и сложна, и до ужаса страшна?..

Да не была она тогда такой! И сложной, и ужасной она стала потом, когда я уже повзрослел... Для меня, для взрослого, и мир раздулся, и версты стали длинными... И шаг мой укоротился настолько, что целый день самой спешной ходьбы не выводил меня даже за околицу...

И тогда пришло прозрение.

Мне показали, кто я есть на самом деле.

И стало мне ясно, что хозяин мира - не я... что создан этот мир вовсе не для меня... и что гостеприимство людям я выказывал в чужом доме...

Мне стало страшно... страшно и стыдно...

Но до этого было то, ради чего, собственно, и стоило появиться на этом свете.

Ведь и меня не раз посещали долгожданные гости - радужные мечты, неугомонное детство, строптивая, беспокойная молодость.

Струны, перебивая друг друга, как само неугомонное детство, подгоняли мелодию. В илли слышались звонкие детские голоса, веселый смех, своей чистотой сравнимый с прозрачными водами холодных родников, слезы, недолгие, как солнечный дождик. Топот босых ножек, поднимающих дорожную пыль, брызги водопадов... лазание по скалам...колыбельная песня матери...

На лице старика отражается детство...

А струны, понимая настроение старика, вторят след. Теперь они рассказывают о молодости. Кипящая в жилах кровь, всепожирающее пламя любви, долгие ночи, наполненные сладкими грезами... веселые вечеринки... белое свадебное платье на невесте... свадьба... жизнь, наполненное счастьем... первые шажки детей...

Певец, опьяненный этими счастливыми воспоминаниями, едва заметно раскачивается.

Но зазвучала третья струна, более степенная, и вывела из упоительного плена прошлого. Поступь замедлена, появился легкий кашель. Теперь каждая струна звучит отдельно. Обессиленные, уставшие за долгую жизнь пальцы перебирают стальные струны не так проворно. И внутреннее тепло куда-то отступило, давно уже нет былого азарта, и в походке не чувствуется никакой легкости.

Теперь уже старость подводила итоги жизни. Проверяла, насколько праведной она была.

Своей чуткостью, щедростью походи на солнце!

Не разглашай чужие недостатки! Будь образцом добродетельности! Будь отзывчивым! Не позволяй злости овладевать собой, будь сдержанным! Не лицемерь!

Не бойся смерти!

Смерть - это лишь начало новой жизни. Ты видел, как восходит солнце? Как оно заходит? Разве солнце и луна после заката теряют свое величие?!

Из закрытых глаз старика текут слезы. По глубоким морщинам они сбегает на седую бороду и падают на дечиг-пандур, прожигая струны.

Слышится слабый стон инструмента... Его поразила боль, которая скопилась в этих слезах.

По чему плакал старец? По светлому детству?.. По буйной молодости? Мечтам, оставшимися мечтами?.. По израненным жизнью годам? Прошлому или настоящему? Или же будущему?

Старец оплакивал настоящее... Настоящее, которое втоптало в грязь все то чистое, светлое, что народ хранил веками как зеницу ока, что сделало этот народ народом, оплакивал родной язык, являвшийся душой этого народа, традиции, которые настоящее выбросило на свалку как лишний хлам.

Оплакивал будущее...

Он старался в жизни своей чуткостью походить на солнце, пытался держать в тайне чужие недостатки. Быть образцом добродетели, благородства, научился быть сдержанным, подавлять злость, не лицемерить.

А так ли необходимо было походить на солнце? Обогрел ли он хоть одного человека? Сколько он ни старался, сохранились ли в тайне чужие недостатки?

Много ли нашлось таких, кто перенял от него его добродетель, его бесценный жизненный опыт? Хватило ли мудрости оценить, уберечь это достояние?

Перенял ли кто-нибудь его отзывчивость, бескорыстие?

Неизвестно... Нет, неизвестно.

О жизнь! Как же ты сложна! Страшна...Порой до ужаса!

Но - Боже же ты мой! - как же ты была прекрасна, прекрасна до умопомрачения, о жизнь!

Прекрасна... до умопомрачения прекрасна!

- Дада, во имя Аллаха, скажи мне, где я, кто я? -кинулся в его объятия Алибек, захлебываясь от жалости

к этому старцу, перемешанной со страхом перед неизвестным будущим.

- Кто же я? - обретает дар речи затаенная, уставшая мысль.

- Алибе-е-к! - гулко раздается в горах, и эхом отзывается его имя. Юноша, весь в холодном поту, вскакивает с земли. Голова кружится, кошмары сна еще не отпустили его. Колени дрожат, ноги не слушаются.

- Алибек! - слышится вновь, но уже поблизости. Это дедушка его зовет.

- Во-о-о, вай! - спешит он на зов.

- Что это с тобой? На тебе лица нет! - дедушка беспокойно вглядывается в испуганные глаза внука.

- Просто сон приснился... кошмарный... будто я оказался в родной отчужденной стране. Хорошо, что это был всего лишь сон! - молодой человек облегченно вздохнул.

- А ну-ка, расскажи, дай я разгадаю твой сон!

Алибек, волнуясь, будто это происходило с ним наяву, рассказал, что ему пришлось пережить во сне.

- А-а, да знаю я, к чему это, - махнул рукой дед. - Это сумасшедшие бредни твоего отца о призрачном счастье в чужом краю. Видите ли, в Германии, Австрии, Норвегии, во Франции и где еще там, его ждут с таким нетерпением, отведя ему огромный уголок рая... - в его голосе слышится неподдельная грусть, тоска и, вместе с тем, гнев на недальновидного отца Алибека. - Есть одна мудрая притча, - дед, кряхтя, садится на зеленую траву, упрямо пробившуюся сквозь каменную твердь утеса. - Некий человек поехал в большой город и, расхаживая по базару, оказался поблизости лавок, где торговали лекарственными травами и благовониями. Вдруг он рухнул, как подкошенный, потерял сознание.

Все бросились ему на помощь. Пытались привести в чувство, но все тщетно. Один прохожий, дубильщик кожи, узнал его. Поняв, в чем дело, он быстро побежал в заброшенное место, набрал в руку немного навоза и, вернувшись, тут же поднес его к носу лежащему без чувства человека. И, представь себе, человек пришел в себя, встал и пошел дальше, как ни в чем не бывало. Оказывается, он тоже был дубильщиком кожи!.. Вот так же, невозможно найти родину в чужой стране, человек пропитывается тем миром, в котором он родился, и не может выжить в другой атмосфере. Возможно, физически он выживет, но духовно погибнет - это уж точно...

- Ты прав, дедушка! Такое же я испытал и во сне.

- А сон твой вещий... Это предупреждение заблудшим... тем, кто забудет свой язык, свои адаты, культуру. И тогда потеряют себя, не сохранят себя как народ, как нацию...

На некоторое время воцарилась тишина. Только слышно было пение птиц, спокойное журчание горного родника, тяжелые вздохи зеленой листвы.

- Я так и знал, что найду тебя здесь! - Залма подоброму тепло улыбнулся. - И я даже могу догадаться, о чем ты размышляешь у этого трона в лоне природы...

- Так о чем же? - внук недоверчиво озирается вокруг, будто эти мысли застали его врасплох.

- Как прекрасен этот мир, как велик... и как ты ничтожно мал по сравнению с ним ... Ну что, угадал? - дедушка молча кивает головой, приглашая внука сесть рядом с ним.

- Так-то оно так... - нехотя растягивает слова Алибек. - но есть и другое, что меня все время тревожит и ни на минуту не дает покоя.

- Может, поделишься? Или еще не настало время для мужского разговора?! - молодой человек густо покраснел, будто старец прочел его мысли. - Сегодня тебе исполняется пятнадцать лет, Алибек, и мы с тобой не случайно здесь оказались. Именно на этом месте я хотел поговорить с тобой о прошлом, настоящем и будущем.

Алибека вдруг охватило волнение, будто он стоит на пороге великой правды. И это такая правда, что может и восхитить и огорчить одновременно. Он бессознательно сорвал цветок с кокетливой красной головкой и начал вертеть его вспотевшими пальцами.

- Дада, кто мы такие? - одним дыханием выдохнул он давно душивший его вопрос.

Залма ответил не сразу.

- Мы - нохчи! - твердым, непререкаемым голосом изрек он.

Затем, после затянувшейся паузы, заговорил проникновенным голосом.

- Вот здесь, на этом самом месте, где мы с тобой сидим, в свое время убили славного абрека. Радостные, что, наконец-то, покончили с ним, вокруг раздались ликующие возгласы: «Убили-таки этого нохчо!». Смертельно раненный, собрав последние силы, абрек на мгновенье вернул потухший было в предсмертной агонии бесстрашный блеск жгучих глаз, прохрипел окровавленными губами: «Вы убили человека... А нохчо убить никому не удавалось!» и кинулся вниз с этого утеса.

Залма затих.

Внук ждал продолжения начатого разговора, но, так и не дождавшись, неуверенно подал свой голос.

- С тех пор, как я себя помню, я слышу только самое плохое о моем народе, - глухо заговорил Алибек. В его душе накопилось столько тоскливых сомнений ко всему, к чему он соприкасался, что это отравляло ему жизнь. Каждый день, ночь. Эти сомнения мешали ему думать, мечтать, строить будущее.

- Мы есть не то, что говорят о нас наши недруги - мы есть то, что думаем о себе сами... - Залма пытливо взглянул на внука. - А что ты сам думаешь? Что видишь? Ты когда-нибудь прислушался к самому себе? Что говорит твоя кровь, твое сердце?

А что Алибек может ответить деду? Мол, сердце в тяжких сомнениях, кровь стынет в жилах от отчаяния и неведения? Что отсутствие идеи и смысла жизни сводит его с ума? А душа мечется в поисках правды жизни, и она давно затерялась в этом запутанном лабиринте? Ему, даже не деду, а прадеду, легко рассуждать о жизни, спрашивать. Ему вон сколько лет! Столько повидал, пережил... Всеми уважаемый богослов. Кладезь мудрости!

- Не знаю, - честно признался внук, - я ничего не знаю, и... совсем ничего не чувствую...

- А ты внимательно осмотришься... нет, не озирайся, а внимательно присмотришься и вслушайся в природу!

Алибек послушно встал и подставил лицо только что разыгравшемуся ветру-невидимке.

«Как это так, ничего не чувствуешь?» - возмущению ветра нет конца, он хлестко дунул в лицо, волчком покружился вокруг молодого человека и, чуть посвистывая, понесся дальше.

Солнце своими лучистыми струнами дотронулось до его сердечных тайн, оросило теплом и

любовью. Затихшие было лесные птицы вновь наперебой вступили с ним в диалог, каждая пытаясь заявить о своей неповторимости. Дятел сердито забарабанил по морщинистому стволу дуба - столетнему жителю суровых гор. Лес, подстрекаемый ошалевшим ветром, шумно закачался, вздрагивая зеленой листвой.

Земля от обиды прослезилась обильными ручьями. Горы, еще не успевшие до конца оттаять, снова застыли в великой печали, завернувшись в белый саван, и со снежных вершин обдали морозным выдохом еще не оперившегося своего орленка - Алибека.

- А теперь закрой глаза и загляни в себя, - прервал таинство соприкосновения человека с природой голос прадеда Залмы.

Алибек покорно закрыл глаза.

На минуту восхитительная картина природы в немом шоке застыла в прикрытых очах, а затем пьянящим наваждением медленно расплзлась по всему напряженному телу: ласковое солнце завладело сердцем; воздух устремился в легкие, устанавливая связь двух великих миров - Человека и Вселенной - и затих в размеренном дыхании. Живительной влагой расплескалась в жилах горячая кровь. Белая кость впитала в себя дух царственных гор. Разноголосая трель лесных обитателей и загадочные шорохи родной природы легли в единую симфонию любви и преданности земле отцов - Даймохк.

Сердце гулко забилося с новой волной, будто вступило в связь с внешним миром на сверхъестественной таинственной частоте.

Залма посвящал зачарованно слушавшего внука во все таинства природы, сокрытые от глаз человека, но открытые для духовного обогащения.

Алибек, как губка, впитывал в себя все услышанное, и, воспользовавшись наступившей паузой, поспешил найти ответы на свои вопросы.

- Дада, а какую роль человек играет в этом сложном мире? Какую пользу приносит он, цепью чего он служит? Мы в школе изучаем разные науки о сотворении мира, о небесных загадках и многое другое. Неужели Аллах все эти чудеса жизни создал именно для человека?

Залма улыбнулся:

- Алибек, ты не думай, если человек дожил до моих лет, это не значит, что он достиг вершины научных познаний. Если рассуждать так, как ты говоришь — руки опускаются. Однажды великий ученый астролог поведал сторожу своей лаборатории о таинствах мироздания, существовании небесных тел, о возможных мирах, о мощи Солнца, миллионах звезд, неисчислимых планетах. На следующий день, утром, приходит ученый на работу. И что видит?! Лабораторию за ночь полностью разграбили, все разломано. Подзывает сторожа и на вопрос, что произошло за ночь, тот невозмутимо отвечает: мол, вы столько рассказали мне о Вселенной, что я почувствовал себя бесполезной пылинкой в этой жизни, махнул на все рукой и пошел домой.

Алибек рассмеялся от души - теперь он нашел причину своей депрессии.

- А вот и другая история, свяжи ее с первой. Лодочник переправлял одного слишком болтливую ученого на другой берег. «Ты что, не изучал философию? - донимал он своими речами уставшего бедолагу. - Нет? Значит, полжизни потерял!» Лодочник вконец вышел из себя. «А ты плавать умеешь?» - в сердцах спросил он.

«Нет», - пожал плечами всезнайка. «Значит, ты всю жизнь потерял!» - с этими словами лодочник, недолго думая, выкинул философа за борт. Мы же не спрашиваем, Алибек, у своих родителей, почему они дали нам жизнь, и что нам делать с этой жизнью? Мы просто живем, покорно принимая дары и удары судьбы.

Залма рассказал внуку еще одну притчу.

Однажды, измученный поисками истины, Пророк Муса вопрошающе воздел руки к небу: «О Владыка всего сущего! Почему Ты с таким усердием создаешь вселенную и человека, которого используешь в качестве посредника, а затем разрушаешь его, сравнив с землей?

«Брось зерно в почву и вникни в тайну заданного тобой вопроса!» - услышал он в ответ.

Муса посеял хлеб. Когда он поспел, пожал его.

В это время до него донесся тихий голос:

«Отчего ты вначале сеешь зерно, а потом, когда оно созревает, ты его пожал и обмолотил?»

Муса ответил:

«Я пожал и обмолотил хлеб потому, что в нем присутствует и зерно, и солома. Ибо не годится хранить зерно в амбаре, предназначенном для соломы. А солома вредна для зернохранилища. Смешивать их было бы неразумно!»

«У кого ты выучился этой науке, согласно которой ты поступаешь?»

«О Аллах! Это умение различать, которому Ты меня научил, разве не есть проявление божественной заботы? Среди существ, созданных Тобой, есть обладатели как чистых, так и темных душ!»

«Тела, подобно перламутровым раковинам, отличаются друг от друга. Ибо одно из них может

содержать в себе жемчужину, а другое - простую бусинку. Как пшеницу отделяют от соломы, точно также следует, различив и. отделив хорошие и отрицательные черты характера, исправить его, воспитав его, облагородив его и уничтожив его низменные черты. Я был скрытой сокровищницей. Захотел, чтобы обо Мне стало известно, а потому создал живые существа. Слушай это, да не теряя своих хороших задатков и сущности своей, постарайся постичь мудрость и сокровенный смысл своего создания Господом, то есть пойми, что ты создан для служения Господу!..»

- Как видишь, этот мир и человек созданы для того, чтобы сокровищницы мудрости и тайны сокровенных смыслов не остались бы нераспознанными... - закончил мысль Залма.

Незаметно подошло время для полуденной молитвы.

- Вот, смотри, Алибек, - Залма протянул руки, - я сложил ладони в молитве и прошу милости у Аллаха. И не только для себя, но и для близких, для всех живых существ на земле. А разве у Всевышнего можно просить что-либо иное?! Конечно, нет! Когда я молюсь, все мое существо отдыхает. А как, каким словом чеченцы обозначают отдых? **СадоIу**. А еще - это слово обозначает **дышать**. Для меня же это звучит по-своему - *сан доIа* - моя молитва. Я живу этой молитвой, дышу этой молитвой. Значит, я служу Творцу. Стараюсь принести пользу обществу, в котором я живу, стараюсь жить в гармонии с природой. Жизнь человека должна не истощать природу, а обогащать ее. Только в этом случае ее можно назвать правильной жизнью!

Алибек раньше деда справился с молитвой и теперь внимательно прислушивался к тому, как Залма произносит доа. Теперь он слушал и воспринимал текст этой молитвы не как раньше, поверхностно, а по-особенному вникал в каждое слово, в каждую интонацию смиренного обращения старца к Создателю. Действительно, дедушка, с тех самых пор, как внук его помнит, жил этой мольбой к Всевышнему, дышал ею... и верил. Верил в любой ситуации... даже когда не было никакой надежды. А желания эти совершенно лишены эгоизма, в них совсем нет пожелания личного счастья. Все для близких, родных, во имя блага всего окружающего.

- Эх, дада, тебе легко говорить, как прожить эту жизнь, ты через все прошел. А у меня жизнь только начинается, - внук чувствует, как уже раздувается этот мир с его глобальными задачами, проблемами, смыслами.

- Ты что, не успел ногой ступить и уже испугался? Запомни, жизнь терпеть не может малодушных людей... - после молитвы Залма взялся за четки и размеренным голосом продолжил прерванную беседу. - Не стоит все преувеличивать. Человеком будь, человек!.. А чтобы жить и оставаться человеком - не так уж и много надо. А это совсем немного так велико, бесценно!

- И что это, дада! - не терпится внуку узнать суть этого великого, бесценного.

- Ну, скажем, во-первых - это обладание хорошими манерами. Человек должен быть воспитанным, высоконравственным. Во-вторых, он должен общаться с такими же воспитанными людьми, как и сам, духовно обогащаясь и обогащая их...

- И в-третьих? - не выдерживает внук.
- А в-третьих, - улыбается Залма, - не приносить страданий людям!

- И всего-то!? - воскликнул внук, в его голосе слышится легкое разочарование. - А я-то думал, чтобы стать настоящим человеком, потребуется исполинская сила - и физическая, и умственная. И еще нажить несметные богатства.

- И всего-то! - с печалью в голосе воскликнул дедушка. - Эх, внучек, я всю свою долгую жизнь старался следовать этому «всего-то», но, как видишь, и жизни не хватило...

Залма уставился в никуда, осмысливая только что сказанное. Придавая этой скоротечной жизни ему, только ему, понятный смысл.

Затем тихо добавил:

- А насчет накапливания несметных богатств... Не стоит пытаться наполнять кошелек деньгами, растрачивая жизнь впустую... Наполнять его надо тем, что в ходу на небесах - хорошими, добрыми делами!..

Опять наступила тишина. Каждый думал о своем. Старик ворошил память прошлого. Юноша пытался представить будущее.

- Ну, пойдем что ли?! - Залма первым нарушил эту загадочную тишину, в которой переплелись прошлое, настоящее и воображаемое будущее.

Алибек помог подняться деду. Подал ему посох, подняв с земли, протянул папаху. Но не успели они сделать и десяти шагов, как Залма вдруг, не говоря ни слова, повернул обратно к дубу, где они отдыхали.

- В чем дело, дедушка? - недоуменно смотрит ему в след внук.

Залма что-то осторожно стряхивает с каракулевой папахи на землю. Затем неторопливо возвращается к непонимающему юноше.

- Муравьи, - отвечает он на его вопрос. - Не хочется лишать их своей «маленькой родины»...

Они зашагали дальше.

- Дедушка, расскажи еще что-нибудь!

- Я сегодня достаточно наговорился, Алибек! Теперь я поведу тебя к тем, кто намного мудрее меня... Послушаешь тех, что когда-то говорили, но теперь умолкли...

- А это далеко?

- Нет, совсем недалеко... рядом... на кладбище...

**2008 год с.
Мескеты**

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. Начало беды	10
2. Дом престарелых	18
3. Прощальное письмо	30
4. В окружении	38
5. Долгая дорога в ночи	51
6. Мать солдата	66
7. Нашествие	80
8. Под звуки назмы	85
9. Поэзия и проза жизни	88
10. И смех и слезы	91
11. Фотоальбом	95
12. На большой дороге	97
13. Судьба	101
14. Проездом	107
15. Девятый вал	112
16. Маленькая Чечня под чужим небом	118
17. Вежливые зачистки	122
18. Возмездие	129
19. На чужбине	137
20. Жертвоприношение	144
21. Судный день	151
22. Бриллиантовая рука	163
23. Цена жизни	171
24. Невесты на выданье	182
25. Запоздалая пуля	186
26. Самосуд	195
27. Тракторист	203
28. На закате	214
29. Компенсация	226
30. Обратная сторона жизни	235
31. Слово о матери	259

32.Мама, расскажи на ночь сказку!	268
33.В поисках вдохновения	280
34.В конце жизни	285
35.Восемнадцать лет спустя.....	297
36.Одиночество в ночи	307
37.Свадьба	315
38.Надежда	325
39.Цена шутки	341
40.В полдень	351
41.Неудачный день.....	355
42.В прятки с любовью	363
43.И небо сыпалось счастьем	370
44.Где же ты, море, отзовись!.....	382
45.Человеком будь, человек!	389